"В конце они оба умрут - Сильвера Адам"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Annotation

Однажды ночью сотрудники Отдела Смерти звонят Матео Торресу и Руфусу Эметерио, чтобы сообщить им плохие новости: сегодня они умрут. Матео и Руфус не знакомы, но оба по разным причинам ищут себе друга, с которым проведут Последний день. К счастью, специально для этого есть приложение «Последний друг», которое помогает им встретиться и вместе прожить целую жизнь за один день. Вдохновляющая и душераздирающая, очаровательная и жуткая, эта книга напоминает о том, что нет жизни без смерти, любви без потери и что даже за один день можно изменить свой мир.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

5 сентября 2017 года

00:42

00:56

01:00

РУФУС ЭМЕТЕРИО

МАТЕО

РУФУС

МАТЕО

РУФУС

МАТЕО

РУФУС

МАТЕО

РУФУС

МАТЕО

РУФУС

МАТЕО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АНДРЕА ДОНАХЬЮ 03:30

РУФУС

МАЛКОЛЬМ ЭНТОНИ

МАТЕО

Topreading.ru

Руфус

ЭЙМИ ДЮБУА

МАТЕО

РУФУС

МАТЕО

ДЕЛАЙЛА ГРЕЙ

МАТЕО

РУФУС

МАТЕО

РУФУС

ПАТРИК «ПЕК» ГЭВИН

РУФУС

ЭЙМИ ДЮБУА

МАТЕО

РУФУС

МАТЕО

ЛИДИЯ ВАРГАС

РУФУС

ТЭГО ХЭЙЗ

КЕНДРИК О’КОННЕЛЛ

МАТЕО

РУФУС

МАТЕО

ДЕЛАЙЛА ГРЕЙ

МАТЕО

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАТЕО 12:22

РУФУС

Topreading.ru

ДЕЛАЙЛА ГРЕЙ

ВИН ПИРС

МАТЕО

РУФУС

МАТЕО

РУФУС

ДЕЙРДРЕ КЛЕЙТОН

МАТЕО

РУФУС

ДЭМЬЕН РИВАС

МАТЕО

ЗОИ ЛЭНДОН

МАТЕО

ПЕК

МАТЕО

РУФУС

ОФИЦЕР АНДРАДЕ

ПАТРИК «ПЕК» ГЭВИН

РУФУС

ПАТРИК «ПЕК» ГЭВИН

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МАТЕО 17:14

ХОУИ МАЛЬДОНАДО

БЕЗЫМЯННАЯ БАНДА

ДЕЛАЙЛА ГРЕЙ

РУФУС

МАТЕО

РУФУС

Topreading.ru

ДАЛМА ЯНГ

МАТЕО

ПЛУТОНЦЫ

РУФУС

МАТЕО

РУФУС

МАТЕО

РУФУС

21:16

21:24

21:37

22:02

ЛИДИЯ ВАРГАС

ДЕЛАЙЛА ГРЕЙ

ВИКТОР ГАЛЛАХЕР

РУФУС

22:36

БЛАГОДАРНОСТИ

notes

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Topreading.ru

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

В КОНЦЕ ОНИ ОБА УМРУТ

АДАМ СИЛЬВЕРА

Перевела с английского Дарья Раскова

Bookmate Originals

Popcorn Books

Москва

THEY BOTH DIE AT THE END

ADAM SILVERA

HARPER TEEN

An Imprint of HarperCollins Publishers

Topreading.ru

Для тех, кому требуется напоминание о том,

что важен каждый день

Особая благодарность моей маме за всю ее любовь

и Сесилии за то, что была со мной строга, но справедлива. Я всегда нуждался и в том и в другом

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Отдел Смерти

Уметь жить — редчайшая способность в нашем мире.

Многие существуют, не более[1]. — Оскар Уайльд

5 сентября 2017 года

МАТЕО ТОРРЕС 00:22

Отдел Смерти звонит, чтобы сделать главное предупреждение в моей жизни: сегодня я умру. Нет, «предупреждение» — сильно сказано. Это слово подразумевает, что чего-то еще можно избежать, — как гудок автомобиля, когда переходишь дорогу на красный свет: успеешь еще сделать шаг назад. А это скорее запоздалый крик «Осторожно!».

Из моего телефона в другом конце комнаты раздается сигнал тревоги — беспрерывный бой гонга, который ни с чем нельзя спутать, точно колокол церкви в квартале отсюда. Я тут же впадаю в панику, и сотни моих мыслей одновременно заглушают все звуки в мире. Держу пари, такой же хаос творится в голове у парашютистки, когда она впервые выпрыгивает из самолета, или пианиста, который играет первый в своей жизни концерт. Хотя наверняка об этом мне уже никогда не узнать.

Безумие какое-то. Еще минуту назад я читал вчерашний пост на форуме «Обратный отсчет», где Обреченные ведут хронику последних часов своей жизни, меняют статус и размещают в ленте фотографии в режиме реального времени. Пост о том, как один первокурсник ищет новый дом для своего золотистого ретривера. А теперь умру и я.

Я сегодня… Нет… Да. Да.

Грудь сжимается. Я сегодня умру.

Я всегда боялся смерти. Не знаю почему, но мне казалось, что своим страхом я могу ее сглазить и она за мной не придет. Нет, в конце концов, конечно, придет, но только тогда, когда я постарею. Папа даже вбивал мне в голову, что надо притворяться, будто я главный герой какой-нибудь истории, с которым не может произойти ничего плохого. Ведь главные герои не

Topreading.ru

умирают — они всегда должны быть на посту и всех спасать.

Но вот шум в голове постепенно стихает. На другом конце провода меня ждет глашатай Отдела Смерти, чтобы сказать, что сегодня, в возрасте восемнадцати лет, я умру.

Блин, я и правда…

Я не хочу брать трубку. Я бы лучше рванул к папе в спальню и покричал в подушку, потому что он так не вовремя оказался в реанимации, или ударил бы кулаком об стену, потому что мама обрекла меня на раннюю смерть, а сама умерла при родах. Телефон звонит уже раз в тринадцатый, и избегать разговора дальше невозможно, как невозможно избежать того, что случится со мной в течение сегодняшнего дня.

Я убираю с колен ноутбук и встаю с кровати. Меня немного качает, и я чувствую слабость во всем теле. Точно зомби, я медленно бреду к своему столу. Вылитый ходячий мертвец.

На экране телефона, конечно, высвечивается: «ОТДЕЛ СМЕРТИ».

Я весь дрожу, но нажимаю «ответить». И молчу. Не знаю, что сказать. Я просто дышу, ведь мне осталось меньше двадцати восьми тысяч вздохов — именно столько вздохов в день делает тот, кто не умирает, — и я могу еще немного подышать, пока есть такая возможность.

— Здравствуйте, я звоню вам из Отдела Смерти. Меня зовут Андреа. Вы меня слышите, Тимоти?

Тимоти.

Но меня зовут не Тимоти.

— Вы ошиблись номером, — отвечаю я. Сердце успокаивается, хотя я сочувствую этому Тимоти. Правда. — Меня зовут Матео. — Папа назвал меня своим именем и хочет, чтобы оно передавалось по наследству. Теперь это снова возможно, если, конечно, у меня когда-нибудь будет сын.

На том конце слышен стук клавиш. Возможно, Андреа исправляет запись или делает пометку в базе данных.

— Ой, прошу прощения. Тимоти — это джентльмен, с которым я только что разговаривала. Бедняга, он плохо воспринял новость. А вы Матео Торрес, верно?

Ну вот и все, конец моей последней надежде.

— Матео, прошу вас подтвердить, что это действительно вы. Боюсь, мне сегодня еще многих предстоит обзвонить.

Я всегда представлял, что мой глашатай (их официально так называют, это не я придумал) будет полон сочувствия и поможет мне принять новость или даже затянет волынку о том, какая это трагедия, ведь я совсем еще молод. Честно говоря, я бы не возражал, если бы Андреа бодрым голосом пожелала мне как следует повеселиться и оторваться на полную катушку, ведь теперь я по крайней мере знаю, что сегодня случится, а потому не стану открывать новый пазл на тысячу деталей, который никогда не закончу, и не пойду мастурбировать, оттого что секс с живым человеком меня пугает. Но вместо этого Андреа дала мне понять, что я трачу ее драгоценное время, которого у нее, в отличие от меня, в запасе навалом.

— Хорошо. Матео — это я. Я Матео.

— Матео, с прискорбием сообщаю вам, что в последующие двадцать четыре часа вас постигнет безвременная смерть. И несмотря на то что предотвратить ее мы не в силах, у вас по-прежнему есть возможность порадоваться жизни. — Далее глашатай распространяется о том, что жизнь не всегда справедлива, и перечисляет список мероприятий, в которых я могу сегодня поучаствовать. Злиться на нее нехорошо, но ей, очевидно, уже наскучило говорить одни и те же зазубренные фразы о скорой смерти сотням, а то и тысячам человек. Сочувствия от нее явно не дождешься. Не исключено, что во время нашего разговора она вообще подпиливает ногти или сама с собой играет в крестики-нолики.

На форуме «Обратный отсчет» Обреченные выкладывают подробные записи обо всем, начиная с той секунды, как им позвонили, и заканчивая описаниями того, как они проводят свой Последний день. Это такой твиттер для умирающих. Я прочитал километры записей, в которых Обреченные рассказывают, как упрашивали своих глашатаев раскрыть тайну их смерти, но абсолютно всем известно, что подробности не сообщаются никому, даже бывшему президенту Рейнольдсу, который четыре года назад спрятался от смерти в подземном бункере и в конечном счете был убит одним из собственных секретных агентов. Отдел Смерти называет только дату смерти человека, без указания точного времени или причины.

— Вам понятно все, что я сказала?

— Да.

— Будьте добры, зарегистрируйтесь на портале *www. death-cast.com* и заполните специальную форму на тот случай, если у вас есть особые пожелания в отношении ваших похорон. А также не забудьте выбрать гравировку для своего надгробного камня. Если же вы предпочитаете кремацию…

Я был на похоронах всего раз. Когда мне было семь, умерла моя бабушка, и во время церемонии я закатил истерику, потому что она никак не хотела просыпаться. Пять лет промчались как на перемотке, появился Отдел Смерти — и вот внезапно все бодрствуют на собственных похоронах. Возможность попрощаться с близкими до того, как умрешь, — это, конечно, потрясающе, но разве не лучше провести оставшееся время, просто живя? Наверно, я считал бы по-другому, будь я уверен, что ко мне на похороны вообще хоть кто-то придет. Будь у меня больше друзей, чем пальцев на руке…

— В общем, Тимоти, от лица всех сотрудников Отдела Смерти приношу вам свои соболезнования. Нам очень жаль вас терять. Проживите этот день на полную, хорошо?

— Я Матео.

— Простите, Матео. Я до смерти устала. Какой-то бесконечный сегодня день, звонки отнимают столько сил, сплошной стресс…

Я бросаю трубку. Знаю, это очень невежливо. Знаю, но не могу слушать, как кто-то ноет о своем стрессе, когда сам я могу откинуться в течение часа. Да что там часа — десяти минут. Например, подавлюсь леденцом от кашля. Или решу куда-нибудь пойти, а потом упаду на лестнице и сверну себе шею, даже не выйдя из дома. Или кто-то вломится ко мне в квартиру и убьет меня… Единственное, что смело можно исключить, — это смерть от старости.

Я опускаюсь на колени. Сегодня все закончится, и от меня больше вообще ничего не зависит.

Я не могу пуститься в путь по кишащим драконами землям, чтобы найти себе волшебный скипетр и остановить смерть. Не могу вскочить на ковер-самолет и отправиться на поиски джинна, который исполнит мое желание и дарует шанс прожить мою скромную жизнь до конца. Можно, конечно, поискать какого-нибудь сумасшедшего ученого, который заморозит меня в криогенной камере, но есть вероятность, что я погибну прямо в ходе безумного эксперимента. Смерти избежать невозможно, и сегодня избежать ее не удастся мне.

Список людей, по которым я буду скучать (если мертвые вообще способны по кому-либо скучать), такой короткий, что его и списком-то не назовешь. Это папа, потому что он делал для меня все что мог. Это моя лучшая подруга Лидия, не только потому что она не игнорировала меня в школьных коридорах, но и потому что всегда садилась напротив в столовой, делала со мной на пару проекты по географии и мечтала, как однажды станет экологом, который спасет мир, а я отплачу ей тем, что буду в нем жить. Вот и весь список.

Ну а если бы кто-нибудь спросил, по кому я скучать *не буду*, ответить мне было бы и вовсе нечего. Зла мне никогда не причиняли.

Я даже знаю, почему никто так и не решился попробовать завязать со мной дружбу. Правда, знаю. Я жесть какой параноик. Бывало, одноклассники приглашали меня покататься на роликах в парке или погонять на машине поздно вечером, но я вечно соскакивал, потому что *а вдруг что-нибудь пойдет не так и мы умрем*.

Кажется, больше всего я буду сожалеть об упущенных возможностях, ведь я прохлопал ушами все свои шансы по-настоящему пожить и найти близких друзей среди ребят, с которыми просидел в одном классе четыре года. Буду сожалеть обо всех ночевках с одноклассниками, которые пропустил: где все галдели до утра, играли в *Xbox Infinity* и настольные игры, — пропустил, потому что трусил.

Но больше всего я буду сожалеть о Будущем Матео, который, глядишь, расслабился бы и начал жить. Его трудно нарисовать в воображении, но я представляю его человеком, который не боится пробовать новое, к примеру раскуривает косяк с друзьями, получает водительские права или летит в Пуэрто-Рико, чтобы разузнать побольше о своих корнях. Может быть, он с кем-то встречается, и не исключено, что он счастлив. Наверняка он развлекает своих друзей игрой на пианино и поет для них песни. У него на похоронах точно было бы полно народу — людей, которым не удалось в последний раз его обнять, — и церемония растянулась бы на целые выходные.

У Будущего Матео список тех, по кому он будет скучать, был бы длиннее.

Но мне не суждено стать Будущим Матео. Никто со мной не накурится, никто не станет слушать, как я играю на пианино, никто не сядет рядом в машину моего отца, когда я получу права. Мне не доведется спорить с друзьями за лучшие ботинки для боулинга или за право управлять Росомахой на приставке.

Я снова сползаю на пол и думаю о том, что теперь я пан или пропал. Точнее, даже не так.

Сначала пан, потом пропал.

00:42

Topreading.ru

Папа всегда принимает горячий душ, когда расстроен или недоволен собой, — этот ритуал его успокаивает. Я начал за ним повторять лет в тринадцать, потому что на поверхность стали всплывать сбивчивые Матео-мысли и мне необходимы были тонны Матео-времени, чтобы с ними разобраться. Сейчас я стою под душем потому, что чувствую себя виноватым: я ведь смел надеяться, что миру — или хотя бы какой-то его части, за исключением Лидии и папы, — будет грустно меня потерять. Я отказывался быть смелым все те дни, в которые мне не звонили с предупреждением. Я потратил впустую все вчера, а в запасе у меня не осталось ни единого завтра.

Я никому ничего не скажу. Кроме папы, но он вообще сейчас без сознания, так что это не в счет. Не хочу провести последний день своей жизни, гадая, искренни ли со мной окружающие, когда говорят, как они опечалены. Нельзя проводить последние часы на Земле, сомневаясь в тех, кто рядом.

И все же мне придется выйти из квартиры, как-то убедить себя, что сейчас самый обычный день. Нужно повидаться с папой в больнице и подержать его за руку в первый раз с тех пор, как я был ребенком. В первый — и последний… Черт, последний раз в жизни.

Меня не станет раньше, чем я успею свыкнуться с тем, что смертен.

Еще мне нужно повидать Лидию и ее годовалую дочку Пенни. Когда малышка родилась, Лидия нарекла меня ее крестным, и самое отстойное, что именно я должен был позаботиться о девочке в случае, если Лидии не станет, ведь ее парень, Кристиан, умер чуть больше года назад. Только как восемнадцатилетний подросток без средств к существованию сможет позаботиться о ребенке? Правильно, никак. Но предполагалось, что я повзрослею и буду рассказывать Пенни о ее маме, которая спасала планету, и о ее клевом папе; что я заберу ее к себе, когда стану финансово независим и эмоционально готов. Однако меня выбрасывает из ее жизни даже раньше, чем я успеваю стать для нее кем-то большим, чем просто парнем в фотоальбоме — парнем, о котором Лидия, возможно, однажды что-нибудь расскажет, пока Пенни будет кивать и, быть может, смеяться над моими очками, а потом, перевернув страницу, искать родственников, которых в самом деле знает и любит.

Мне даже призраком для нее не стать. Но это не повод не пощекотать ее в последний раз, не вытереть с лица пюре из кабачков и зеленого горошка и не дать Лидии небольшую передышку, чтобы она сосредоточилась на подготовке к экзаменам, почистила зубы, причесалась или вздремнула.

После этого я как-нибудь оторвусь от своей лучшей подруги и ее дочки и буду вынужден пойти и начать жить.

Я выключаю кран, и вода тут же перестает на меня капать. Сегодня нельзя целый час торчать в душе. Я беру с раковины очки и надеваю их. Вылезая из ванны, я поскальзываюсь и, падая навзничь, думаю: вот сейчас и проверим, на самом ли деле перед глазами проносится жизнь, — но в последний миг хватаюсь за сушилку для полотенца и удерживаю равновесие. Я вдыхаю и выдыхаю, вдыхаю и выдыхаю: умереть таким образом было бы весьма печально. Кто-нибудь обязательно добавил бы мой случай в раздел «Откинулись в душе» в блоге «Тупые смерти» — это жутко популярный сайт, который ужасно меня бесит.

Мне нужно скорее уйти отсюда и пойти пожить, но для начала — выбраться из квартиры живым.

00:56

Я пишу благодарственные записки соседям из квартир 4E и 4A и в них сообщаю, что настал мой Последний день. Пока папа в больнице, Эллиот из 4E присматривал за мной и приносил ужин, тем более что всю последнюю неделю у меня не работала газовая плита. Это я так папины эмпанады[2] пожарил. Шон из 4A хотел зайти в субботу починить конфорку, но теперь это делать необязательно. Папа знает, как ее починить, и, когда меня не станет, наверняка захочет на что-нибудь отвлечься.

Я иду к гардеробу, достаю фланелевую рубашку в серо-голубую клетку, которую Лидия подарила мне на восемнадцатилетие, и надеваю поверх белой футболки. Я ни разу не носил ее на улице. Сегодня эта рубашка — способ быть ближе к Лидии.

Я смотрю на часы. Раньше они были папины, но он отдал их мне, когда купил себе цифровые со светящимся экраном (у папы плохое зрение). Почти час ночи. В любой другой день я бы до утра играл в видеоигры, наплевав на то, что в школе буду чувствовать себя разбитым, — все равно отосплюсь в «окнах» между уроками. Конечно, не стоило так разбрасываться свободным временем, ведь я мог бы взять еще один предмет по выбору, например рисование — и плевать, что, хоть убей, не умею рисовать. (Нет, разумеется, убивать меня не надо. Просто мне хотелось бы думать, что сейчас прошлое уже не имеет значения, однако для меня все-таки имеет.)

Может, надо было пойти в музыкальную группу пианистом? Стал бы популярным, потом поднялся бы на ступеньку выше, начал бы петь в хоре, после — дуэтом с кем-нибудь классным, а там и до соло недалеко, если собрать волю в кулак. Черт, даже драмкружок мог быть прикольным факультативом, доведись мне сыграть роль вне зоны своего комфорта. Но нет, я решил, что в свободное время лучше дремать в одиночестве.

На часах 00:58. Когда цифра сменится на 01:00, я обязан выйти из квартиры. Дом был моим храмом и моей тюрьмой, и вот в первый раз в жизни мне нужно покинуть его и вдохнуть свежего воздуха, а не насильно продираться сквозь него, чтобы добраться из пункта А в пункт Б, как это обычно бывает. Нужно посчитать деревья, может быть, спеть любимую песню, опустив ноги в Гудзон, и сделать все возможное, чтобы обо мне вспоминали как о парне, который слишком рано умер.

01:00

Даже не верится, что я больше не вернусь в свою спальню.

Я отпираю замок, поворачиваю дверную ручку и открываю дверь.

Затем мотаю головой и захлопываю ее обратно.

Я не хочу выходить в мир, который убьет меня раньше времени.

РУФУС ЭМЕТЕРИО

01:05

Topreading.ru

Когда мне звонит Отдел Смерти, я до смерти луплю нового бойфренда своей бывшей. Я сижу на нем сверху, коленями прижав к земле его плечи, и единственная причина, по которой он сейчас не получит в глаз, это громкий рингтон Отдела Смерти, который все так хорошо знают либо из личного опыта, либо из новостей, либо из любого вшивого сериала, где с его помощью добиваются эффекта нависшей опасности — *там-дам-да-а-а-ам.* Мои друзья, Тэго и Малкольм, перестают меня подбадривать. Повисает гробовая тишина, и я жду, что телефон Пека, этого придурка, тоже зазвонит. Но нет, только мой. И, возможно, звонок, сообщающий, что я вот-вот расстанусь с жизнью, только что спас жизнь моему противнику.

— Надо ответить, Руф, — говорит Тэго. Он записывал нашу потасовку на видео, потому что обожает смотреть драки в сети, но сейчас таращится на экран своего телефона, будто бы испугавшись, что и ему вот-вот позвонят.

— Черта с два, — говорю я. Сердце стучит как бешеное — быстрее, чем когда я наехал на Пека, быстрее, чем когда уложил его на лопатки. Левый глаз у него уже раздуло, а в правом отражается чистый ужас. Отдел Смерти звонит строго до трех часов ночи. Пек не может знать наверняка, утащу я его с собой на тот свет или нет.

Как и я.

Мой телефон затихает.

— Может, ошиблись? — говорит Малкольм.

Но звонок раздается вновь, и в этот раз Малкольм молчит.

Пустых надежд я не питаю. Не знаю статистики, но точно не припомню, чтобы Отдел Смерти лажал с предупреждениями. Да и вообще, семье Эметерио не сильно везет по части выживания. Встретиться с Создателем пораньше? Мы к вашим услугам!

Я дрожу, и внутри колотится паника, будто кто-то без перебоя бьет меня по голове. Я понятия не имею, как умру, но точно знаю, что это случится. И жизнь моя не проносится картинками перед глазами. Да я в принципе не ожидаю ничего подобного, даже когда окажусь в секунде от смерти.

Пек начинает ерзать подо мной, и я поднимаю кулак, чтоб его утихомирить.

— Может, у него при себе оружие, — говорит Малкольм. В нашей компании он самый крупный. Такой здоровяк, что, окажись он рядом, сумел бы помочь моей сестре сорвать ремень безопасности, когда наша машина перевернулась и рухнула в Гудзон.

До того как раздался звонок, я мог бы поспорить на что угодно, что у Пека нет при себе оружия, ведь это мы поймали его после работы. Но жизнь свою на кон я не поставлю, вот уж нет. Я роняю телефон на землю, обыскиваю Пека, толкаю на живот и проверяю, нет ли на ремне карманного ножа. Потом встаю, а он остается лежать на земле.

Малкольм вынимает рюкзак Пека из-под голубого авто, куда его закинул Тэго, расстегивает, переворачивает вверх дном, и на землю выпадают два комикса — «Черная пантера» и «Соколиный глаз».

— Чисто.

Topreading.ru

Тэго срывается с места, несется к Пеку, и — клянусь — мне кажется, он сейчас пнет его голову ботинком, как футбольный мяч. Но вместо этого Тэго хватает с земли мой мобильник и отвечает на звонок.

— Кому звоните? — Шея Тэго подергивается от нервного тика, и это никого из нас не удивляет. — Подождите, подождите. Это не он. *Подождите.* Секунду. — Он протягивает мне телефон. — Хочешь, повешу трубку, Руф?

Я не знаю. Передо мной на парковке у начальной школы по-прежнему лежит Пек, окровавленный и побитый, и мне вовсе не обязательно снимать трубку, чтобы понять: Отдел Смерти звонит не для того, чтобы поздравить меня с выигрышем в лотерее. Злой и сбитый с толку, я выхватываю у Тэго телефон. Кажется, меня сейчас вырвет, но ведь родителей и сестру не рвало, так что и меня, наверное, не будет.

— Присмотрите за ним, — велю я Тэго и Малкольму. Они кивают. Сам не знаю, как я умудрился стать вожаком стаи. Я оказался в интернате на много лет позже них.

Я отхожу на пару шагов в сторону, подальше от пятна света под вывеской «Выезд», как будто уединение что-то решает. Не хочу, чтобы посреди ночи кто-нибудь заметил кровь на костяшках моих пальцев.

— Да?

— Здравствуйте, меня зовут Виктор. Я звоню из Отдела Смерти. Мне нужно поговорить с Руфусом Эметрио.

Он коверкает мою фамилию, но какой теперь смысл его поправлять. Все равно после меня здесь не останется никого с фамилией Эметерио.

— Да, это я.

— Руфус, с прискорбием сообщаю вам, что в последующие двадцать четыре часа…

— Двадцать три часа, — прерываю его я, ходя туда-сюда вдоль машины. — Вы позвонили после часу. — Вот же отстой. Другие Обреченные получили предупреждение час назад. Быть может, если бы и мне позвонили на час раньше, я не стал бы ждать идиота Пека, вылетевшего из колледжа после первого курса, возле ресторана, где он работает, и не загнал бы его на эту парковку.

— Да, вы правы. Прошу прощения, — отвечает Виктор.

Я стараюсь помалкивать, потому что не хочу вымещать злость на каком-то парне, который всего лишь выполняет свою работу, хотя и не представляю, какого черта кто-то вообще соглашается работать в такой должности. Давайте на секунду представим, что у меня есть будущее. Не существует такой Вселенной, в которой я проснулся бы и сказал: «Хм-м, может, устроиться на сменную работу с полуночи до трех, где я буду сообщать людям, что их жизнь подошла к концу, и ничего больше?» Но Виктор и другие его коллеги сделали такой выбор. Поэтому слышать ерунду вроде «гонца не убивают» я тоже не хочу, особенно учитывая, что он принес вести о моей кончине.

— Руфус, с прискорбием сообщаю вам, что в последующие двадцать три часа вас постигнет

безвременная смерть. И несмотря на то что предотвратить ее я не в силах, я звоню рассказать вам о том, что вы можете успеть сделать за этот день. Но для начала расскажите, как ваши дела? Вы не сразу ответили на звонок. У вас все в порядке?

Ему интересно, как у меня дела. Ну да, конечно. Да я по голосу слышу, что на самом деле ему на меня наплевать, так же как и на других Обреченных, которым он сегодня еще позвонит. Разговоры у них наверняка записываются, и парень вряд ли хочет потерять работу из-за того, что нарушил процедуру и рано повесил трубку.

— Не знаю я, как у меня дела. — Я сжимаю телефон в руке, чтобы не швырнуть его об стену с нарисованными светлокожими и чернокожими детишками, которые держатся за руки, стоя под радугой. Глянув через плечо, я вижу, что Пек все еще лежит ничком на асфальте, а Малкольм и Тэго смотрят на меня. Лучше б следили, чтоб он не сбежал, прежде чем мы придумаем, что с ним делать дальше. — Так что у меня за варианты? — Должно ведь быть что-нибудь интересное.

Виктор пересказывает прогноз погоды на день (дождь до полудня и после обеда, если я вообще дотяну до этого времени), перечисляет всякие мероприятия, которые интересуют меня ровно на ноль процентов (особенно йога в парке Хай-Лайн, под дождем или без него), говорит о формальных похоронных процедурах и ресторанах с лучшими скидками для Обреченных при предъявлении сегодняшнего промокода. От всего остального я абстрагируюсь, потому что с тревогой гадаю, как вообще пройдет мой Последний день.

— А откуда вы знаете? — перебиваю я Виктора. Может, этот парень сжалится надо мной, и тогда я смогу раскрыть эту страшную тайну Тэго и Малкольму. — Я про Последние дни. Откуда вы о них узнаете? Есть какой-то список? Шар с предсказаниями? Календарь из будущего? — Все без конца строят догадки о том, откуда Отдел Смерти получает сведения, которые бесповоротно меняют жизнь людей. Тэго рассказывал мне всякие безумные теории, которые прочитал в сети, типа Отдел Смерти берет консультации у группы настоящих ясновидящих или, что совсем уж смехотворно, что они приковали к ванне инопланетянина и правительство заставляет его передавать данные о Последних днях землян. Эта теория — чистая фигня, но мне сейчас некогда объяснять почему.

— Боюсь, эта информация недоступна глашатаям, — заявляет Виктор. — Нам тоже любопытно, но для выполнения нашей работы знать подробности необязательно. — Еще один ответ на отвали. Готов поспорить, все-то он знает, просто не имеет права говорить, если не хочет потерять работу.

Ну и пошел он.

— Йоу, Виктор, побудь человеком хоть на минутку. Не уверен, знаешь ли ты, но мне семнадцать. Три недели до восемнадцатилетия. Тебя не огорчает, что я никогда не пойду в колледж? Никогда не женюсь? Не стану папой? Не поеду путешествовать? Сомневаюсь. Ты просто сидишь на своем маленьком троне в маленьком офисе, потому что знаешь, что у тебя в запасе еще есть несколько десятилетий, верно?

Виктор откашливается.

— Хотите, чтобы я был человеком, Руфус? Хотите, чтоб я слез с трона и посмотрел правде в глаза? Хорошо. Час назад я разговаривал с женщиной, которая плакала над тем, что больше не сможет быть матерью своей четырехлетней дочери, потому что малышка сегодня умрет. Она умоляла меня подсказать, как можно спасти дочери жизнь, но ни у кого из нас нет таких

полномочий. А потом мне пришлось подать запрос в Детское подразделение, чтобы к ним выслали полицейского. На всякий случай — вдруг в смерти будет виновата мать. Можете мне не верить, но это еще не самое ужасное, что мне приходилось делать на рабочем месте. Руфус, я вам очень сочувствую. Правда. Но в вашей смерти нет моей вины, а мне сегодня, к сожалению, нужно еще многих обзвонить. Вы не могли бы сделать одолжение и пойти мне навстречу?

Черт.

Этому парню, конечно, не следовало рассказывать мне о других звонках, однако я не перебиваю его до конца разговора и теперь думаю лишь о матери, чья дочь никогда не пойдет в школу. Он говорил с ней прямо передо мной. В конце звонка Виктор произносит фразу, которую я привык слышать в каждом сериале и в каждом фильме, в котором фигурирует Отдел Смерти: «От лица всех сотрудников Отдела Смерти приношу вам свои соболезнования. Нам очень жаль вас терять. Проживите этот день на полную».

Сложно сказать, кто повесил трубку первым, но это и не важно. Зло уже сотворено — будет сотворено. Сегодня мой Последний день — персональный Армагеддон Руфуса. Не представляю, как это случится. Молюсь только, что не утону, как родители и сестра. Единственный человек, которому я по-настоящему нагадил в жизни, это Пек, так что надеюсь, меня не застрелят, хотя кто знает, вдруг кто-нибудь обознается. Конечно, *что* я сделаю перед смертью, важнее того, *как* я умру, но мне не дает покоя полное незнание, как именно это случится. В конце концов, умираем мы только однажды.

Возможно, виноват будет все-таки Пек.

Я поспешно возвращаюсь к парням, беру Пека за воротник и с силой прижимаю спиной к кирпичной стене. Из открытой раны у него на лбу сочится кровь, и я не могу поверить, что этот дебил довел меня до такого исступления. Не надо было ему болтать направо и налево о том, почему я больше не нужен Эйми. Если бы до меня не дошли эти слухи, я бы не душил его прямо сейчас и он не был бы напуган сильнее меня.

— Ты не «победил», понял? Эйми со мной рассталась не из-за тебя, так что выкинь эту лажу из головы. Она любила меня. Да, у нас с ней все было сложно, но рано или поздно она бы вернулась ко мне. — Я знаю, это чистая правда, и Малкольм с Тэго тоже так думают. Я напираю на Пека еще сильнее и не отрываясь смотрю ему в незаплывший глаз. — Не хочу тебя видеть до конца жизни. — Да-да, не так уж это и много. Но он же реальный мудак, так пусть не расслабляется. — Понял?

Пек кивает.

Я отпускаю его, вынимаю у него из кармана телефон и швыряю об стену. Экран разлетается на куски, а корпус Малкольм давит ногой.

— Вали отсюда.

Малкольм хватает меня за плечо.

— Нельзя его отпускать. У него связи.

Пек уходит, испуганно прижимаясь к ограде, как будто идет по карнизу небоскреба высоко над городом.

Я стряхиваю руку Малкольма с плеча.

— Я же сказал: *вали, чтоб я тебя больше не видел*!

Пек переходит на бег зигзагами. Он не оборачивается, не проверяет, бежим ли мы следом, и не останавливается, чтобы забрать комиксы и рюкзак.

— Разве не ты рассказывал, что у него друзья в какой-то банде? — продолжает Малкольм. — Что, если они вернутся за тобой?

— Это не настоящая банда, и вообще его оттуда поперли. Нет смысла бояться банды, которая сто лет назад его пригрела. Он даже позвонить им не сможет, ни им, ни Эйми. Об этом мы позаботились. — Я не хотел, чтобы он набрал Эйми до того, как это сделаю я. Мне придется с ней объясняться, а я не уверен, что она захочет меня видеть, если узнает, что я наделал. И не важно, Последний у меня сегодня день или нет.

— Отдел Смерти тоже теперь ему не дозвонится, — говорит Тэго, и шея его дважды дергается.

— Я не собирался его убивать.

Малкольм и Тэго молчат. Они видели, как я набросился на него, будто с цепи сорвался.

Меня продолжает трясти.

Я мог бы его убить, даже при том что не собирался этого делать. Не знаю, как бы я дальше жил, если бы все же его прикончил. Не-е, все вранье, я точно знаю как, просто хочу казаться крутым. Но никакой я не крутой. Я терзаю себя даже за то, что выжил, когда моя семья погибла, а ведь в их смерти не было моей вины. Без вариантов: я не смог бы спокойно жить, зная, что забил кого-то до смерти.

Я срываюсь с места и бегу к нашим великам. Мой руль застрял в колесе Тэго, когда мы бросили их на землю, преследуя Пека.

— Вам со мной нельзя, парни, — говорю я, поднимая свой велик с земли. — Поняли, да?

— Ну нет, мы за тобой. Просто…

— Не обсуждается, — перебиваю я. — Я бомба замедленного действия, и даже если вы не взлетите на воздух вместе со мной — все равно можете обжечься. Причем в буквальном смысле.

— Ты так просто от нас не избавишься, — говорит Малкольм. — Куда ты, туда и мы.

Тэго кивает, и его голова дергается вправо, а тело — нет, будто не хочет следовать за мной. Он снова кивает, на этот раз спокойно.

— Вы как будто мои тени, — вздыхаю я.

— Потому что черные? — уточняет Малкольм.

— Потому что вечно ходите по пятам, — говорю я. — Верные до самого конца.

До конца.

Мы замолкаем. А после садимся на велики и съезжаем с бордюра, и колеса подпрыгивают на асфальте одно за другим. Как некстати я сегодня оставил дома шлем.

Тэго и Малкольм не могут торчать со мной весь день, я это знаю. Но мы плутонцы — братья по интернату — и никогда не поворачиваемся друг к другу спиной.

— Поехали домой, — говорю я.

И мы едем.

МАТЕО

01:06

Я снова оказываюсь в своей комнате («не вернусь сюда больше никогда», как же!) — и мгновенно чувствую себя лучше, будто только что получил еще одну жизнь в компьютерной игре, где мне уже успел надрать задницу финальный босс. Мое отношение к смерти нельзя назвать наивным. Я знаю, что мне от нее не уйти, но не обязательно и рваться к ней сломя голову. Оставаясь дома, я выигрываю время. Я всегда хотел пожить подольше, и у меня по-прежнему есть возможность не оказывать самому себе медвежью услугу и не выходить из дома, особенно в столь поздний час.

Я запрыгиваю в постель с таким облегчением, какое испытываешь, только когда просыпаешься в школу и понимаешь, что сегодня суббота. Я накидываю одеяло на плечи, снова открываю ноутбук и, игнорируя имейл от Отдела Смерти, фиксирующий точное время моего разговора с Андреа, продолжаю читать вчерашний пост на форуме «Обратный отсчет», от которого меня отвлек звонок.

Его написал двадцатидвухлетний Обреченный по имени Кит. В статусах не так уж много говорилось о его жизни — понять можно было только то, что Кит был одиночкой, предпочитавшим гулянкам с одноклассниками пробежки с золотистым ретривером Турбо. Он искал для Турбо новый дом, потому что не сомневался: отец всучит пса первому встречному, и его тут же заберут, такой этот Турбо красивый. Черт, я бы и сам его себе забрал, при том что у меня жуткая аллергия на собак. Но прежде чем отдать своего пса, Кит вместе с ним в последний раз оббегал все свои любимые места в городе. Его лента перестала обновляться где-то в районе Центрального парка.

Я не знаю, как умер Кит. Не знаю, выжил ли Турбо или умер вместе с хозяином. И не знаю, как было бы лучше. Я ничего не знаю. Я мог бы посмотреть вчерашнюю статистику по разбойным нападениям и убийствам в Центральном парке в районе 17:40, когда лента перестала обновляться, однако пусть лучше эта история останется в тайне — для моего же собственного душевного спокойствия. Вместо этого я открываю папку с музыкой и включаю «Звуки космоса».

Пару лет назад сотрудники НАСА создали специальный инструмент, который позволяет записывать звуки разных планет. Да-да, мне это тоже сначала показалось дичью, особенно потому, что во всех фильмах на эту тему говорится, что в космосе звука нет. Но это не так, звук там есть, просто он существует в форме магнитных колебаний. В НАСА конвертировали их в

Topreading.ru

доступный человеческому уху формат, и теперь, даже прячась в своей комнате, я могу познать волшебство Вселенной. (То, чего явно не хватает людям, не следящим за последними трендами в сети.) Некоторые планеты звучат зловеще, как саундтреки к научно-фантастическим фильмам, в которых события разворачиваются в каком-нибудь инопланетном мире. Под «инопланетным» в этом случае я понимаю мир, в котором живут инопланетяне, а не мир за пределами Земли. Нептун звучит как быстрое течение, Сатурн как-то жутко завывает, и поэтому его я слушать перестал; то же касается и Урана — только там еще свистят какие-то ветры, похожие на лазерную перестрелку космических кораблей. Звуки планет — прекрасная тема для разговора в компании. Это если вам есть с кем поговорить, а если нет — то они сойдут за белый шум, под который классно засыпать.

Я отвлекаюсь от мысли о своем Последнем дне, читая другие истории на форуме «Обратный отсчет» и слушая звуки Земли, которые всегда напоминают мне успокаивающую птичью трель или тихое пение кита, в которых в то же время есть нечто странное, нечто подозрительное, только я никак не пойму что. Музыка Земли чем-то похожа на музыку Плутона, в которой одновременно слышится шум моря и шипение змей.

Я включаю трек Нептуна.

РУФУС

01:18

Глухой ночью мы едем в Плутон.

«Плутон» — название, которое мы дали интернату, где оказались, когда наши родители нас бросили или погибли. И хотя настоящий Плутон разжаловали из ранга планет в карликовые планеты, мы друг для друга не перестали быть чем-то важным.

Я остался без семьи только четыре месяца назад, а Тэго и Малкольм друг с другом гораздо дольше. Родители Малкольма умерли при пожаре по вине какого-то поджигателя, которого так и не нашли, но кем бы он ни был, Малкольм надеется, что он горит в аду за то, что забрал у него семью. Малкольм тогда был тринадцатилетним хулиганом, который не оказался нужен больше никому, кроме органов опеки (да и не факт, что им тоже). Мать Тэго бросила его еще ребенком, а папаша сбежал три года назад, когда не смог больше оплачивать счета. Месяц спустя Тэго узнал, что его папаня совершил самоубийство, и с тех пор пацан не пролил по нему ни единой слезы и даже не поинтересовался, как и где он умер.

Еще до того, как я узнал, что умру, я осознавал, что Плутону недолго осталось быть моим домом. Приближается день моего восемнадцатилетия, у Тэго и Малкольма тоже. У них обоих дни рождения в ноябре. Мы с Тэго поступили в колледж и решили, что Малкольм может пожить у нас в общаге до тех пор, пока не устроится сам. А теперь черт знает, что будет дальше, и как же тошно, что меня все эти проблемы уже не коснутся. Но сейчас Малкольм и Тэго со мной — и это главное. Они были рядом с того самого дня, как я попал в интернат. Всегда — и во время семейных праздников, и во время вечернего нытья — они были рядом, справа и слева от меня.

Останавливаться я не планировал, но все-таки торможу, когда вижу церковь, куда приходил спустя месяц после несчастного случая. То были мои первые выходные с Эйми. Здание

Topreading.ru

монолитное, с темно-красными башенками и отделкой из грязно-белого кирпича. Я хочу сфотографировать витражи, но, боюсь, вспышка все испортит. А впрочем, неважно. Если фотография достойна инстаграма, я все равно накладываю на нее классический черно-белый фильтр. Проблема лишь в том, что вряд ли снимок церкви, сделанный рукой такого безбожника, как я, — лучшая последняя фотка для моих семидесяти подписчиков. (Хештег #вотужнет.)

— Ты чего, Руф?

— Это церковь, в которой Эйми играла для меня на пианино, — отвечаю я.

Она католичка, но мне свою веру не навязывала. Мы разговаривали о музыке, и я упомянул, что с недавних пор тащусь от классики, которую раньше часто включала Оливия, когда занималась. Эйми решила, что я должен услышать эту музыку вживую, и захотела лично ее для меня исполнить.

— Нужно рассказать ей о звонке.

Тэго дергается. Уверен, его так и подмывает напомнить мне, что Эйми хочет от меня отдохнуть, но ведь в Последний день это уже не имеет никакого значения.

Я слезаю с велосипеда и откидываю подножку. Далеко от парней я не отхожу, просто делаю пару шагов ко входу, и в этот миг из церкви выходит священник, сопровождающий женщину в слезах. Она постукивает кольцами на руке, кажется, с топазами. Похожие мама как-то заложила в ломбарде, чтобы купить Оливии билеты на концерт в день ее тринадцатилетия. Должно быть, эта женщина Обреченная или знает Обреченного. Ночные смены в народе недаром называют «мертвыми», и сейчас это больше не шутка. Малкольм и Тэго вечно стебутся над священниками, которые сторонятся Отдела Смерти и его «нечистых сатанинских видений», но все-таки круто, что некоторые священники и монахини работают с Обреченными далеко за полночь, отпуская грехи, крестя некрещеных и все такое прочее.

Если где-то там есть Бог, как верила мама, надеюсь, сегодня он меня поддержит.

Я звоню Эйми. Шесть гудков, после чего включается голосовая почта. Я набираю еще раз — та же история. Пробую снова, и голосовая почта включается уже после трех гудков. Эйми не хочет со мной разговаривать.

Я набираю сообщение:

Мне позвонил Отдел Смерти. Может, и ты позвонишь.

Но нет, я не мудак и не могу это отправить.

Я исправляю:

Мне позвонил Отдел Смерти. Можешь перезвонить?

Не проходит и минуты, как раздается звонок. Обычная мелодия, а не сирена Отдела Смерти, от которой замирает сердце. Это Эйми.

— Привет.

— Ты серьезно? — с ходу спрашивает она.

Если бы я пошутил, она бы точно убила меня за ложную тревогу. Тэго однажды так соврал, лишь бы привлечь внимание, но Эйми быстро его раскусила.

— Да. Мне нужно тебя увидеть.

— Где ты? — Она говорит мягко и не пытается повесить трубку, как все последние разы.

— У церкви, куда ты меня приводила, — говорю я. Здесь капец как спокойно, будто я мог бы провести тут весь день и дожить до завтра. — С Малкольмом и Тэго.

— Почему вы не в Плутоне? Где это вы бродите в понедельник ночью?

Мне нужно больше времени, чтобы ответить на этот вопрос. Может быть, лет восемьдесят, но столько у меня нет, а взять себя в руки и рассказать все прямо сейчас я не готов.

— Мы сейчас на пути к Плутону. Давай встретимся там?

— Что? Нет. Оставайся в церкви, я сейчас приеду.

— Я не умру, пока снова тебя не увижу, поверь…

— Ты не неуязвимый, придурок! — Теперь Эйми плачет, и голос ее дрожит так же, как в тот вечер, когда мы попали под дождь без курток. — Господи, ты меня прости, но знаешь, сколько было случаев, когда Обреченные давали такие обещания, а потом им на голову падало пианино?

— Думаю, не так уж и много, — говорю я. — Смерть от падения пианино — явление не такое уж частое по теории вероятности.

— Ничего смешного, Руфус. Я одеваюсь, а ты не двигайся с места. Мне нужно максимум тридцать минут.

Надеюсь, она простит меня за все, в том числе за сегодняшнее. Мы встретимся раньше, чем Пек до нее доберется, и я успею рассказать историю со своей стороны. Уверен, Пек поедет домой, приведет себя в порядок и позвонит ей с телефона брата, чтобы поведать, какой я монстр. Лучше, конечно, так, чем если он позвонит копам, иначе я проведу свой Последний день за решеткой или, чего доброго, подвернусь какому-нибудь случайному легавому под дубинку. Думать обо всем этом мне не хочется; я просто хочу встретиться с Эйми и попрощаться с плутонцами как друг, которого они знают, а не как чудовище, которым я стал этой ночью.

— Встречаемся дома. Просто… приезжай. Пока, Эйми.

Я вешаю трубку раньше, чем она успевает возразить. Потом сажусь на велосипед, в то время как телефон вновь начинает трезвонить.

— Какой план? — спрашивает Малкольм.

— Возвращаемся в Плутон, — говорю я. — Вам, ребята, предстоит организовать мои похороны.

Я проверяю время: 01:30.

Есть вероятность, что кто-нибудь из плутонцев тоже получит предупреждение. Я им этого не желаю, но, быть может, мне не придется умирать одному.

А может, такова моя участь.

МАТЕО

01:32

Я просматриваю «Обратный отсчет», и он жутко меня угнетает. Но и отвести взгляд от него невозможно, потому что у каждого зарегистрированного в системе Обреченного есть история, которой он хочет поделиться. Когда кто-то выставляет перед вами свой жизненный путь, невозможно отвернуться, даже если вы точно знаете, что в конце этого пути он умрет.

Если я не выйду из дома, то смогу помочь кому-нибудь онлайн.

На форуме есть пять вкладок: «Популярное», «Новое», «Рядом с тобой», «Платные посты», «Случайное» — и я, как обычно, первым делом просматриваю рубрику «Рядом с тобой», вдруг кого узнаю… Никого. Отлично.

А впрочем, я бы не отказался с кем-нибудь потусоваться.

Я наугад выбираю Обреченного. Имя пользователя: *Geoff_Nevada88*. Он принял звонок в четыре минуты первого, уже вышел из дома и направляется в свой любимый бар. Парень надеется, что на входе его не попросят предъявить документы, ведь ему только двадцать лет, а свое поддельное удостоверение он недавно потерял. Уверен, все у него пройдет гладко. Я помечаю его ленту флажком и теперь буду получать уведомление после каждого его обновления.

Затем перехожу к следующему аккаунту. Имя пользователя: *WebMavenMarc*. Раньше он работал эсэмэмщиком в компании, производящей газировку. Он дважды упоминает об этом в своем профиле. Марк не уверен, что успеет повидаться с дочерью. Этот Обреченный как будто бы стоит передо мной и щелкает пальцами прямо у меня перед носом.

Я должен повидать папу, даже несмотря на то что он без сознания. Он должен знать, что я приходил к нему перед смертью.

Я откладываю ноутбук, не обращая внимание на оповещения избранных аккаунтов, и иду прямиком в папину спальню. В то утро, уходя на работу, он не заправил кровать, но я уже давно это сделал за него, не забыв аккуратно подоткнуть одеяло под подушки, как он любит. Я сажусь на его половину кровати (правую, потому что мама, судя по всему, всегда предпочитала левую, и даже после того, как ее не стало, папа соблюдал это правило, точно никогда не списывая маму со счетов) и беру в руки фотографию в рамке. На ней он помогает мне задуть свечи на торте с персонажами из «Истории игрушек», который я получил на шестилетие. На самом деле свечи он задул тогда сам, а я над ним хохотал. Папа говорит, что держит эту фотку на прикроватном столике, потому что я на ней очень веселый.

Знаю, это странно, но папа мне такой же лучший друг, как Лидия. Признайся я в этом вслух — меня бы засмеяли, однако у нас с ним всегда были прекрасные взаимоотношения. Конечно, не

идеальные, но, уверен, если взять двух любых людей в мире — в школе, в городе, на другом конце планеты, — то выяснится, что и они тоже постоянно сталкиваются и с дурацкими, и с очень важными проблемами, однако лишь самым близким удается их преодолеть. Мы с папой никогда не ссорились настолько серьезно, чтобы больше друг с другом не разговаривать. А вот среди Обреченных на форуме «Обратный отсчет» многие так ненавидят своих отцов, что отказываются с ними мириться — и неважно, умирают ли их отцы или они сами.

Я вынимаю фотографию из рамки, складываю ее и прячу в карман. Не думаю, что папу расстроят заломы. Потом встаю. Я хочу поехать в больницу, попрощаться с ним и оставить фото у кровати, чтобы он точно его увидел, когда очнется. Хочу, чтобы он ощутил умиротворение, как в самый обычный день, прежде чем кто-нибудь скажет ему, что меня не стало.

Я покидаю его спальню, полный решимости выйти из дома, но вдруг замечаю в раковине гору грязной посуды. Нужно вымыть ее, чтобы по возвращении папе не пришлось отмывать грязные тарелки и чашки с засохшими следами горячего шоколада.

Клянусь, это не отмазка, чтобы не выходить из дома.

Честное слово.

РУФУС

01:41

Раньше мы носились по улицам на великах, как будто у нас в буквальном смысле слетели тормоза, но сегодня все иначе. На перекрестках мы постоянно смотрим направо и налево и останавливаемся на красный свет, как, например, сейчас, когда на дорогах нет ни одного автомобиля. Мы проезжаем мимо клуба «Кладбище Клинта», который каждый вечер открывает двери Обреченным. Рядом со входом уже собралась толпа молодежи двадцати с лишним лет, и в очереди царит чистый хаос. Должно быть, к этим громилам на входе деньжата текут рекой, ведь все Обреченные и их друзья мечтают в последний раз как следует оторваться на танцполе, пока их время не истекло.

Брюнетка (жесть какая красивая) вопит, когда к ней подкатывает какой-то придурок со старой как мир пикаперской фразочкой («Может, ты все-таки доживешь до завтра с капелькой витамина Я в организме…»), а ее подружка начинает с размаху лупить его сумочкой, пока он не отстает. Бедная девушка не может отделаться от мудацких приставаний даже тогда, когда скорбит о своей судьбе.

Загорается зеленый, мы трогаемся с места и уже несколько минут спустя добираемся до Плутона. Наш интернат — это дуплекс с высоким фундаментом и видавшим виды фасадом: сколотые кирпичи, яркие неразборчивые граффити. На окнах первого этажа решетки, но не потому, что мы малолетние преступники. Это для того, чтобы никто не проник внутрь и не обокрал детей, которые уже и так многое в жизни потеряли. Мы оставляем велосипеды у лестницы, бежим к двери, заходим. Затем свободно, не на цыпочках идем по дешевой черно-белой плитке в коридоре прямиком в гостиную. Здесь висит доска для объявлений с информационными листовками про секс, анализы на ВИЧ, аборты, медицинское обследование

Topreading.ru

детей, взятых под опеку, и прочее, и прочее. Но, несмотря ни на что, в этих стенах я чувствую себя как дома, а не как в казенном учреждении.

В гостиной камин, который не работает, но выглядит шикарно. Стены покрашены в оранжевый, и благодаря им я в этом году настроился на осень еще летом. Вот дубовый стол, за которым после ужина в будние дни мы играем в «Карты против человечества» или «Табу». Вот телевизор, по которому мы с Тэго смотрели реалити-шоу «Дом хипстера», притом что Эйми на дух не выносит хипстеров и предпочитает, чтобы я смотрел хентай. А вот диван, на котором мы по очереди спали, потому что он куда удобнее наших кроватей.

Мы поднимаемся на второй этаж, где располагается наша спальня. Здесь, честно говоря, и для одного-то жильца тесновато, что уж говорить о трех, но у нас тут своя атмосфера. Правда, если Тэго на ночь поест гороха, приходится открывать окно, хотя на улице бывает до жути шумно.

— Хочу сказать вот что, — говорит Тэго, закрывая за нами дверь. — Ты правда многого добился. Только подумай, сколько всего ты успел сделать с тех пор, как сюда попал.

— И сколько всего не успел. — Я сажусь на кровать и откидываюсь на подушку. — На меня безумно давит то, что теперь всю жизнь нужно прожить за один день. — Может быть, даже не за полные сутки. Хорошо, если у меня есть хотя бы часов двенадцать.

— Никто и не ждет, что ты найдешь лекарство от рака или спасешь панд от вымирания, — пожимает плечами Малкольм.

— Йоу, этим ребятам в Отделе Смерти повезло, что они не умеют предсказывать смерть животных, — говорит Тэго, а я раздраженно цыкаю и качаю головой. Он выступает в защиту панд, хотя его лучший друг вот-вот умрет. — Не, ну правда! Прикиньте, как все возненавидят чувака, который приговорит к смерти последнюю панду на планете. СМИ сойдут с ума, чувак будет постить селфи, и…

— Да ясно, — прерываю его я. Я не панда, и средствам массовой информации на меня плевать. — Ребята, сделайте одолжение — разбудите Дженн Лори и Фрэнсиса. Скажите, что я хочу устроить похороны перед тем, как уйду из дома. — Фрэнсис так и не проникся ко мне симпатией, но благодаря ему я обрел дом, а многим об этом даже мечтать не приходится.

— Тебе надо переждать вот здесь, — говорит Малкольм и открывает наш единственный шкаф. — Вдруг мы победим систему? Ты можешь стать исключением! Запрем тебя внутри, и все.

— Либо я там задохнусь, либо мне на голову свалится тонна твоего шмотья. — Уж ему ли не знать, что исключений не бывает, что все эти надежды — хрень собачья. Я сажусь на кровати. — У меня не так много времени, парни. — Меня немного трясет, но я беру себя в руки. Не могу себе позволить сорваться в их присутствии.

У Тэго снова начинается тик.

— Тебя можно оставить одного?

Я не сразу понимаю, что он имеет в виду.

— Рук на себя я не наложу, — говорю я.

Покончить с собой я не планировал.

Меня оставляют одного в комнате. Белье, которое мне больше не нужно стирать. Задание на лето, которое не придется заканчивать — да и начинать тоже. В углу кровати лежит свернутое одеяло Эйми, желтое с узором из разноцветных журавликов. Я укутываю им плечи. Одеяло принадлежало Эйми, когда она была ребенком, — это семейная реликвия из детства ее мамы. Мы с Эйми начали встречаться, когда она еще жила здесь, в Плутоне; мы вместе отдыхали под этим одеялом и изредка устраивали на нем пикник в гостиной. Офигенные были времена. После расставания Эйми не просила вернуть ей одеяло, кажется, потому что не хотела меня отпускать. Одеяльце будто бы намекало, что у меня все же есть шанс ее вернуть.

Эта комната капитально отличается от той, в которой я вырос: бежевые, а не зеленые стены, две дополнительные кровати и соседи по спальне. Сама комната меньше вполовину, и в ней нет ни штанги, ни постеров с персонажами из компьютерных игр. И все же здесь есть ощущение дома. Здесь я узнал, что люди могут значить куда больше, чем вещи. Малкольм, например, выучил этот урок тогда, когда пожарные тушили пламя, поглотившее его дом, родителей и все, что он любил.

У нас тут все просто.

К стене над моей кроватью кнопками прикреплены фотографии, которые Эйми распечатала из моего инстаграма: парк Алтеа, куда я всегда хожу подумать; потная белая футболка свисает с рамы моего велика (кадр, сделанный после веломарафона прошлым летом); кем-то оставленная посреди Кристофер-стрит стереосистема, играющая песню, которую я никогда раньше не слышал и больше не услышу; Тэго с разбитым носом (мы тогда придумывали особое рукопожатие плутонцев, но что-то пошло не так, и мы, как придурки, столкнулись башками); два кеда, один одиннадцатого, второй девятого размера (покупая новую пару, я схватил ее, не удосужившись глянуть на подошву); мы с Эйми, где у меня такой чумной взгляд, будто я накурился, хотя это не так (накурился я позже), но фотка все равно вышла зашибись (уличный фонарь на ней прикольно освещает Эйми); следы в грязи, которые я сфотографировал после того, как долго гнался за Эйми по парку (до этого целую неделю лил дождь); две тени, сидящие рядом (Малкольм сопротивлялся, но я все равно нас сфотографировал); и еще миллион снимков, которые я буду вынужден оставить парням, когда уйду отсюда.

Уйду отсюда.

Я так не хочу уходить.

МАТЕО

01:52

Я почти готов выйти из дома.

Помыл посуду, вымел пыль и фантики из-под дивана, протер полы в гостиной, смыл следы от зубной пасты с раковины в ванной и даже заправил кровать. Сейчас я снова сижу у открытого ноутбука, и передо мной стоит задача посложнее: какую надпись заказать для своего памятника. Максимум восемь слов. Как резюмировать жизнь всего в восьми словах?

Он умер там, где жил: в своей спальне.

Topreading.ru

Жизнь насмарку.

Дети и те меньше боятся рисковать.

Надо придумать что-то получше. Все ждали от меня большего, включая меня самого, — это нужно учитывать. У меня остался всего один день.

Здесь лежит Матео: он жил для всех.

Я нажимаю кнопку «отправить».

Назад пути нет. Да, текст еще можно отредактировать, но обещания не забирают, а я только что пообещал миру, что буду жить для всех.

Я знаю, что еще очень рано, но в груди у меня все сжимается, ведь в то же время уже очень поздно, если ты Обреченный. Я не могу сделать это один, не могу выйти из дома в одиночку. Лидию втягивать нельзя. Как только я отсюда уйду (не если, а когда), я зайду к ней и Пенни, но ничего не скажу. Не хочу, чтобы Лидия считала меня мертвым прежде, чем это случится, не хочу причинять ей страдания. Может, позже отправлю открытку, в которой все объясню, пока буду гулять по городу и доживать свой день.

Мне нужен наставник, который одновременно станет мне другом. Или друг, который послужит наставником. И именно для поиска таких людей предназначено популярное приложение, которое часто рекламируют на «Обратном отсчете».

Приложение «Последний друг» придумали для одиноких Обреченных или просто для людей с доброй душой, которые хотят составить компанию Обреченным в последние часы их жизни. Не путайте его с приложением «Некро»: оно помогает тем, кто хочет найти среди Обреченных партнера на одну ночь. Безо всяких обязательств. Существование «Некро» всегда приводило меня в замешательство, и не только потому, что мысли о сексе меня тревожат. Приложение «Последний друг» придумано для того, чтобы перед смертью люди могли почувствовать себя нужными и любимыми. А еще оно бесплатно, в отличие от «Некро», за пользование которым снимают по семь долларов девяносто девять центов в день. Меня это расстраивает: не могу избавиться от ощущения, что человек стоит куда дороже восьми баксов.

Однако, как и в случае с любой другой потенциальной новой дружбой, заводить отношения через приложение — значит отчасти играть с огнем. Помню, я читал на «Обратном отсчете», как одна Обреченная познакомилась с Последним другом и стала обновлять блог так медленно, с перерывами в несколько часов, что многие в чате решили, что ее уже нет. А она на самом деле была все еще жива, да еще как, просто проживала свой Последний день как следует. А после ее смерти тот самый Последний друг написал о ней краткую траурную речь, которая рассказала мне об Обреченной больше, чем я узнал из всех ее постов. Но все не всегда так мило. Несколько месяцев назад одна Обреченная с трагичной жизнью грешным делом познакомилась со скандально известным серийным убийцей из приложения «Последний друг». Когда я читал эту историю, у меня чуть сердце не разорвалось. Это одна из многих причин, почему мне так трудно довериться миру.

Думаю, приложение «Последний друг» может быть мне полезным. И все же я не могу понять, что грустнее: умереть в одиночестве или в компании того, кто не только ничего для тебя не значит, но и сам плевать на тебя хотел.

Topreading.ru

Время уходит.

Я должен попытаться найти в себе мужество, как это сделали сотни тысяч других Обреченных. Я проверяю состояние своего банковского счета в личном кабинете: то, что было отложено на учебу в колледже, автоматически перевелось на мой счет. Там всего около двух тысяч долларов, но для одного дня этой суммы вполне достаточно. Можно сходить в «Арену путешествий» на юге Манхэттена, где Обреченных и их гостей знакомят с разными культурами и погружают в атмосферу незнакомых городов и стран.

Я скачиваю приложение «Последний друг» на телефон. Загрузка происходит молниеносно, будто процессом управляет некое наделенное сознанием существо, которое понимает: весь смысл его существования напрямую связан с тем, что прямо сейчас у кого-то истекает время.

У приложения синий интерфейс. На фоне серого циферблата появляются два анимированных силуэта и, приблизившись, дают друг другу пять. В центре выскакивает надпись: «ПОСЛЕДНИЙ ДРУГ» — и выпадает меню:

 Умираю сегодня

 Не умираю сегодня

Я ставлю галочку напротив «Умираю сегодня». Появляется сообщение:

Компания «Последний друг Инкорпорейтед» выражает вам свое искреннее сочувствие в связи с вашей кончиной. Глубочайшие соболезнования тем, кто любит вас, и тем, кому так и не суждено с вами познакомиться. Мы надеемся, что с нашей помощью вы найдете близкого человека, с которым проведете свои последние часы. Просим вас заполнить профиль для получения более точных результатов.

Нам искренне жаль терять вас.

«Последний друг Инкорпорейтед»

Выскакивает анкета с пустыми полями, и я начинаю ее заполнять.

Имя: Матео Торрес

Возраст: 18 лет

Пол: мужской

Рост: 178 см

Вес: 74 кг

Этническая принадлежность: пуэрториканец

Сексуальная ориентация: <пропуск>

Работа: <пропуск>

Интересы: музыка, прогулки

Любимые фильмы/сериалы/книги: «Лесные волки» Гэбриэля Ридза, «Клеточка — хит сезона», фильмы про Скорпиуса Готорна

Кем вы были в жизни: Я единственной ребенок в семье, и у меня есть только папа. Но он уже две недели в коме и, возможно, выйдет из нее уже после того, как меня не станет. Я хочу, чтобы он мной гордился, хочу успеть проявить себя. Я не могу и дальше быть мальчиком, который ходит с низко опущенной головой, потому что так обкрадываю себя, лишаю общения со всеми вами. Наверное, стоило бы познакомиться с некоторыми из вас куда раньше.

Список того, что нужно успеть: Я хочу пойти в больницу и попрощаться с отцом. После — зайти к лучшей подруге, но не говорить о том, что умираю. Потом — понятия не имею. Я хочу сыграть важную роль в чьей-либо жизни и стать другим Матео, пока у меня есть шанс.

Последние мысли: Я не упущу своего шанса.

Я нажимаю «Отправить». Приложение предлагает мне загрузить фото профиля. Я просматриваю свой альбом в телефоне: много снимков Пенни и скриншотов песен, которые я хотел порекомендовать Лидии; несколько кадров, где мы с папой сидим в гостиной; фото, где я совсем еще ребенок, очень дурацкое. Потом натыкаюсь на селфи в зеленой кепке Луиджи, которую выиграл в июне в онлайн-состязании по *Mario Kart*. Нужно было отправить свое фото организаторам для страницы на сайте, но мне показалось, что парень, который валяет дурака в кепке Луиджи, — на самом деле не я. Так что никакого фото они от меня не получили.

Кто бы мог подумать, что я ошибался. Именно таким я всегда и хотел быть: раскованным, веселым, беззаботным. Никто, глядя на этот снимок, не подумает, что я другой, ведь никто из пользователей приложения меня не знает. И их ожидания будут строиться именно на том, что они увидят в моем профиле.

Я загружаю фото, и на экране возникает последнее сообщение: «Всего вам хорошего, Матео».

РУФУС

01:59

Внизу меня ждут опекуны. Они ринулись к нам сразу, как узнали новость, но Малкольм сыграл роль моего телохранителя, понимая, что мне нужно еще немного времени побыть наедине с собой. Я переодеваюсь в велосипедный костюм: спортивное трико в обтяжку, синие баскетбольные шорты поверх него, чтобы пах не топорщился, как у Человека-Паука, и моя любимая серая флисовая куртка. Не могу даже представить, что в свой Последний день окажусь в городе без велика. Я хватаю шлем: безопасность превыше всего. В последний раз оглядываю комнату. Я не теряю самообладания. Правда, ничего подобного. Даже вспоминая, как гонял с ребятами мяч. Не выключая свет, я выхожу в коридор и оставляю дверь открытой, чтобы Малкольму и Тэго не было жутко возвращаться в нашу комнату.

Малкольм слабо улыбается. Он притворяется невозмутимым, но это у него получается плохо. Я

Topreading.ru

знаю, что на самом деле он на грани истерики, да и не только он. Если бы позвонили кому-то из них, я бы тоже сходил сейчас с ума.

— Ты правда разбудил Фрэнсиса? — спрашиваю я.

— Ага.

Значит, не исключено, что я сегодня погибну от руки опекуна. Есть правило: если ты не будильник, не буди его.

Я спускаюсь вслед за Малкольмом по лестнице. Тэго, Дженн Лори и Фрэнсис ждут внизу. Они ничего не говорят. Первое, о чем я хочу спросить, — нет ли новостей от Эйми (например, о том, что ее задержала дома тетя), но так нельзя.

Я просто искренне надеюсь, что она не передумала и по-прежнему хочет со мной повидаться.

Все будет хорошо. Я возьму себя в руки и сосредоточусь на тех, кто сейчас рядом.

У Фрэнсиса сна ни в одном глазу. Он одет в свой любимый (он же единственный) халат, как какой-то туз, зашибающий огромные бабки собственным бизнесом, а не обычный техник, который тратит на нас то немногое, что зарабатывает. Он классный мужик, правда выглядит диковато из-за проплешин на голове, потому что сам себя подстригает, дабы сэкономить пару баксов. Чистый идиотизм, ведь Тэго у нас настоящий гений-парикмахер. Я сейчас не шучу. Тэго делает лучшие фейды[3] в городе. Этому чертяке точно нужно однажды открыть свой барбершоп и забить на амбиции стать великим сценаристом. Правда, Фрэнсис для фейда уже слишком седой.

Дженн Лори вытирает глаза воротом старой футболки с логотипом своей альма-матер и снова надевает очки. Она сидит на краешке стула, как всегда, когда мы смотрим один из любимых ужастиков Тэго, и точно так же, как в такие моменты, встает, но не потому что увидела, как разлетаются кишки. Она обнимает меня, плачет мне в плечо, и это первое мое объятие после звонка Отдела Смерти. Я не хочу ее отпускать, но нельзя сейчас стоять на месте. Дженн остается рядом со мной, а я пялюсь в пол.

— Ну что, одним ртом меньше? — Никто не смеется. Я пожимаю плечами. Понятия не имею, как себя вести. В школе не учат искусству брать себя в руки перед лицом смерти, особенно когда тебе семнадцать лет и ты здоров. Хватит уже серьезности, я хочу, чтобы они посмеялись. — Камень, ножницы, бумага? Кто со мной?

Я ударяю кулаком по ладони, показываю «ножницы», но никто не присоединяется к игре. Я переигрываю, на этот раз показывая «камень», — но эффект прежний.

— Ну же, ребята. — Еще одна попытка, и Малкольм отвечает на мои «ножницы» «бумагой». В следующую минуту мы играем еще несколько раундов. Фрэнсиса и Дженн Лори побить легко. Я предлагаю сыграть Тэго, и «камень» бьет «ножницы».

— Переигрывайте, — велит Малкольм. — Тэго в последний момент поменял «бумагу» на «камень».

— Чувак, как можно? Думаешь, я стану обманывать Руфа в такой день? — качает головой Тэго.

Я по-дружески пихаю Тэго в плечо.

— Конечно, ты та еще скотина.

Раздается звонок.

Я мчусь к двери, и сердце бешено стучит. Открываю. Лицо у Эйми так раскраснелось, что теперь громадное родимое пятно на ее щеке едва различимо.

— Ты издеваешься? — спрашивает она.

Я мотаю головой.

— Могу показать тебе звонок во входящих на телефоне.

— Я не про твой Последний день, — говорит Эйми. — А про *это.* — Она отходит в сторону и машет рукой вниз, к основанию лестницы. На Пека и его изуродованное лицо. На Пека, которому я совсем недавно сказал, что не хочу его видеть до конца своих дней.

МАТЕО

02:02

Не знаю, сколько пользователей «Последнего друга» активны сейчас в мире, но только в Нью-Йорке онлайн сорок два человека. Я просматриваю их ники и чувствую себя почти как в первый день занятий в школе. Я волнуюсь, не зная, с чего начать, — но тут мне приходит сообщение.

В моих входящих появляется ярко-голубой конверт, он пульсирует и светится, ожидая, что его откроют. Темы у сообщения нет, только базовая информация: «Венди Мэй Грин, 19 лет. Пол: женский. Манхэттен, Нью-Йорк (в двух милях от вас)». Кликаю на ее страничку. Она не Обреченная, просто девушка, которая в столь поздний час хочет утешить одного из них. Она описывает себя как «книжного червя, помешанного на всем, что связано со Скорпиусом Готорном», это, видимо, общий интерес, из-за которого она мне и написала. А еще она тоже любит прогулки, «особенно в конце мая, когда стоит чудесная погода». В конце мая меня уже не будет, Венди Мэй. Интересно, давно ли она зарегистрировалась в приложении? И говорили ли ей, что такие непринужденные слова о будущем могут показаться некоторым Обреченным оскорбительными? Их можно принять за хвастовство, мол, смотрите, как долго мне еще жить на свете. Потом я нажимаю на фото. Милая девушка: светлая кожа, карие глаза, каштановые волосы, пирсинг в носу и широкая улыбка. Открываю сообщение.

Венди Мэй Г. (2:02): привет, Матео. крутые ты любишь книжки. наверн мечтаешь щас о заклинании против смерти, да??

Уверен, у этой девушки добрые намерения, но после изучения ее профиля и этого сообщения я чувствую, что она не гладит меня по спинке (на что я и рассчитывал), а забивает в меня гвозди. Однако грубить я все равно не намерен.

Матео Т. (2:03):Привет, Венди Мэй. Спасибо, ты тоже любишь отличные книги.

Венди Мэй Г. (2:03): скорпиус готорн форева… как ты?

Матео Т. (2:03): Не очень. Не хочу выходить из дома, хотя знаю, что надо.

Венди Мэй Г. (2:03): как прошел звонок? стремно было?

Матео Т. (2:04):Я слегка струсил. Нет, на самом деле жесть как струсил.

Венди Мэй Г. (2:04): лол. ты забавный. и очень милый. наверн мама с папой сейчас с ума сходят, да??

Матео Т. (2:05): Не хочу показаться невежливым, но мне пора. Доброй ночи, Венди Мэй.

Венди Мэй Г. (2:05): че я такого сказала? почему вы мертвецы никогда не хотите со мной болтать?

Матео Т. (2:05): На самом деле ничего такого. Просто родителям сложно сейчас сходить с ума, потому что мамы давно нет, а папа лежит в коме.

Венди Мэй Г. (2:05): и откуда мне было это знать?

Матео Т. (2:05):Я написал об этом у себя в профиле.

Венди Мэй Г. (2:05): ладно пофиг. а домой к тебе можно? мне скоро терять девственность с бойфрендом но я хочу потрениться. поможешь?

Я выхожу из разговора, пока она что-то еще печатает, и на всякий случай блокирую ее. Мне, конечно, жаль, что она так не уверена в себе, и я сочувствую ее бойфренду, особенно если она ему изменит, — но я не чудотворец.

Потом приходят другие сообщения, уже с темами.

Тема: косячок?

Кевин и Келли. 21 год. Пол мужской.

Бронкс, Нью-Йорк (в четырех милях от вас).

Обреченный: нет

Тема: Мои соболезнования, Матео (классное имя)

Филли Бузер. 24 года. Пол мужской.

Манхэттен, Нью-Йорк (в трех милях от вас).

Обреченный: нет

Тема: диван в норм состоянии не продаешь?

Topreading.ru

Дж. Марк. 26 лет. Пол мужской.

Манхэттен, Нью-Йорк (в одной миле от вас).

Обреченный: нет

Тема: Хреново умирать, да?

Элл Р. 20 лет. Пол женский.

Манхэттен, Нью-Йорк (в трех милях от вас).

Обреченный: да

Я игнорирую Кевина и Келли. Травка меня не интересует. Удаляю сообщение Дж. Марка, потому что не намерен продавать диван: папе он еще пригодится для отдыха в выходные. Отвечу на сообщение Филли, оно было первым по очереди.

Филли Б. (2:06):Привет, Матео. Как дела?

Матео Т. (2:08):Привет, Филли. Держусь из последних сил. Тупая фраза, да?

Филли Б. (2:08):Не-а. Уверен, тебе непросто. Не могу сказать, что очень жду дня, когда Отдел Смерти позвонит мне. Ты болен или что? Рановато умирать.

Матео Т. (2:09):Нет, здоров. С ужасом гадаю, что же произойдет. А еще нервничаю, боюсь разочароваться в себе, если не выйду из дома. Чего я точно не хочу, так это умереть в квартире и все здесь провонять.

Филли Б. (2:09):Я могу помочь, Матео.

Матео Т. (2:09):Чем помочь?

Филли Б. (2:09):Сделать так, что ты не умрешь.

Матео Т. (2:09):Этого никто не может обещать.

Филли Б. (2:10):А я могу. По-моему, ты классный парень и не заслуживаешь смерти. Так что приходи ко мне в гости. Это будет наш секрет, но у меня есть лекарство от смерти. В штанах.

Я блокирую Филли и открываю сообщение Элл. Может быть, третья попытка будет удачной.

РУФУС

02:21

Эйми накидывается на меня и со всей силы толкает о холодильник. С рукоприкладством она никогда не шутит, потому что ее предки однажды реально перегнули палку: пришли грабить

ночной магазин, а в итоге покалечили владельца и его двадцатиоднолетнего сына. Правда, за толкание о холодильник никто ее в тюрьму не посадит.

— Посмотри на него, Руфус. Ты башкой своей думал?

Я отказываюсь смотреть на Пека, который стоит, прислонившись к кухонному гарнитуру. Еще на пороге я успел заметить, как его изувечил: один глаз не открывается, губа разбита, на распухшем лбу — следы засохшей крови. Сейчас рядом с ним Дженн Лори, прижимает лед к его лбу. На нее смотреть я тоже не могу. Я ужасно ее разочаровал, и без разницы, умру я сегодня или нет. Тэго и Малкольм встали по бокам от меня. Теперь они тоже молчат: Дженн Лори и Фрэнсис уже вставили им по первое число за то, что они вместе со мной свалили из дому после отбоя и отметелили Пека.

— Не такой теперь смелый, да? — усмехается Пек.

— Заткнись, — неожиданно отрезает Эйми и швыряет телефон о стойку так резко, что все вздрагивают. — За нами не ходить. — Она распахивает дверь кухни. Фрэнсис как бы ненароком подходит к лестнице, сдерживаясь, дабы не стыдить и не наказывать Обреченного, но пытаясь оставаться в курсе событий.

Эйми хватает меня за запястье и втаскивает в гостиную.

— Так что? Звонит Отдел Смерти, и ты, мать твою, вдруг решаешь, что вправе накидываться на кого угодно?

Видимо, Пек не сказал ей, что я начал его лупить еще до звонка.

— Я…

— Что?

— Нет смысла врать. Я планировал на него напасть.

Эйми отступает назад, будто я какой-то монстр, который может в любой момент кинуться и на нее. Это меня убивает.

— Слушай, Эймс. Я психанул. Я чувствовал, что будущего у меня нет, еще до того как Отдел Смерти кинул мне в руки гранату. У меня всегда были дерьмовые оценки. Мне почти восемнадцать. Тебя я потерял. Я сходил с ума, потому что не знал, что мне делать. Я чувствовал себя полным ничтожеством, и Пек примерно об этом всем трепался.

— Ты не ничтожество, — говорит Эйми и, еле заметно дрожа, подходит ко мне, но уже не боится. Она берет меня за руку, и мы садимся на диван, как в тот раз, когда она сказала, что съезжает из Плутона, потому что у ее тети по маме завелись деньжата и теперь она может взять племянницу к себе. А потом Эйми со мной порвала. Ей хотелось начать все с чистого листа со жлобом, с которым она училась в начальной школе. С Пеком. — Наши отношения уже не имели смысла. И врать сейчас об этом тоже бессмысленно, как ты уже заметил. Даже в день твоей смерти. — Она держит меня за руку и плачет. Я сомневался, будет ли она это делать, настолько злая она сюда влетела. — Я больше не вижу нас вместе, но это не значит, что не люблю тебя. Ты был рядом, когда мне надо было закатить истерику или сорвать на ком-то злость. Ты делал меня счастливой, когда я уставала от ненависти ко всему живому. Ничтожества не могут вызывать столько эмоций. — Она обнимает меня и кладет подбородок

мне на плечо точно так, как клала, когда хотела отдохнуть и посмотреть очередную историческую документалку.

Я прижимаю ее к себе, потому что сказать мне больше нечего. Хочу поцеловать, но неискренность мне сейчас совсем не нужна. Эйми совсем близко, и я отодвигаюсь, чтобы увидеть ее лицо. А вдруг она тоже думает об этом последнем поцелуе? Эйми смотрит мне в глаза, я подаюсь вперед…

В гостиную заходит Тэго и закрывает рукой глаза.

— Блин! Простите!

Я отстраняюсь.

— Ничего, все нормально.

— Нужно устроить похороны, — говорит Тэго. — Но ты не торопись. Это твой день. Прости, то есть не твой день, это же не день рождения, а наоборот. — У него снова начинается тик. — Я сейчас всех позову. — Тэго уходит.

— Не хочу отнимать тебя у остальных, — говорит Эйми. Она не размыкает объятий до тех пор, пока все остальные не заходят в гостиную.

Мне нужно было обнять ее. Я жду того мига, когда уже после похорон мы с плутонцами обнимемся нашим особым плутонским объятием.

Я остаюсь сидеть посередине дивана. Каждый вдох дается с таким трудом, это жесть. Малкольм садится слева от меня, Эйми — справа, а Тэго пристраивается у моих ног. Пек близко не подходит. Играет во что-то на телефоне Эйми. Меня бесит, что ее телефон у него в руках, но приходится молчать, ведь его мобильник разбил я.

Это первые прижизненные похороны Обреченного, на которых я присутствую. Мои родители ничего такого не устраивали, потому что мы все и так были рядом и больше никто нам нужен не был. Ни коллеги, ни старые друзья. Может, если бы я хоть раз побывал на чужих прижизненных похоронах, меня бы сейчас так не обескуражило, что Дженн Лори обращается только ко мне, а не ко всем присутствующим. Из-за этого я чувствую себя уязвимым, точно под прожекторами, и на глаза наворачиваются слезы. Так, например, бывает, когда кто-нибудь поет мне «С днем рожденья тебя». Честно, каждый год одно и то же. Никогда не бывает иначе.

Не бывало.

— …Ты никогда не плакал, даже если на то были все основания, как будто пытался что-то доказать. Остальные… — Дженн Лори не делает ни малейшего движения головой в сторону других плутонцев и неотрывно смотрит на меня, словно мы с ней играем в «гляделки». Уважаю. — Остальные плакали, но в твоих глазах была такая печаль, Руфус… Пару дней ты ни на кого из нас не смотрел. Я была убеждена: замени меня кто-нибудь самозванцем, ты ничего бы и не заметил. Пустота внутри лежала на тебе громадным грузом, пока ты не нашел друзей. И даже нечто большее.

Я поворачиваюсь к Эйми, она не сводит с меня глаз. Точно так же она смотрела на меня при расставании.

— У меня всегда было тепло на душе, когда вы все были вместе, — вздыхает Фрэнсис.

Я знаю, что говорит он не о сегодняшней ночи. Умирать хреново, кто поспорит, но оказаться в тюрьме, когда вокруг кипит жизнь, должно быть, еще хуже.

Фрэнсис смотрит на меня, но больше ничего не произносит.

— Времени у нас мало. — Он делает жест рукой в сторону Малкольма. — Твоя очередь.

Малкольм выходит в центр комнаты, поворачиваясь сутулой спиной к кухонной двери. Он хрипло откашливается, как будто что-то застряло у него в горле; изо рта вылетает капля слюны. Всю жизнь он был каким-то неуклюжим, из тех, в чьей компании невольно испытываешь неловкость, потому что он не умеет вести себя за столом и не фильтрует речь. Но при этом он точно поможет тебе с заданием по алгебре и умеет хранить секреты. Об этом я говорил бы в траурной речи в его честь.

— Ты был… Ты наш братан, Руф. Все это бред. Бред собачий. — Он низко опускает голову и начинает дергать заусенцы на левой руке. — Лучше бы забрали меня.

— Не говори так. Я серьезно, заткнись.

— Я не шучу, — говорит он. — Я знаю, никто не может жить вечно, но ты обязан был жить дольше остальных. Ты значишь больше других людей. Это жизнь. Я ничтожество, которое даже упаковщиком овощей долго проработать не может, а ты…

— А я умираю, — прерываю его я и встаю с дивана. Я весь горю и от избытка чувств сильно бью его по руке. Не извиняюсь. — Я умираю. Но нам нельзя обменяться жизнями. И никакое ты не ничтожество, ты еще можешь взяться за ум.

Тэго встает и массирует шею, чтобы немного унять свой тик.

— Руф, я буду скучать по тому, как ты вечно затыкаешь нам рот. Как не даешь мне убить Малкольма за то, что он жрет с наших тарелок и не смывает за собой в туалете по-нормальному. Я думал, что буду до старости видеть перед собой твою рожу. — Тэго снимает очки, тыльной стороной ладони стирает с лица слезы и крепко сжимает руку в кулак. Потом поднимает глаза к потолку, будто ожидая, что сейчас сверху на нас свалится похоронная пиньята. — Ты должен был жить до старости.

Никто не произносит ни слова, все только плачут сильнее. Когда я слышу, как меня, еще живого, оплакивают близкие, мне становится не по себе. Хочется утешить их и все такое, но я никак не могу выйти из оцепенения. Столько времени я мучился от чувства вины, что выжил, потеряв всю семью, и вот теперь не могу преодолеть этот странный прилив новой вины, вины Обреченного, который умирает, оставляя свою банду на земле.

В центр комнаты выходит Эйми, и мы понимаем, что сейчас все будет жестко. Бескомпромиссно.

— Наверное, тупо сейчас говорить, что я словно застряла в кошмаре и не могу выбраться? Эта фраза про «кошмар» всегда казалась мне какой-то слишком театральной. Типа, что, правда случилась трагедия, а это все, что ты чувствуешь? Не знаю, что все эти люди должны были, по моим представлениям, чувствовать, но сейчас я понимаю: фраза эта прямо в яблочко. У меня есть еще одно клише, ну и пофиг, я скажу. Я хочу проснуться. А если не могу проснуться, то хочу навсегда уснуть, чтобы постоянно видеть во сне все самое красивое, что я о тебе знаю.

Например, как ты смотрел на меня — и видел меня саму, а не просто таращился на эту хрень на моей щеке.

Эйми прислоняет руку к груди и всхлипывает.

— Руфус, мне так больно думать, что тебя больше не будет рядом и я не смогу ни позвонить тебе, ни обнять тебя, и… — Она отводит от меня взгляд и смотрит на что-то у меня за спиной. Ее рука резко опускается. — Кто-то позвонил в полицию?

Я вскакиваю с дивана и вижу красные и синие проблески перед домом. Меня накрывает волна настоящей паники, одновременно безумно короткая и до невозможности долгая, в восемь вечностей длиной. Только один человек в комнате не удивлен и сохраняет самообладание. Я поворачиваюсь к Эйми, и ее взгляд следует за моим в направлении Пека.

— Не может быть, — выдыхает Эйми и бросается к нему. Она выхватывает из его рук свой телефон.

— Он на меня напал! — орет Пек. — И плевать, что срок у него истек!

— Он не просроченное мясо, он такой же человек, как ты! — кричит Эйми в ответ.

Твою ж мать. Не знаю, как Пек это сделал, я не видел, чтоб он звонил в Плутоне, но по его вине копы прибыли прямо на мои похороны. Надеюсь, Отдел Смерти позвонит ему уже через пару минут.

— Беги через заднюю, — говорит Тэго, и его всего дергает от тика.

— Вам тоже надо валить, вы же были со мной.

— Мы их задержим, — говорит Малкольм. — Попытаемся переубедить.

Раздается стук в дверь.

Дженн Лори указывает пальцем на кухонную дверь:

— Сюда.

Я хватаю шлем и спиной иду к кухне, оглядывая всех плутонцев. Папа как-то сказал, что слова прощания — это «самое возможное из всего невозможного», потому что говорить их никогда не хочется, но глупо было бы этого не делать, если есть возможность. Меня обманом лишили шанса их произнести, потому что на мои похороны заявился чужак.

Я мотаю головой и выбегаю через заднюю дверь, хватая ртом воздух. Бегу через задний двор, который мы все ненавидели из-за безжалостных комаров и фруктовых мушек, потом перемахиваю через забор. Прокрадываюсь к фасаду дома, чтобы проверить, есть ли у меня возможность быстро схватить велик, прежде чем бросаться в бегство на своих двух. Полицейская машина припаркована у дома, но оба полицейских, должно быть, уже вошли внутрь, а то и направились к задней двери, если Пек успел настучать. Я хватаю велосипед, несусь с ним по тротуару и вскакиваю на сиденье, едва набираю скорость.

Я не знаю, куда еду, но не останавливаюсь.

Я пережил собственные похороны, жаль лишь, что к этому моменту я еще не умер.

МАТЕО

02:52

Третья попытка удачной не оказалась. Не могу даже сказать, на самом ли деле Элл — Обреченная, но я заблокировал ее без суда и следствия, потому что она сразу начала заваливать меня всяким спамом типа ссылок на «смешные убийства, в которых что-то пошло не так». После этого я сразу закрыл приложение. Честно признаюсь, я чуть больше уверился в том, что правильно прожил свою жизнь, потому что люди бывают отвратны. Сложно даже поддерживать уважительную беседу, не то что найти Последнего друга.

Уведомления о новых сообщениях продолжают всплывать на экране, но я их игнорирую, потому что вышел на десятый уровень «Темного исчезновения», этой адской игры для *Xbox Infinity*. Она такая сложная, что мне даже захотелось подсмотреть читы в интернете. Мой герой, Коув, маг семнадцатого уровня с пламенем вместо волос, не сможет пройти дальше по погрязшему в нищете королевству, если не сделает подношение принцессе. И вот я иду (ну хорошо, Коув идет) мимо уличных торговцев, которые пытаются подороже загнать мне свои бронзовые броши и ржавые замки, и направляюсь прямо к пиратам. Наверное, я задумался по пути в гавань, потому что Коув наступает прямо на мину, и я не успеваю перевести его в режим привидения на время взрыва. Рука Коува разбивает стекло соседнего дома, голова взлетает высоко в небо, от ног вообще ничего не остается.

На экране значок загрузки, мое сердце колотится, и вот снова появляется Коув. Как новенький. Хорошо ему. Я не смогу воскреснуть как он.

Пропадаю тут в четырех стенах и…

Книжный шкаф в моей комнате состоит из двух секций. В голубой, что внизу, хранятся мои любимые книжки, от которых я никак не мог уговорить себя избавиться, хотя каждый месяц дарю что-нибудь больнице для подростков в моем квартале. А белая секция заполнена книгами, которые я планировал прочитать.

…Я хватаю книги, будто у меня еще будет время их прочесть. Хочу знать, как мальчик, воскрешенный особым ритуалом, справляется с жизнью, которая уже потекла было без него. Или о том, каково пришлось девочке, которая не смогла выступить на школьном конкурсе юных талантов, потому что ее родители получили предупреждение от Отдела Смерти, пока она мечтала о пианино. Или как героиня по имени Надежда Человечества получает сообщение от пророков вроде Отдела Смерти о том, что ей придется умереть за шесть дней до решающей битвы, в которой она должна была в первых рядах сразиться с Королем Всего Зла. Я швыряю эти книги на пол, ногой спихивая некоторые из любимых романов с полок, потому что разделение между любимыми книгами и книгами, которым любимыми уже никогда не стать, больше ничего не значит.

Я бегу к колонкам и вот-вот готов разбить их об стену, но в последнюю секунду останавливаюсь. Книги не подключены к электричеству, чего нельзя сказать о колонках, а значит, моя жизнь может прерваться прямо здесь и сейчас. Колонки и фортепиано дразнят меня, напоминая о тех временах, когда я бегом бежал домой из школы, чтобы как можно

больше времени провести наедине с музыкой, пока со смены в швейном магазине не вернется папа. Я пел, но не очень громко, чтобы соседи не слышали.

Я срываю со стены карту мира. Ни разу в жизни я не выезжал за пределы Нью-Йорка и теперь уже никогда не взойду на борт самолета и не увижу египетские храмы и пирамиды, не посещу родной город папы в Пуэрто-Рико или тропические леса, где он проводил время в детстве. Я рву карту на куски, и все страны и города летят мне под ноги.

Тут такой разгром. Я, как герой какого-нибудь фэнтези-блокбастера, стою среди развалин опустошенной войной деревни, которую разбомбили не сумевшие найти меня злодеи. Только вместо разрушенных зданий и обломков кирпичей на полу валяются книги, вверх обложками, вверх переломанными корешками, а другие стопками лежат друг на друге. Сложить все как было я не могу, иначе точно примусь раскладывать их по алфавиту, а после и склеивать карту. (Клянусь, поэтому, а не потому, что ищу повод не убирать комнату.)

Я выключаю *Xbox Infinity*, где на экране снова появился воскресший Коув; все его конечности целы и невредимы, как будто он и не взрывался несколько минут назад. Коув стоит в исходной точке игры, в его руке праздно болтается посох.

Я должен что-то сделать. Я снова беру в руки телефон и открываю приложение «Последний друг». Надеюсь, на этот раз мне повезет не наткнуться на людей опасных, как сухопутные мины.

РУФУС

02:59

Жаль, что Отдел Смерти не позвонил мне раньше, чем я разрушил свою жизнь.

Если бы это случилось вчера вечером, глашатай прервал бы мой сон о том, как я проигрываю веломарафон каким-то детям на трехколесных великах. Если бы неделю назад — я бы не просидел до утра, перечитывая все записки, которые написала мне Эйми, пока мы были вместе. Если бы две недели назад — то глашатай прервал бы мой спор с парнями о том, что герои *Marvel* круче героев *DC* (а может, я даже предложил бы ему поделиться своим мнением). Если бы это случилось месяц назад, то, скорее всего, Отдел Смерти нарушил бы мертвую тишину, которая наступила после ухода Эйми; я тогда ни с кем не хотел разговаривать. Но нет, звонок раздался именно сегодня, когда я избивал Пека, после чего Эйми притащила его ко мне домой для очной ставки и Пек втянул во все копов, на полуслове оборвав мои похороны. И вот теперь я на сто процентов одинок.

Ничего из этого не случилось бы, позвони мне Отдел Смерти на день раньше.

Я слышу сирены полицейских машин и продолжаю крутить педали. Надеюсь, это не по мою душу.

Я еду еще несколько минут, а потом останавливаюсь между «Макдональдсом» и заправкой. Кругом фонари, наверное, тормозить здесь глупо, и в то же время, оставаясь на самом видном месте, можно неплохо спрятаться. Хотя это не точно, я же не Джеймс Бонд, у меня нет

Topreading.ru

руководства по тому, как скрываться от плохих парней.

Черт, а ведь *я* плохой парень.

Но двигаться дальше я просто не могу. Сердце скачет на первой космической, ноги горят огнем. Нужно передохнуть и восстановить дыхание.

Я сижу на обочине у заправки, пахнет мочой и дешевым пивом. На стене рядом с насосами для велосипедных шин изображено граффити с силуэтами двух людей. Оба силуэта — как человек на табличке мужского туалета. Оранжевым баллончиком под ними написано: «Приложение „Последний друг“».

Ни хрена мне не дают прощаться по-человечески. Ни семью свою не обнял в последний раз, ни плутонцев. Черт, дело даже не в прощании. Мне не удалось поблагодарить людей за то, что они для меня сделали. Малкольма за верность, которую он столько раз доказывал. Тэго за то, как мы ржали над его сценариями к ширпотребным фильмам, типа «Клоун-стукач и карнавал судьбы» или «Змеиное такси», хотя сценарий «Доктора на замену» был вот просто отвратный, даже для ширпотреба. Фрэнсиса за его уморительные пародии на киногероев, от которых я ржал до посинения и умолял его заткнуться, так болела грудная клетка. Я вспоминаю тот день, когда Дженн Лори научила меня играть в солитер, не только чтобы я не кис, но и чтобы не скучал в одиночестве; день, когда все уже легли спать и мы круто поболтали с Фрэнсисом: он тогда сказал, что вместо стандартных комплиментов по поводу внешности нужно делать комплименты об индивидуальности — потому что «красивые глаза могут быть у кого угодно, но один-единственный человек может напеть алфавит так, что он навеки станет твоей любимой мелодией». Я вспоминаю Эйми — как она всегда оставалась со мной честна, даже теперь, когда отпустила, сказав, что больше в меня не влюблена.

Можно было бы еще обняться со всеми нашими фирменным плутонским объятием. Но теперь назад дороги нет. Может, не надо было сбегать. Наверное, побег усугубляет наказание, но подумать мне было некогда.

Я должен отблагодарить плутонцев. В своей речи на похоронах каждый из них говорил только правду. В последнее время я, конечно, наворотил делов, но я хороший парень. Малкольм и Тэго не дружили бы со мной, если бы это было не так, а Эйми не стала бы моей девушкой, будь я мразью.

Они не могут быть со мной рядом, но это не значит, что я обязан провести сегодняшний день в одиночестве.

Я ужасно не хочу быть один.

Встав, я иду к стене, на которой нарисовано граффити и висит засаленный постер с названием «Жизнь в моменте», что бы это ни значило. Я рассматриваю силуэты людей на логотипе приложения «Последний друг». После смерти моей семьи я клялся и божился, что умру в одиночестве. Может, так и будет, но то, что я остался один на Земле, не означает, что я не имею права на Последнего друга. Я знаю, что во мне живет хороший Руфус, Руфус, которым я всегда был. Может, Последнему другу удастся его обнаружить?

Я, конечно, не фанат торчать в приложениях, но и морду бить, честно говоря, тоже, — так что уже вышел из зоны комфорта. Я захожу в магазин приложений и скачиваю «Последнего друга». Закачка происходит нереально быстро, небось сожрала весь мобильный интернет, ну да пофиг.

Я регистрируюсь как Обреченный, заполняю анкету, загружаю старое фото из инстаграма — и готово.

За первые пять минут мне прилетает семь личных сообщений — и вот я уже не чувствую себя одиноким. Один парень, правда, затирает какую-то фигню о том, что у него в штанах лекарство от смерти, и, черт, я предпочту лучше смерть.

МАТЕО

03:14

Я меняю установки профиля: теперь меня могут видеть только девушки и парни в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет. Люди старше больше не будут ко мне приставать. Делаю следующий шаг, и теперь связаться со мной могут только Обреченные, так что мне не придется иметь дело с теми, кому нужно купить травы или подогнать диван. Количество пользователей онлайн сразу значительно сокращается. Уверен, сегодня из Отдела Смерти позвонили сотням, может, даже тысячам подростков, но прямо сейчас в сети сидят всего восемьдесят девять зарегистрированных Обреченных. Я получаю сообщение от восемнадцатилетней девушки по имени Зои, но игнорирую его, когда замечаю профиль Руфуса, которому семнадцать. Мне всегда нравилось это имя. Я кликаю на его профиль.

Имя:Руфус Эметерио

Возраст:17 лет

Пол:мужской

Рост:178 см

Вес:77 кг

Этническая принадлежность:кубино-американец

Ориентация:бисексуал

Работа:профессиональный растратчик времени

Интересы:велик, фотография

Любимые фильмы/сериалы/книги:<пропуск>

Кем вы были в жизни:Я пережил то, что не должен был пережить.

Список того, что нужно успеть:доделать дела

Последние мысли:Пора. Я наделал ошибок, но уйду как полагается.

Мне нужно больше времени, больше жизни, а этот Руфус Эметерио уже смирился со своей судьбой. Может, он потенциальный самоубийца. Отдел Смерти не знает, будет ли это

Topreading.ru

самоубийство или нет, он предсказывает просто смерть. Если Руфус на самом деле готов себя убить, мне лучше не находиться рядом — из-за него может не стать и меня. Но моя теория разбивается вдребезги о его фото: он улыбается, у него приветливые глаза. Я с ним поболтаю и прислушаюсь к интуиции, вдруг он станет тем самым парнем, чья честность поможет мне взглянуть на себя по-новому.

Напишу ему. Нет ничего рискованного в простом приветствии.

Матео Т. (3:17):Жаль, что тебя скоро не станет, Руфус.

Я не привык вот так заговаривать с незнакомцами. Бывали времена, когда я подумывал завести себе аккаунт, чтобы составить Обреченным компанию в их последний день, но мне казалось, что я не смогу им ничем особенно помочь. А теперь я сам Обреченный и понимаю, насколько безумным может быть желание выйти на связь с другим человеком.

Руфус Э. (3:19):Привет, Матео. Клевая кепка

Он не просто ответил. Ему понравилась моя кепка Луиджи на фотке в профиле. Он уже нашел контакт с человеком, которым я хотел бы стать.

Матео Т. (3:19):Спасибо. Думаю оставить ее дома. Не хочу привлекать лишнее внимание.

Руфус Э. (3:19):Правильно. Кепка Луиджи — это тебе не просто бейсболка, так?

Матео Т. (3:19):Вот именно.

Руфус Э. (3:20):Погоди. А ты что, еще не вышел из дома?

Матео Т. (3:20):Не-а.

Руфус Э. (3:20):Тебе только позвонили?

Матео Т. (3:20):Нет, чуть за полночь.

Руфус Э. (3:20):И что ты делал всю ночь?

Матео Т. (3:20):Убирался и играл в компьютерные игры.

Руфус Э. (3:20):В какие?

Руфус Э. (3:21):Хотя забей, не важно. Ты же хочешь чем-то заняться? Чего тогда ждешь?

Матео Т. (3:21):Разговаривал с потенциальными Последними друзьями, и они оказались, мягко говоря, не клевыми…

Руфус Э. (3:21):А зачем тебе Последний друг, чтобы выйти на улицу?

Матео Т. (3:22):А ТЕБЕ зачем Последний друг, если у тебя есть друзья?

Руфус Э. (3:22):Я первый спросил

Матео Т. (3:22):И правда. Мне кажется безумием выходить из квартиры, зная, что что-то или КТО-ТО собирается тебя убить. А еще потому, что на свете есть «Последние друзья», которые утверждают, что у них в штанах спрятано лекарство от смерти…

Руфус Э. (3:23):Я тоже с этим хреном разговаривал! То есть не с самим его хреном, конечно. Я пожаловался на него в поддержку, а потом заблокировал. Клянусь, я лучше, чем тот идиот. Хотя это мало что обо мне говорит. Хочешь, поболтаем по видео? Сейчас пошлю запрос

На экране вспыхивает иконка с силуэтом человека, разговаривающего по телефону. Я едва не отклоняю звонок, слишком сбит с толку от неожиданности, но все же отвечаю, пока этот парень, Руфус, не передумал. На секунду экран полностью чернеет, а потом появляется незнакомец с лицом Руфуса, которое я видел на его странице. Он покрыт испариной, и взгляд его направлен куда-то вниз, но глаза быстро находят меня, и я чувствую себя незащищенным, даже ощущаю исходящую от него смутную угрозу, будто этот парень — какой-то страшный персонаж детских сказок, который может протянуть руку сквозь экран и затащить меня в темное подземное царство. В защиту моего слишком богатого воображения скажу: Руфус уже грубо выманил меня из моего мирка в мир внешний, так что…

— Йоу, — говорит Руфус. — Видишь меня?

— Да, привет. Это я, Матео.

— Привет, Матео. Извини, что так неожиданно позвонил, — говорит Руфус. — Просто трудно доверять тому, кого не видишь.

— Все нормально, — говорю я. Там, откуда он звонит, очень яркое освещение, которое слепит экран, но я все равно различаю его смуглое лицо. Интересно, почему он так вспотел.

— Ты хотел знать, почему я предпочел Последнего друга своим настоящим друзьям, так?

— Да, — говорю я. — Если только это не слишком личный вопрос.

— Не, об этом не беспокойся. Не думаю, что для Последних друзей существуют слишком личные вопросы. Короче говоря, я был рядом с родителями и сестрой, когда машина съехала с дороги и упала в Гудзон, и мне пришлось стать свидетелем того, как они умирают. И я не хочу, чтобы мои друзья тоже жили с чувством вины. Хочу просто сразу тебя предупредить, убедиться, что ты не против.

— Против того, что ты бросил настоящих друзей?

— Нет. Против того, что тебе, возможно, придется увидеть, как я умру.

Перспективы, которые открываются передо мной сегодня, невыносимы. Возможно, мне придется увидеть, как он умрет, а возможно, и наоборот, и когда я думаю об обоих вариантах, к горлу подступает тошнота. Не то чтобы у меня с этим парнем уже установилась какая-то глубокая связь, нет. Но при мысли о том, что я могу увидеть чужую смерть, мне делается грустно, тошно, невыносимо. Потому он и спрашивает. Однако мысль о том, чтобы вообще ничего не делать, тоже едва ли утешает.

Topreading.ru

— Да, хорошо. Мне это по силам.

— Правда? Давай тогда обсудим, почему ты не выходишь из дома. Не важно, последний ты мне друг или нет. Я не собираюсь провести остаток жизни в чьей-то квартире, как медведь в берлоге, и тебе не пожелаю. Ты должен пойти мне навстречу, Матео, — говорит Руфус. Он произносит мое имя, и я чуть успокаиваюсь. Он делает это лучше, чем, по моим представлениям, сделал бы тот чокнутый Филли. Так дирижер подбадривает оркестр перед концертом, билеты на который раскуплены. — Поверь, я знаю, уродства в этом мире хватает. В какой-то момент я вообще думал, что оно того не стоит.

— Так что же изменилось? — Не хочу, чтобы мои слова звучали как вызов, хотя на самом деле это он и есть. Из безопасной квартиры меня так просто не выманишь. — Ты потерял семью, а потом что?

— Меня тошнило от жизни, — сказал Руфус и отвел взгляд. — И я был уже не особо против закончить игру. Но родители и сестренка не того мне желали. Звучит бредово, но, выжив, я понял, что лучше жить и жалеть, что не сдох, чем умирать, мечтая о вечной жизни. Уж если я могу, все потеряв, изменить отношение к жизни, то и тебе, чувак, нужно это сделать, пока не поздно. Не упускай свой шанс.

Я не упущу свой шанс. Эти слова я написал в профиле. Он уделил мне больше внимания, чем остальные пользователи, и заботится обо мне так, как должен заботиться друг.

— Ладно, — говорю я. — Как нам скрепить нашу договоренность? Каким-нибудь виртуальным рукопожатием? — Я искренне надеюсь, что в этот раз мое доверие не предадут, как это бывало раньше.

— Пожмем друг другу руки, когда встретимся, а до этого обещаю быть тебе таким же другом, как Марио для Луиджи, только перетягивать на себя все внимание не буду. Где встретимся? Я сейчас у аптеки к югу от…

— У меня одно условие, — говорю я. Он прищуривается. Возможно, беспокоится о том, какой крученый мяч я сейчас ему брошу. — Ты сказал, я должен пойти навстречу, но, прошу, зайди за мной домой. Это не ловушка, клянусь.

— А звучит как ловушка, — замечает Руфус. — Поищу себе другого Последнего друга.

— Нет! Клянусь! — Я едва не роняю телефон. Я все испортил. — Серьезно, я…

— Да я шучу, чувак, — говорит он. — Я пришлю тебе свой номер, скинь туда адрес, и мы обо всем договоримся.

Я испытываю такое же облегчение, как когда Андреа из Отдела Смерти назвала меня чужим именем и я подумал, что мне посчастливилось урвать еще кусочек жизни. С той лишь разницей, что в этот раз я в самом деле могу расслабиться. По крайней мере, мне так кажется.

— Идет, — говорю я.

Он не прощается, нет. Просто задерживает на мне взгляд, будто пытаясь составить обо мне мнение или гадая, не заманиваю ли я его в капкан на самом деле.

— Скоро увидимся, Матео. Постарайся не умереть до того, как я доеду.

— Постарайся не умереть по дороге, — говорю я. — Будь осторожен, Руфус.

Руфус кивает и заканчивает видеочат. Потом присылает мне номер своего телефона, и у меня возникает соблазн сразу его набрать, чтобы убедиться, что трубку снимет именно он, а не какой-нибудь урод, который платит Руфусу за сбор адресов с наивных пареньков. Но если я продолжу сомневаться в Руфусе, все это дело с Последним другом точно не выгорит.

Меня немного беспокоит, что я собираюсь провести свой Последний день с человеком, который смирился со смертью, который наделал в жизни ошибок. Разумеется, я его не знаю, он может оказаться дико склонным к саморазрушению: в конце концов, он разгуливает по улице посреди ночи в день, когда ему суждено умереть. Но не важно, какие решения мы примем — вместе или по отдельности, — финишная линия у нас одна. Не важно, сколько раз на перекрестке будем вертеть головой вправо и влево. Не важно, откажемся ли прыгать с парашютом в попытке не подвергать себя лишней опасности и лишаясь возможности полетать, как любимые супергерои. Не важно, опустим ли голову пониже, проходя мимо хулиганов в бандитском квартале.

Не важно, как мы будем жить: в конце мы оба умрем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Последний друг

Кораблю безопасно в гавани,

но не для этого строят корабли. — Джон А. Шедд

АНДРЕА ДОНАХЬЮ 03:30

Андреа Донахью не звонили из Отдела Смерти, потому что сегодня она не умрет. Сама Андреа — одна из топовых сотрудников Отдела Смерти и стоит у истоков их семилетней работы. Сегодня она совершила изрядное количество звонков, предупреждающих людей о наступлении их Последнего дня. В промежутке с полуночи до трех часов ночи Андреа позвонила шестидесяти семи Обреченным. Не лучший показатель, но ей сложно побить рекорд в девяносто два звонка за смену с тех пор, как ее начали активно контролировать на предмет слишком быстрых и скомканных разговоров.

Якобы быстрых и скомканных.

Андреа, хромая, выходит из здания с тростью в руке. Она надеется, что отдел кадров не станет перепроверять ее сегодняшние звонки, хотя знает: надежда в ее профессии — штука опасная. Андреа перепутала несколько имен, стараясь как можно быстрее перейти от одного Обреченного к другому. Потерять работу сейчас будет очень некстати. Мало того что ей после аварии требуется физиотерапия, так еще и стоимость обучения дочери постоянно растет. Не говоря уже о том, что эта работа — единственное, в чем она хороша. А хороша она в ней, потому что обнаружила потрясающий лайфхак, незнание которого заставляет многих искать другую, менее стрессовую работу.

Topreading.ru

Правило первое и единственное: Обреченные — это уже не люди.

И все. Следуй этому правилу, и тебе не придется тратить время на приемы у корпоративного психолога. Андреа знает, что Обреченным ничем уже не помочь. Она не может поправить им подушки или приготовить последний ужин, не может продлить им жизнь. Она не тратит сил на молитвы. Не хочет вникать в истории жизни этих людей или оплакивать их. Она просто говорит, что сегодня они умрут, — и идет дальше. Чем быстрее закончится один разговор, тем быстрее начнется другой.

Каждую ночь Андреа напоминает себе, как повезло Обреченным, что она оказывает им свои услуги. Она не просто говорит людям, что они умрут. Она дает им шанс прожить день по-настоящему.

Но за них она прожить его не может. Это их собственная задача.

Свою роль она уже исполнила. И сделала это достойно.

РУФУС

03:31

Еду к дому этого Матео. Ей-богу, надеюсь, он не окажется серийным убийцей… Да нет, он классный. Сразу видно, слишком много копается в себе и, возможно, уж слишком антисоциален. То есть зацените: я реально собираюсь забрать его из дома, как какого-нибудь принца, заточенного в высокой башне, которого необходимо спасти. Думаю, когда неловкость останется позади, из него получится идеальный боевой товарищ. Если нет, всегда можно разойтись. Это, конечно, отстой, потому что тогда получится, что мы впустую потратили время, которого у нас нет, но делать нечего. Как бы то ни было, появление Последнего друга должно немного успокоить моих друзей: они перестанут волноваться, что я блуждаю по городу один-одинешенек. По крайней мере, от этого мне становится чуточку легче.

МАЛКОЛЬМ ЭНТОНИ

03:34

Малкольму Энтони не звонили из Отдела Смерти, потому что сегодня он не умрет, но его будущее находится под угрозой. Малкольм и его лучший друг Тэго не поделились с полицейскими ни единым соображением по поводу того, куда, по их мнению, мог направиться Руфус. Малкольм сказал им, что Руфус — Обреченный и что преследовать его совершенно бессмысленно, но полицейские не могут оставить его без наказания, ведь он, в конце концов, совершил преступление при отягчающих обстоятельствах. Тогда Малкольму в голову пришла гениальная идея, способная разрушить всю его жизнь: сдаться самому.

Он спорил с полицией и сопротивлялся аресту, но самое слабое звено его плана заключалось в том, что он не смог предупредить о нем Тэго, который тоже бросился спорить с копами, причем еще агрессивнее, чем Малкольм.

Сейчас Малкольм и Тэго едут в полицейский участок.

Topreading.ru

— Это бессмысленно, — вздыхает Тэго, сидя на заднем сиденье полицейской машины. Он больше не цыкает себе под нос и не выкрикивает, что ничего такого не сделал (несмотря на то что Малкольм и Эйми умоляли его замолчать), как тогда, когда офицеры достали наручники. — Они все равно не найдут Руфуса. Он уже упылил на…

— Заткнись. — На этот раз Малкольма беспокоят не дополнительные проблемы, которые каждым словом создает себе Тэго. Малкольм уже понял, что Руфусу удалось скрыться на велосипеде. Когда их сопровождали от дома к машине, велика во дворе не было. Он прекрасно знает, что Руфус умчится от полиции на велосипеде, но ему дико не хочется, чтобы они начали ловить на улице велосипедистов и нашли его. Если он им так уж сдался, пусть поработают.

Малкольм не может подарить другу еще один день жизни, зато подарит ему немного времени на жизнь.

Если, конечно, Руфус все еще жив.

Ради Руфуса Малкольм намерен взять удар на себя, он-то знает, что часть вины лежит на нем, это даже не обсуждается. Плутонцы выскользнули из дома ночью с намерением надрать задницу Пеку, что Руфус и сделал без их помощи и участия. Малкольм никогда в жизни не дрался, хотя многие по его внешнему виду делают вывод, что он сильный и жестокий малый. Он выше остальных парней на полголовы и весит под девяносто килограммов. Да, у него телосложение тяжелоатлета, но это вовсе не означает, что он хулиган. А теперь Малкольма и Тэго запишут в малолетние преступники.

Но у них обоих останется жизнь.

Малкольм смотрит в окно в надежде ухватить взглядом хотя бы тень Руфуса, поворачивающего за угол на своем велосипеде, и наконец начинает плакать, то и дело громко всхлипывая, но не потому, что теперь его поставят на учет в полиции, не потому, что боится оказаться в участке, даже не потому, что Руфус сегодня умрет. Он плачет, потому что самое большое преступление, которое сегодня случилось, — это то, что он не успел обнять лучшего друга на прощание.

МАТЕО

03:42

Стук во входную дверь — и я перестаю мерить шагами квартиру.

Меня мгновенно бросает в пот: что, если это не Руфус? Хотя кто еще будет стучаться в мою дверь так поздно ночью… Или Руфус, но с ним банда квартирных воров или типа того? А может, это папа, который не сообщил, что очнулся, чтобы сделать мне сюрприз? Чудо Последнего дня, как в фильмах, которые крутят по телику перед Рождеством.

Я медленно подхожу к двери, осторожно отвожу в сторону заслонку дверного глазка, прищуриваюсь и вижу Руфуса. Он смотрит прямо на меня, хотя я уверен, что ему меня не видно.

— Это Руфус, — раздается с той стороны двери.

Надеясь, что он все-таки пришел один, я снимаю цепочку. Потом открываю дверь и вижу перед

собой вполне себе трехмерного Руфуса, не такого, как в видеочате или в дверном глазке. На нем темно-серая флисовая куртка и синие баскетбольные шорты поверх адидасовского спортивного трико. Он кивает мне. Не улыбается, ничего такого, но все равно при этом выглядит дружелюбно. Мое сердце бешено стучит, я подаюсь вперед и выглядываю в коридор, чтобы проверить, не спрятались ли у стены его друзья, готовые выпрыгнуть и отнять то малое, что у меня есть. Но в коридоре пусто, и теперь Руфус уже улыбается.

— Я на *твоей* территории, чувак, — говорит он. — Если кто и должен шугаться, так это я. Надеюсь, это не розыгрыш из серии «Спаси ребенка из заточения».

— Не розыгрыш, — уверяю я. — Прости, просто я… Я волнуюсь.

— Мы с тобой в одной лодке. — Он протягивает руку, и я жму ее. Ладонь у него влажная. — Готов к прыжку? Разумеется, образно выражаясь.

— Готов… Почти, — отвечаю я. Он пришел прямо к моей двери, чтобы составить мне сегодня компанию, вывести меня за пределы моего храма и жить до тех пор, пока жизнь не иссякнет. — Мне нужно кое-что взять.

Я не приглашаю его войти, но он и сам не переступает порога. Он придерживает дверь снаружи, чтобы она не захлопнулась, а я беру записки для соседей и ключи. Затем выключаю свет и прохожу мимо Руфуса, который закрывает за мной дверь. Я запираю ее. Руфус направляется к лифту, а я — в противоположную сторону.

— Ты куда?

— Не хочу, чтобы соседи удивились или разволновались, когда я им не открою. — Я кладу записку у двери в квартиру 4Е. — Эллиот готовил мне нормальную еду, потому что я питался одними вафлями. — Я возвращаюсь к Руфусу и оставляю вторую записку у двери 4А. — А Шон хотел посмотреть нашу сломанную плиту, но теперь об этом можно не беспокоиться.

— Мило с твоей стороны, — говорит Руфус. — Я об этом не подумал.

Я подхожу к лифту и украдкой поглядываю через плечо на Руфуса, этого незнакомца, который идет за мной. Я не чувствую напряжения, но веду себя настороженно. Он разговаривает со мной так, будто мы дружим уже какое-то время, но я еще не доверяю ему полностью. И это справедливо, ведь все, что я о нем знаю, — это что его зовут Руфус, он любит кататься на велосипеде, пережил трагедию и хочет стать моим Марио. А еще что его сегодня тоже не станет.

— Эй, на лифте мы точно не поедем, — говорит Руфус. — Если двое Обреченных в свой Последний день садятся в лифт — им либо жить надоело, либо это начало пошлого анекдота.

— Верно подмечено, — говорю я. Лифт — это опасно. В лучшем случае? Мы застрянем. В худшем? Ответ очевиден. Слава богу, со мной Руфус, и он включает голову вместо меня. Думаю, Последние друзья исполняют еще и роль наставников. — Давай пойдем пешком, — предлагаю я, будто существует еще какой-то способ выйти из здания, например канат, свешивающийся из окна на лестничной площадке, или специальный аварийный трап. Я преодолеваю четыре пролета, как ребенок, которому впервые доверили спуститься по лестнице одному, пока сами родители идут на две ступеньки впереди. С той лишь разницей, что рядом нет никого, кто мог бы поймать меня в случае падения или в случае, если Руфус споткнется и

налетит на меня сзади.

Мы спускаемся без происшествий. Я заношу руку над дверью подъезда, но не могу ее открыть. Я уже готов вернуться обратно в квартиру, но Руфус обгоняет меня и открывает дверь. Влажный воздух последних дней лета приносит некоторое облегчение. Меня даже посещает надежда, что я и только я — прости меня, Руфус, — могу победить смерть. Сладкая секунда в отрыве от реальности.

— Вперед, — говорит Руфус. Он на меня давит, но в этом вся суть наших с ним взаимоотношений. Я не хочу разочаровывать нас обоих, а особенно самого себя.

Я выхожу из подъезда, но, оказавшись за порогом, сразу останавливаюсь. В последний раз я был на улице вчера днем, возвращался от папы из больницы. Ничем не примечательный День труда[4]. Но сейчас я чувствую себя совсем иначе. Я рассматриваю здания, среди которых вырос, но на которые никогда не обращал особого внимания. В окнах моих соседей свет. Слышно даже, как какая-то пара громко занимается любовью, как раскатисто смеются за кадром зрители в комедийной программе; из другого окна тоже доносится смех: возможно, кто-то шумно реагирует на вульгарное юмористическое шоу, на щекотку любимого человека или шутку, которую в столь поздний час прислал в эсэмэске кто-то из близких.

Руфус хлопает в ладоши и выдергивает меня из транса.

— Десять очков тебе.

Потом подходит к ограде и снимает замок со своего стального серого велосипеда.

— Куда поедем? — спрашиваю я, делая микроскопический шажок прочь от двери. — Нам нужен план боя.

— План боя обычно подразумевает наличие пуль и бомб, — замечает Руфус. — Предлагаю называть наш план стратегией. — Он выкатывает велосипед на угол улицы. — Списки того, что нужно успеть сделать перед смертью, бессмысленны. Все сделать все равно невозможно. Лучше плыть по течению.

— Говоришь как настоящий специалист по смерти.

Какую тупость я сморозил. Я осознаю это прежде, чем Руфус начинает кивать.

— Ну да, — говорит он.

— Извини. Я просто… — Подступает паническая атака; в груди все сжимается, лицо начинает пылать, кожа по всему телу — чесаться. — В голове никак не укладывается, что я проживаю день, в котором могут понадобиться списки предсмертных дел. — Я чешу затылок и делаю глубокий вдох. — Эта тема не сработает. Все обернется против нас. Проводить время вместе — плохая затея, потому что так мы только удваиваем шансы умереть раньше времени. Это как зона высокой радиоактивности для Обреченных. А если мы завернем за угол, я споткнусь и разобью голову о пожарный гидрант и… — Я замолкаю и весь съеживаюсь от фантомной боли, которая настигает, если представить, как падаешь лицом вниз на забор со штыками или как тебе разом выбивают все зубы.

— Делай что хочешь, но нам конец, и не важно, тусуемся мы вместе или нет, — пожимает плечами Руфус. — Какой смысл теперь бояться?

— Не так все просто. Мы же умрем не естественной смертью. Как жить, зная, что на улице нас может сбить грузовик?

— Прежде чем перейти дорогу, будем смотреть по сторонам, как учили в детстве.

— А если кто-то вытащит пушку?

— Будем обходить стороной бандитские кварталы.

— А если нас собьет поезд?

— Если мы в свой Последний день окажемся на рельсах, то, считай, сами напросились.

— А если…

— Не мучай себя. — Руфус закрывает глаза и трет их кулаками. Я свожу его с ума. — Мы можем целый день играть в эту твою игру, а можем просто забить и, вероятно, прожить этот день по-человечески, понимаешь? Не стоит портить его самим себе.

Руфус прав. Я знаю, что он прав. Не буду больше спорить.

— Мне понадобится немного времени, чтобы оказаться на одном с тобой уровне осознания происходящего. Я не могу перестать бояться потому, что знаю, что мой выбор таков: «сделай что-нибудь и умри» или «не делай ничего и все равно умри». — Он не напоминает мне, что у нас не так-то много времени. — Мне нужно попрощаться с папой и лучшей подругой. — Я начинаю шагать в направлении станции метро на 110-й улице.

— Легко, — говорит Руфус. — Мне делать особо нечего. Церемония моих похорон уже позади, пусть она прошла и не совсем так, как планировалось. И сыграть их заново мне тоже вряд ли удастся.

Я не удивлен, что у того, кто так смело проживает свой Последний день, уже были прижизненные похороны. Уверен, ему есть с кем попрощаться, и этих людей больше двух.

— Что произошло? — спрашиваю я.

— Ерунда. — Руфус не хочет распространяться.

Мы смотрим налево, потом направо, готовимся перейти дорогу, и вдруг я замечаю на дороге мертвую птицу. Освещаемая лампами на козырьке круглосуточного магазина, она отбрасывает крошечную тень на проезжую часть. Птичка раздавлена; ее головка оторвана и лежит в нескольких сантиметрах от туловища. Думаю, ее сначала переехал автомобиль, а потом добил велосипедист. Надеюсь, не Руфус. Эту птичку никто не предупредил, что она умрет сегодня, вчера или позавчера, хотя мне приятно думать, что водитель, который ее раздавил, заметив ее, хотя бы посигналил. А может, предупреждение ничего бы и не значило.

Руфус тоже замечает птицу.

— Какая жесть.

— Нужно убрать ее с дороги. — Я оглядываюсь в поисках какого-нибудь предмета, которым можно было бы поднять мертвое тельце. Я знаю, что голыми руками его лучше не трогать.

— Что ты сказал?

— У меня к таким вещам другое отношение, не просто «умер и умер, идем дальше», — говорю я.

— У меня тоже совершенно точно не такое, — говорит Руфус, и в его голосе сквозит напряжение.

Мне нужно быть сдержаннее.

— Прости. Опять я. — Я прекращаю поиски. — Вот что. Когда я учился в третьем классе, я однажды играл на улице под дождем и увидел, как из гнезда выпал птенец. Я проследил его падение посекундно: он подпрыгнул в гнезде, расправил крылья, выпал. Я видел, как его взгляд жадно метался в поисках помощи. При ударе птенец сломал лапку и не смог дотащить себя до укрытия, так что дождь барабанил прямо по нему.

— У него, видимо, что-то с инстинктами было неладно, раз он просто сбросился с ветки, — говорит Руфус.

Птенец по крайней мере осмелился покинуть гнездо.

— Я испугался, что он замерзнет до смерти или утонет в луже, поэтому подбежал к нему, присел рядом на землю и сделал ему крышу из ног, как будто спрятал в домике.

Правда, холодный ветер сыграл со мной злую шутку: я сильно простудился, так что мне пришлось пропустить школу в понедельник и вторник.

— А что случилось потом?

— Не знаю, — признался я. — Помню, что заболел и не пошел в школу, но мое сознание будто бы заблокировало то, что случилось с птенцом. Время от времени я о нем вспоминаю, потому что не нашел тогда лестницу и не вернул его в гнездо. Тяжело вспоминать, что я оставил птичку умирать под дождем. — Я часто думаю, что, помогая этому птенцу, я совершил первый в своей жизни осознанный добрый поступок, который был связан только с моим желанием помочь другому существу, а не с ожиданиями папы или учителей. — Но для этой птички я постараюсь получше.

Руфус смотрит на меня, глубоко вздыхает, после чего поворачивается ко мне спиной и отъезжает. Грудная клетка снова сжимается; вполне возможно, у меня все-таки есть проблемы со здоровьем, которые обнаружатся сегодня, и я от них умру, но какое же облегчение я испытываю, когда вижу, что Руфус паркует велосипед у тротуара и ставит его на подножку.

— Я сейчас что-нибудь найду, — говорит он. — Не трогай ее.

Я проверяю, нет ли в поле зрения машин.

Руфус возвращается с выброшенной кем-то газетой и протягивает ее мне.

— Что нашел.

— Спасибо. — С помощью газеты я поднимаю с асфальта тельце птицы и ее оторванную голову. Потом иду к общинному саду напротив метро, расположенному между баскетбольной и

детской площадками.

Медленно крутя педали, Руфус едет рядом.

— Что будешь с ней делать?

— Похороню. — Я захожу в сад и нахожу уголок за деревом, подальше от того участка, на котором местные садовники высаживают фруктовые деревья и цветы в попытке сделать мир немного ярче. После я опускаюсь на колени и кладу газету на газон, опасаясь, как бы не укатилась птичья голова. Руфус никак не комментирует мои намерения, но я чувствую необходимость добавить: — Просто не могу оставить птицу на дороге, а то ее выкинут в урну или, чего доброго, будут раз за разом давить колесами.

Мне нравится мысль о том, что птичка, которая так трагически погибла раньше времени, покоится в самой гуще жизни, тут, в саду. Я даже представляю, что это дерево когда-то было человеком, Обреченным, которого кремировали, и перед самой смертью он отдал распоряжение упаковать его прах в биологически разлагаемую урну вместе с семечком, которое даст новую жизнь.

— Уже четыре с небольшим, — сообщает Руфус.

— Я быстро.

Насколько я понимаю, он не из тех парней, что любят хоронить птиц. Я знаю многих, кто не понимает и не принимает подобные сантименты. В конце концов, для большинства людей птица — ничто в сравнении с человеком, потому что человек надевает галстук и ходит на работу, влюбляется и женится, рожает и воспитывает детей. Но ведь птицы тоже все это делают. Они работают (хорошо, без галстуков, тут вы меня подловили), спариваются и кормят птенчиков, пока те не научатся летать. Некоторые из них превращаются в домашних питомцев и радуют детей. Детей, что учатся любить и быть милосердными к животным. Другие птицы просто проживают свою жизнь до конца.

Такого рода сантименты — матеовский пунктик. Именно из-за них окружающие всегда считали меня странным. Я нечасто делюсь с кем-то подобными мыслями, даже с папой и Лидией.

Могилка размером с два кулака. Я стряхиваю с газеты тело и голову птички и в этот самый миг краем глаза замечаю вспышку у себя за спиной. Нет, первое, что мне приходит в голову, это вовсе не то, что инопланетяне спускают сверху своих приспешников, которые заберут меня с Земли. Ну то есть ладно, первым делом я думаю именно об этом. Я поворачиваюсь и вижу, что Руфус направляет на меня камеру мобильника.

— Прости, — говорит он. — Не каждый день доводится видеть, как кто-то хоронит птицу.

Я сыплю землю на тело птички и разглаживаю поверхность могилки, прежде чем встать.

— Надеюсь, кто-то окажется так же добр и к нам, когда пробьет наш час.

Руфус

04:09

Да этот Матео даже *слишком* добрый. Я совершенно точно больше ни в чем его не подозреваю. Не похож он на человека, который может на меня напасть. Но я реально просто в шоке. Не ожидал, что встречу кого-то настолько… чистого, что ли? Не могу сказать, что меня всегда окружали сплошные сволочи, но вот, например, Малкольм и Тэго в жизни не стали бы хоронить птицу, будем честны. Нападение на этого придурка, мать его, Пека доказывает, что мы далеко не невинные младенцы. Спорю на что угодно: Матео не умеет как следует сжимать кулаки и ни разу не проявлял жестокости, даже в детском возрасте, когда нам прощают и списывают со счетов много всякой фигни, мы же еще такие маленькие…

Рассказать ему о Пеке точно не получится. Эту историю я сегодня унесу с собой в могилу.

— К кому пойдем сначала?

— К папе. Можем сесть на метро. — Матео машет рукой в сторону соседней станции. — Всего две остановки в сторону центра, но так куда безопаснее, чем пешком.

Это расстояние я преодолел бы на велике за пять минут, и меня подмывает так и сделать и просто подождать Матео у выхода из метро, но интуиция подсказывает, что он меня кинет и я буду там шататься в одиночестве. Я поднимаю велик за раму и сиденье и несу его вниз к платформе. Я уже завожу его за угол, когда замечаю, что Матео с опаской мешкает позади, вместо того чтобы идти за мной. Помнится, я вел себя примерно так же, когда вместе с Оливией много лет назад ходил в дом с привидениями в Бруклине. Только я тогда был совсем ребенком. Уж не знаю, чего так боится Матео, но решаю не спрашивать его об этом.

— Все хорошо, — говорю я. — Горизонт чист.

Матео плетется сзади, все еще недоверчиво оглядывая пустой коридор, который ведет к турникетам.

— Интересно, сколько еще Обреченных сейчас тусуются с незнакомцами. Многих наверняка уже нет в живых. Авария на дороге, пожар, бандитская пуля, падение в канализационный люк или… — Он останавливается. Этот парень определенно умеет нарисовать трагичную картину. — Что, если они уже были на пути к кому-то близкому, а потом раз… — Матео хлопает в ладоши. — И их не стало. Ужасно несправедливо… Надеюсь, умерли они не в одиночестве.

Мы подходим к автомату по продаже проездных.

— Ага. Несправедливо. Мне кажется, без разницы, кто с тобой рядом, когда ты умираешь. Спутник все равно не поможет тебе остаться в живых, если ты под прицелом у Отдела Смерти. — Наверное, нельзя говорить такое Последнему другу, но это ведь правда. И все же я чувствую себя немного виноватым, потому что Матео замолкает.

Обреченным положены некоторые бонусы, например неограниченный бесплатный проезд в метро. Нужно только озаботиться и показать кассиру какую-то форму. Но «неограниченность» поездок — это полное дерьмо, потому что срок действия карточки все равно иссякает в конце Последнего дня. Несколько недель назад мы с плутонцами сказали кассиру, что умираем, чтобы бесплатно доехать до парка аттракционов на Кони-Айленде, надеясь, что он сделает поблажку и пропустит нас. Но нет, пришлось ждать, пока он получит подтверждение с сервера Отдела Смерти, а это, как выяснилось, отнимает больше времени, чем ожидание поезда. И мы просто сбежали. Я покупаю безлимитный проездной, обычный, не для Обреченных, как будто у меня еще есть завтра. Матео следует моему примеру.

Topreading.ru

Мы выходим на платформу. Почем знать, может, это наша последняя в жизни поездка в метро.

Матео показывает на аппарат для продажи билетов, который остался позади.

— Мозг ломается, когда я думаю, что метрополитен через пару лет вообще перестанет нанимать персонал, потому что всю работу возьмут на себя аппараты, а может, даже роботы. И вообще, если задуматься, это происходит уже…

Грохот приближающегося поезда заглушает концовку предложения, но я и так понял, что он имеет в виду. Сразу сесть в поезд — настоящая победа. Теперь исключена возможность падения на рельсы и застревания между шпалами, где сначала нас облюбуют крысы, а потом порежет и раздавит поезд. Черт, кажется, мрачный настрой Матео перекинулся и на меня.

Двери еще не открылись, но я уже вижу, что этот вагон захватили студенты. Теперь такая мода: устраивать вечеринки в поезде, чтобы отпраздновать, что сегодня вам не позвонили с предупреждением, как нам с Матео. Вечеринки в общаге, кажется, устарели, и теперь молодежь уходит в отрыв прямо в подземке. И вот мы вынуждены к ним присоединиться, черт бы их побрал.

— Заходим, — говорю я Матео, когда открываются двери. — Быстрее. — Я запрыгиваю в вагон и вкатываю за собой велик. Потом прошу кого-то подвинуться, но, обернувшись, чтобы проверить, не мешает ли заднее колесо зайти Матео в вагон, вижу, что его позади меня нет.

Матео стоит на платформе, качая головой, и в последнюю секунду бросается в соседний полупустой вагон. Там спят пассажиры, а не грохочет ремикс песни *«Celebration»*[5] (это, конечно, классический гимн и все такое, но пора бы уже отправить его на покой).

Слушайте, я не знаю, почему Матео слился, но не собираюсь портить настрой себе. Это просто вагон для вечеринок. Я же не предлагал ему прыгнуть с парашютом или с моста на тарзанке. Не такой уж это экстрим.

Начинает играть *«We Built This City»*[6], и девушка с двумя стереомагнитофонами в обеих руках вскакивает на сиденье и начинает танцевать. Ее клеит какой-то тип, но девушка закрыла глаза и явно ушла в себя. В углу чувак в надвинутом на лицо капюшоне опускает голову и вырубается. Либо он шикарно проводит время, либо в этом вагоне стало одним Обреченным мертвецом больше.

Не смешно.

Я прислоняю велик к свободной скамейке — да, да, я тот самый парень, чей велосипед вечно всем мешает, но вообще-то сегодня я умру, так что не судите строго — и перешагиваю через ноги спящего парня, чтобы заглянуть в соседний вагон. Матео смотрит в мой вагон взглядом посаженного под домашний арест ребенка, который вынужден наблюдать, как за окном играют его друзья. Я жестом показываю ему, мол, иди сюда, но он мотает головой, опускает взгляд и пялится в пол, больше не поднимая на меня глаз.

Кто-то хлопает меня по плечу. Я поворачиваюсь и вижу потрясающую чернокожую девушку с глазами цвета лесного ореха и банкой пива в руке.

— Хочешь?

— Нет, спасибо. — Мне нельзя напиваться.

— Мне больше достанется. Я Калли.

Я боюсь, что неправильно ее расслышал.

— Келли?

Она наклоняется, прижимаясь грудью к моей груди и губами к моему уху.

— Калли!

— Привет, Калли. Я Руфус, — отвечаю я прямо ей в ухо, раз уж она так близко. — Что ты…

— Я на следующей выхожу, — прерывает меня Калли. — Хочешь, выйдем вместе? Ты симпатичный и, кажется, хороший парень.

Она точно в моем вкусе, а значит, понравилась бы и Тэго. (Малкольму же тупо нравятся все, кому нравится он.) Но поскольку кроме того, на что она явно намекает, предложить мне нечего — придется ей отказать. Секс с красивой студенткой — наверняка один из пунктов в списке предсмертных дел у кучи людей: у молодежи, женатиков, мальчиков, девочек, да кого угодно.

— Я не могу, — говорю я. Мне нужно поддержать Матео, и к тому же я еще не выбросил из головы Эйми. Не хочу предавать себя и размениваться на нечто одноразовое.

— Да ну, конечно можешь!

— Правда не могу, и это отстойно, — говорю я. — Я везу друга в больницу повидать отца.

— Ну и хрен с тобой. — Калли поворачивается ко мне спиной и уже минуту спустя разговаривает с другим парнем. На этот раз ей везет, потому что он и впрямь выходит из вагона вслед за ней, когда поезд прибывает на ее станцию. Может быть, Калли и этот парень состарятся вместе и будут рассказывать своим детям, что познакомились на вечеринке в метро. Но я готов поспорить, что сегодня они просто займутся сексом, а наутро он назовет ее Келли.

Я делаю несколько фоток движухи в вагоне: парня, которому все-таки удалось привлечь внимание красотки; двух близняшек, танцующих рядом; смятых жестяных банок и бутылок из-под воды. Сколько в этом всем жизни, пипец. Я убираю телефон в карман, хватаю велик и тащу его через тамбур в соседний вагон, хотя над головой у меня настойчиво объявляют, что по правилам им можно пользоваться только в экстренных случаях. Да плевать я хотел на правила, в Последний день или в самый обычный. В туннеле дует холодный ветер; колеса лязгают и скрежещут по рельсам — эти звуки, мне вряд ли будет не хватать их на том свете. Я захожу в соседний вагон, но Матео, не поднимая головы, по-прежнему изучает пол.

Я сажусь рядом, готовый вот-вот спустить на него собак, сказав, что не принял приглашение девушки постарше заняться с ней сексом в свой Последний день на свете, потому что я хороший Последний друг, однако совершенно очевидно, что не стоит ему сейчас добавлять еще и чувство вины.

— Эй, расскажи мне еще что-нибудь о роботах. Которые отнимут у людей работу.

Матео на секунду отрывает взгляд от пола и поворачивается проверить, не подкалываю ли я

его. А я, конечно, не подкалываю, мне это все и правда дико интересно. Он улыбается и начинает тараторить, перескакивая с одной мысли на другую:

— Этот процесс займет какое-то время, эволюция вообще не спешит, но роботы уже здесь, среди нас. Ты же в курсе, да? Есть роботы, которые готовят людям еду или разгружают посудомойку. Их можно обучить тайным рукопожатиям, и лично меня это ошеломляет. А еще они могут собирать кубик Рубика. Кстати, пару месяцев назад я видел ролик, в котором робот танцевал брейк. Но вот тебе не кажется, что все эти новинки просто отвлекают нас, пока других роботов обучают самым разным профессиям в секретных подземных лабораториях? Ну то есть зачем платить человеку по двадцать долларов в час за то, что он консультирует горожан о проведении досуга, если это уже под силу нашим смартфонам, а еще лучше — роботам? Так что мы в полной заднице.

Матео замолкает и больше не улыбается.

— Обломно, да?

— Ага, — отвечает Матео.

— Ну, по крайней мере тебе не придется беспокоиться, что босс тебя уволит и возьмет на твое место робота, — хмыкаю я.

— Довольно мрачное преимущество, — говорит Матео.

— Чувак, сегодня у нас все преимущества не из веселых. Ты почему не пошел в вагон для вечеринок?

— А нам там нечего делать, — замечает Матео. — Что нам праздновать? Свою смерть? Я не собираюсь танцевать с незнакомыми мне людьми, пока еду прощаться с папой и лучшей подругой, прекрасно понимая, как велики шансы, что я вообще до них сегодня не доберусь. Это не мое место и не мои люди.

— Это просто вечеринка. — Поезд останавливается. Матео не отвечает. Возможно, его осторожность и позволит нам прожить чуть дольше, но я сомневаюсь, что в этом случае Последний день станет для нас ярким и запоминающимся.

ЭЙМИ ДЮБУА

04:17

Эйми Дюбуа не звонили из Отдела Смерти, потому что сегодня она не умрет. Но сегодня она потеряет Руфуса, точнее, уже его потеряла, и не без участия своего бойфренда.

Эйми едва ли не бежит в сторону дома, и Пек с трудом за ней поспевает.

— Ты чудовище. Кем надо быть, чтобы натравить полицию на человека прямо во время его похорон?

— Вообще-то они напали на меня втроем!

— Малкольм и Тэго пальцем тебя не тронули! Но при этом отправились в тюрьму.

Пек сплевывает на асфальт.

— Потому что языком трепали. Я тут ни при чем.

— Оставь меня в покое. Я знаю, что тебе никогда не нравился Руфус, да и с чего бы, но как человек он мне все еще по-настоящему дорог. Я хотела, чтобы он всегда оставался в моей жизни, но этого не будет. А из-за тебя я провела с ним еще меньше времени, чем могла бы. Если я его сегодня не увижу, то и тебя видеть больше не хочу.

— Ты что, бросаешь меня?

Эйми останавливается. Она не хочет поворачиваться к Пеку, потому что еще не успела обдумать ответ. Все совершают ошибки. Руфус ошибся, когда напал на Пека. Пек не должен был просить своих ребят звонить в полицию и сдавать Руфуса, но ведь и его можно понять. Не то чтобы он был совсем неправ. По крайней мере с точки зрения закона. А вот с точки зрения морали — еще как.

— Ты всегда ставишь его выше меня, — говорит Пек. — А ведь именно ко мне ты обращаешься с любыми трудностями. Ко мне, а не к чуваку, который чуть меня не убил. Не, ты задумайся хорошенько.

Эйми смотрит на Пека, не отрывая взгляда. Перед ней стоит подросток в низко опущенных джинсах, мешковатом свитере, со стрижкой «цезарь» и запекшейся кровью на лице, появившейся там из-за того, что он с ней встречается.

Пек уходит, и Эйми его не останавливает.

Она не знает, какое место занимает Пек в этом мире серых оттенков.

На самом деле она даже не до конца понимает, где в этом мире ее собственное место.

МАТЕО

04:26

Мне не удается вырваться из собственной клетки.

Я окружил себя незнакомыми людьми — дальше ехать некуда. По большей части они безобидны, и единственное, что тревожит меня, — что я не хочу находиться рядом с теми, кто пьет до потери пульса и в конечном счете уходит в отключку в те ночи, в которые им так повезло жить на свете. Я не был до конца честен с Руфусом, потому что где-то в глубине души чувствую, что вечеринка в поезде метро — вполне себе мой формат. Просто страх разочаровать других и выставить себя идиотом всегда во мне побеждает.

Я очень удивлен, что Руфус пристегивает велосипед к воротам и идет в больницу вслед на мной. Мы подходим к стойке регистратуры, и служащий с красными от усталости глазами улыбается мне, но при этом не спрашивает, как может мне помочь.

Topreading.ru

— Здравствуйте. Я хотел бы повидаться с отцом. Его зовут Матео Торрес, он сейчас в реанимации. — Я вынимаю из кармана паспорт и подвигаю его по стеклянной стойке в сторону Джареда. Имя написано на бейдже, прикрепленном к небесно-голубой медицинской униформе.

— Боюсь, приемные часы у нас только до девяти вечера.

— Я ненадолго, обещаю.

Я не могу уйти, не попрощавшись с отцом.

— Молодой человек, сегодня не получится, — говорит Джаред, и улыбка его блекнет. — Прием посетителей возобновится в девять. С девяти до девяти. Легко запомнить, да?

— Ясно, — говорю я.

— Он сегодня умрет, — говорит Руфус.

— Ваш папа? — спрашивает Джаред, и странная улыбка человека, находящегося на посту в четыре часа утра, наконец покидает его лицо.

— Нет. — Руфус хватает меня за плечо и крепко его сжимает. — *Он* умирает. Окажите парню услугу и пропустите его наверх, пусть он попрощается с отцом.

Джареду, кажется, не слишком по душе тон, с которым это говорится, да я и сам от него не в восторге, но кто знает, где бы я был, если бы Руфус за меня не заступился. Точнее, я-то знаю. Я был бы за воротами больницы. Наверное, поплакал бы, а потом заныкался куда-нибудь подальше, чтобы дождаться девяти утра. Блин, да я скорее всего вообще еще сидел бы дома, играл в компьютерные игры или пытался уговорить себя выйти из квартиры.

— Ваш отец в коме, — говорит Джаред, поднимая взгляд от экрана компьютера.

Руфус округляет глаза, будто эта информация застала его врасплох.

— Ого. Ты знал?

— Знал. — Серьезно, если это не первая неделя работы Джареда в больнице, то, видимо, на смене он уже часов сорок. — И все равно хочу попрощаться.

Джаред собирается с мыслями и перестает меня расспрашивать. Я понимаю, почему он сначала сопротивлялся, правила есть правила, но я очень рад, что он больше не тянет резину и не просит предъявить доказательства нашего с папой родства. Он фотографирует нас с Руфусом, распечатывает гостевые пропуска и отдает их мне.

— Мне жаль. Ну, это… — Его соболезнования, пусть он их и не произносит, значат для меня больше, чем слова, сказанные Андреа из Отдела Смерти.

Мы идем к лифту.

— Тебе тоже хотелось треснуть ему по роже, чтоб прогнать эту улыбочку? — спрашивает Руфус.

— Не-а. — Это первые слова, которые мы с Руфусом говорим друг другу с тех пор, как вышли из метро. Я прижимаю гостевую наклейку-пропуск к рубашке и разглаживаю ее ладонью, чтобы она хорошо приклеилась. — Но спасибо, что зашел вместе со мной. Сам я ни за что бы не

вынул козырь Обреченного.

— Без проблем. У нас уже нет времени церемониться, — пожимает плечами Руфус.

Я нажимаю кнопку лифта.

— Извини, что не присоединился к тебе на вечеринке в вагоне.

— Не извиняйся. Если тебе такое решение по душе, так тому и быть. — Руфус делает шаг в сторону лестницы. — Но я все же сомневаюсь, что нам стоит вместе садиться в лифт, так что…

Точно. Я забыл. Да и вообще, наверное, правильнее не занимать лифт в такой час, пусть он останется в распоряжении медсестер, врачей и пациентов.

Я иду за Руфусом по лестнице. Всего второй этаж, а меня уже одолевает одышка. А может, у меня и правда что-то не так со здоровьем? Может, я сейчас и умру прямо на этой лестнице, не успев встретиться с папой, Лидией и Будущим Матео. Руфус теряет терпение и несется вверх, иногда перескакивая сразу через две ступеньки.

На пятом этаже он меня окликает:

— Но я надеюсь, ты всерьез решишься попробовать что-то новое. Это не обязательно должна быть вечеринка в вагоне метро.

— Я осмелею, когда попрощаюсь со своими, — говорю я.

— Без вопросов, — кивает Руфус.

Я спотыкаюсь о ступеньку и падаю прямо на лестничную площадку шестого этажа. Я делаю глубокий вдох, и Руфус подходит мне помочь.

— Рухнул как ребенок, — бормочу я.

Руфус пожимает плечами.

— Лучше вперед, чем назад.

Мы поднимаемся на восьмой этаж. Зал ожидания располагается прямо по коридору, и с лестничной клетки уже видны автоматы с закусками, диван персикового цвета и складные стулья.

— Ты не против подождать тут? Я хочу побыть с ним наедине.

— Без вопросов, — снова говорит Руфус.

Я толкаю голубые двойные двери и иду дальше. В реанимации тихо, если не считать негромкого треска и писка аппаратов. Пару лет назад я смотрел получасовую документалку на «Нетфликсе» о том, как сильно изменились больницы с тех пор, как появился Отдел Смерти. Врачи находятся с его служащими в тесном рабочем контакте и постоянно получают уточнения по поводу неизлечимо больных, подписавших с ними договоры. Когда поступает предупреждение о грядущей смерти, медсестры прекращают искусственное жизнеобеспечение и вместо этого начинают готовить пациентов к «комфортному уходу из жизни»: предлагают вкусную еду, дают возможность позвонить родственникам и составить завещание с

Topreading.ru

нотариусом, занимаются организацией похорон, созваниваются со священниками, которые должны помолиться и выслушать исповедь, и так далее и тому подобное.

Папа лежит в больнице уже почти две недели. Его привезли сюда сразу после того, как на работе у него случился первый эмболический инсульт, и положили в реанимацию. Я тогда страшно разволновался и, прежде чем подписать согласие на размещение его контактной информации в базе данных больницы, провел ночь, молясь, как бы не зазвонил его сотовый. Теперь я больше не боюсь звонка доктора Кинтаны, не боюсь, что он сообщит о папиной смерти. Я рад, что у папы в запасе есть хотя бы еще один день. И хотелось бы надеяться, что даже больше.

Я показываю медсестре свой гостевой пропуск и пулей влетаю в папину палату. Он лежит, такой спокойный, и даже дышит вместо него аппарат. Я на грани нервного срыва. Как представлю, что папа очнется, а меня уже нет на свете и утешить я его не смогу. Но я беру себя в руки. Сев рядом, я подсовываю свою ладонь под папину и кладу сверху голову. В последний раз я плакал в первую его ночь в больнице. Перспективы у него тогда были совершенно мрачные, особенно до полуночи. Я готов был поклясться, что папу от смерти отделяют считанные минуты.

Стыдно признаться, но мне сейчас немного досадно, что папа не в сознании. Он был рядом, когда мама дала мне жизнь и покинула нас, и сейчас тоже должен быть рядом. Без меня вся его жизнь переменится. Больше не будет ужинов, когда вместо того, чтобы рассказывать, как прошел день, папа вспоминает, какие муки пережил, прежде чем мама согласилась за него выйти, и какой крепкой была их взаимная любовь. Ему придется выбросить невидимый блокнот, который он всегда вынимал, когда я морозил что-нибудь ужасно глупое. Позднее он зачитывал эти глупости и обещал однажды опозорить меня перед моими будущими детьми, хоть я никогда и не думал, что у меня будут дети. Он перестанет быть отцом. Или по крайней мере никто не будет называть его папой.

Я отпускаю его ладонь, беру ручку с прикроватной тумбочки, вытаскиваю наше совместное фото и нетвердой рукой пишу на обратной стороне:

Спасибо тебе за все, пап.

Я буду смелым, со мной все будет хорошо.

Люблю тебя от земли до небес.

Матео

Я оставляю фото на тумбочке.

Кто-то стучит в дверь. Я оборачиваюсь, ожидая, что это Руфус, но вижу папину медсестру Элизабет. Она ухаживает за отцом в ночные смены и всегда очень терпелива со мной, когда бы я ни позвонил узнать об изменениях в его состоянии.

— Матео? — В ее взгляде скорбь. Должно быть, она уже обо всем знает.

— Здравствуйте, Элизабет.

— Прости, что прерываю. Как ты себя чувствуешь? Хочешь, я позвоню в кафе и уточню, осталось ли у них желе?

Да, она точно в курсе.

— Нет, спасибо. — Я снова думаю о папе, о том, насколько он уязвим и спокоен. — Как его состояние?

— Стабильное. Тебе не о чем беспокоиться. Он в хороших руках, Матео.

— Я знаю.

Я барабаню пальцами по папиной тумбочке, в которой лежат его ключи от дома, кошелек и одежда. Я понимаю: пора прощаться. Дело даже не в том, что Руфус ждет меня в коридоре. Просто папа не хотел бы, чтобы я провел свой Последний день в его палате, даже если был бы в сознании.

— Вы же знаете обо мне, да?

— Да. — Элизабет накрывает папино худое тело новой простыней.

— Так нечестно. Я не хочу умирать, не услышав его голос.

Элизабет стоит по другую сторону от папиной кровати, у окна, а я — спиной к двери.

— Ты не мог бы побольше мне о нем рассказать? Я ухаживаю за ним уже две недели, но при этом все, что я о нем знаю, — это что он носит разные носки и что у него потрясающий сын.

Надеюсь, Элизабет задает этот вопрос не потому, что знает, что отец не очнется и сам ей о себе не расскажет. Я не хочу, чтобы он умер сразу вслед за мной. Как-то он сказал мне, что истории могут сделать человека бессмертным, пока есть те, кто готов их слушать. Я хочу, чтобы он оживлял меня для других так же, как постоянно делал это с мамой.

— Папа любит всякие списки. Хотел даже, чтобы я создал для его списков специальный блог. Он думал, что так мы прославимся и разбогатеем и подписчики будут просить его создавать для них списки на заказ. Он был даже убежден, что в конечном счете благодаря своим спискам попадет на телевидение. Попасть в телевизор было его мечтой с самого детства. Мне никогда не хватало смелости сказать ему, что эти его списки не так уж и забавны, но мне нравилось следить за тем, как он работает, поэтому я всегда радовался новым спискам. Он был очень крутым рассказчиком. Иногда я буквально физически ощущал воздействие его слов, например когда мы с ним гуляли по Кони-Айленду, где он в первый раз сделал маме предложение…

— В *первый* раз?

Руфус. Я поворачиваюсь и вижу, что он стоит в дверном проеме.

— Прости, что подслушал. Решил проверить, как ты тут.

— Ничего страшного. Заходи, — говорю я. — Элизабет, это Руфус, мой… Мой Последний друг. — Я надеюсь, что он и правда только хотел меня проведать, а не зашел попрощаться и предложить разойтись и пойти каждый своей дорогой.

Руфус прислоняется к стене, скрестив руки на груди.

— Так что там с предложением руки и сердца?

— Мама дважды ему отказывала. Папа говорил, ей нравилось казаться неприступной. Когда она узнала, что беременна мной, папа встал перед ней на одно колено в ванной, а мама улыбнулась и сказала «да».

Как же мне нравится эта история.

Я знаю, меня там не было, но с годами я создал в своей голове отчетливое воспоминание. Не знаю точно, как выглядела та ванная, ведь дело было еще в самой первой квартире родителей (размером с коробку из-под обуви), но папа всегда говорил, что стены были цвета «приглушенной позолоты», читай: жухлого желтого. А еще он говорил, что плитка на полу была черно-белой, как шахматная доска. В папиных рассказах мама для меня оживает. Например, в этой истории она смеется и плачет, говорит, что просто не хочет, чтобы я родился бастардом, ведь семья у нее традиционная. Для меня в конечном счете это не имело бы никакого значения. Вся шумиха вокруг законнорожденности — такая глупость.

— Милый, я бы очень хотела разбудить его ради тебя. Правда.

Жаль, что жизнь не дает нам возможности открутить стрелки назад, как на часах, когда нам нужно больше времени.

— Можно я минут на десять останусь с ним наедине? Кажется, я знаю, как с ним попрощаться.

— Не торопись, чувак, — кивает Руфус. Я удивлен его щедрости.

— Нет, — говорю я. — Дай мне десять минут, а потом приходи за мной.

Руфус кивает.

— Конечно.

Элизабет кладет руку мне на плечо.

— Я буду в регистратуре на случай, если тебе понадоблюсь.

Элизабет и Руфус уходят и закрывают за собой дверь.

Я беру папу за руку.

— Пришло время в кои-то веки мне рассказать тебе историю. Ты всегда просил, едва ли не умолял меня больше рассказывать о жизни, о том, как прошел день, но я всегда замыкался и уходил от разговора. Но теперь мне ничего не остается, кроме слов, и я скрещиваю пальцы на руках, ногах и черт знает где еще в надежде, что ты меня слышишь. — Я сжимаю его руку и мечтаю, что сейчас он сожмет ее в ответ. — Пап, я…

Меня с детства учили быть честным, но правда иногда бывает слишком сложной. И не так уж важно, что она порой ничему особенно не вредит; иногда слова просто не могут оформиться, пока ты не останешься один. И даже тогда успех не гарантирован. Иногда правда — это секрет, который ты скрываешь даже от самого себя, потому что жить во лжи гораздо проще.

Я напеваю песню «*Take This Waltz*» покойного Леонарда Коэна. Это одна из тех песен, которые всегда помогают мне отвлечься и погрузиться в мир грез, хотя ни одно слово в ней мне не

близко. Я пою те строчки, которые помню, спотыкаясь на одних словах и не к месту повторяя другие, но папа любит эту песню, и я надеюсь, что он слышит, как я ее пою, раз уж сам не может петь.

РУФУС

04:46

Я сижу у двери в палату и готовлюсь сказать Матео, что нам пора. Выманить его из квартиры — это одно. Но теперь мне, похоже, придется как-то вырубить этого чувака и силой вытащить его из больницы. Кому-нибудь точно пришлось бы сотворить со мной подобное, чтобы оттащить меня от моего папки, не важно, в сознании он или без.

Эта медсестра, Элизабет, смотрит сначала на часы, а потом на меня по пути в другую палату, куда несет поднос со слегка заветренной едой.

Мне пора уводить Матео.

Я встаю с пола и приоткрываю дверь в палату. Матео держит отца за руку и напевает песню, которую я никогда раньше не слышал. Я тихонько стучу, и Матео вскакивает как ошпаренный.

— Прости, чувак. Ты в порядке?

Матео стоит, его лицо пылает, как будто мы только что играли в щелчки большой компанией и я жестко его обыграл.

— Да, в порядке. — Чертов врун. — Нужно прибраться.

Проходит минута, прежде чем он отпускает руку отца, но отец будто сам его держит и не хочет отпускать. Матео все-таки умудряется освободиться. Потом берет папку для бумаг и кладет на полку над кроватью.

— Папа обычно оставляет всю уборку на субботу, потому что ему не улыбается каждый будний день возвращаться с работы и делать что-то по дому. В выходные мы с ним всегда убирались и боролись за первенство в марафоне по непрерывному просмотру телика. — Матео оглядывается, но в комнате чертовски чисто. Ну то есть с пола я бы есть не стал, но только потому, что это больница.

— Ты же попрощался?

Матео кивает.

— Типа того. — Он идет в сторону ванной комнаты. — Проверю, чисто ли там.

— Да уж наверняка.

— Нужно удостовериться, что, когда он проснется, у него будет чистая чашка.

— О нем позаботятся.

— Может быть, ему нужно одеяло потеплее. Он же не может нам сказать, что замерз.

Я подхожу к Матео и беру его за плечи, пытаясь как-то успокоить, потому что его трясет.

— Он не хочет, чтобы ты тут сидел, ясно?

Брови Матео смыкаются на переносице, глаза краснеют. Так краснеют глаза у того, кто очень опечален, а не зол.

— Я не это имел в виду. Просто сморозил. Он не хочет, чтобы ты тратил здесь свое время. Послушай, у тебя хотя бы был шанс попрощаться. А у меня в случае с моей семьей такого шанса не было. Я слишком много времени потратил на попытки понять, что же им сказать. Так что я счастлив за тебя — и в то же время жесть как тебе завидую. И даже если теперь моих слов недостаточно, чтобы вытащить тебя из палаты, скажу честно: ты мне нужен. Мне нужно, чтобы рядом со мной был друг.

Матео снова оглядывает комнату, наверняка убеждая себя, что ему прямо в эту секунду нужно почистить унитаз или проверить, все ли чашки в больнице безукоризненно чисты, чтобы полностью исключить вероятность того, что его папе достанется единственная грязная. Но я сжимаю его плечи и помогаю ему очнуться. Он идет к кровати и целует отца в лоб.

— Прощай, пап.

Потом начинает пятиться от кровати, шаркая ногами, и на прощание машет своему спящему отцу. Мое сердце грохочет в груди, а ведь я всего лишь свидетель этой сцены. Должно быть, Матео сейчас готов разорваться на части. Я кладу руку ему на плечо, и он вздрагивает.

— Прости, — произносит он у двери. — Я очень надеюсь, что он очнется сегодня. Ровно ко времени, понимаешь.

Я бы на это не рассчитывал, но все равно киваю.

Мы выходим из палаты. Матео в последний раз заглядывает внутрь и закрывает за нами дверь.

МАТЕО

04:58

Я останавливаюсь на углу возле больницы.

Еще не поздно побежать обратно в палату к папе и там дожить этот день до конца. Но несправедливо подвергать риску остальных людей в больнице, ведь я сейчас — бомба замедленного действия. Не могу поверить, что я снова на улице, в мире, который меня убьет, и сопровождает меня Последний друг, чья дальнейшая судьба тоже в полной заднице.

Сохранять в себе мужество уже невозможно.

— Ты в порядке? — спрашивает Руфус.

Я киваю. Мне сейчас очень хочется послушать какую-нибудь музыку, особенно после того, как я попел у папы в палате. При мысли, что Руфус слышал, как я пою, у меня внутри все

Topreading.ru

сжимается. Но ладно. Это ерунда. Он промолчал, а может, ничего толком и не слышал. Из-за этой неловкости мне еще сильнее не терпится окунуться в музыку, укрыться от окружающего мира с головой в компании мелодий, которые всегда дарили мне идеальное одиночество. Еще одна любимая песня папы — *«Come What May»* из фильма «Мулен Руж!». Именно ее мама пела ему и мне (я тогда был еще в животе), когда они вместе принимали душ прямо перед тем, как у нее отошли воды. Меня просто преследует одна строчка из этой песни: *«I will love you until the end of times»*[7]. То же самое можно сказать еще об одной моей любимой песне, *«One Song»* из фильма «Богема». Я очень сильно хочу ее послушать, особенно теперь, когда сам стал Обреченным, ведь это песня о потерянных возможностях, пустой жизни и смерти времени. Мои любимые слова в ней — *«One song before I go…»*[8].

— Прости, что я так давил на тебя с уходом, — говорит Руфус. — Ты меня попросил тебя оттуда увести, но я не уверен, что ты на самом деле этого хотел.

— Я рад, что ты это сделал, — признаюсь я. Папа хотел бы именно этого.

Переходя через дорогу, мы смотрим сначала направо, потом налево. Машин в поле зрения нет, но на углу соседнего здания мужчина неистово роется в мусорном баке, как будто вот-вот приедет мусоровоз и увезет все мешки у него из под носа. Возможно, он ищет что-то, что случайно выбросил, но по рваной штанине его джинсов и въевшейся грязи на жилетке ржавого цвета можно заключить, что он бездомный. Мужчина вынимает половинку апельсина, засовывает ее себе под мышку и продолжает рыться в мусорных мешках. Когда мы доходим до угла, он оборачивается.

— Доллар есть? Или мелочь какая?

Проходя мимо, я, как и Руфус, низко опускаю голову. Бездомный не кричит нам вслед и вообще больше ничего не говорит.

— Хочу дать ему немного денег, — говорю я Руфусу, даже при том что очень боюсь делать это в одиночку. Я шарю по карманам и в одном из них обнаруживаю восемнадцать долларов. — А у тебя нет для него наличных?

— Не хочу показаться мудаком, но с чего вдруг?

— С того, что они ему нужны, — отвечаю я. — Он роется в мусорке в поисках еды.

— Где гарантия, что он вообще бездомный? Меня уже так надували.

Я останавливаюсь.

— Меня в жизни тоже обманывали.

А еще я не раз игнорировал чужие просьбы о помощи, что было несправедливо.

— Я же не говорю, что нам нужно отдать ему все свои сбережения. Просто пару баксов.

— Когда это тебя обманывали?

— В пятом классе. Шел я как-то в школу, и один парень попросил у меня доллар, а когда я достал пять, которые взял у отца на ланч, он ударил меня по лицу и отнял их. — Стыдно признаться, но в школе в тот день я безутешно рыдал, пока папа не отпросился с работы и не

пришел проведать меня в медпункте. После того случая он даже две недели водил меня в школу и умолял быть осторожным и не разговаривать с незнакомцами, особенно о деньгах. — Я просто думаю, что не в моей власти судить, кому на самом деле нужна помощь, а кому нет. Это все равно что просить человека станцевать или спеть, чтобы доказать, что он достоин моего внимания. Одной просьбы о помощи, когда она нужна, должно быть достаточно. Да и что такое доллар? Заработаем еще один.

На самом деле ничего мы больше не заработаем, но, если Руфус такой же умный, как я (или такой же параноик), у него тоже наверняка достаточно денег на банковском счете. По выражению его лица мне ничего не понятно, но он останавливает велосипед и ставит его на подножку.

— Тогда так и сделаем. — Он тянется к карману и достает двадцать долларов наличными. Затем идет вперед, а я тащусь сзади, и сердце глухо стучит в груди. Я немного опасаюсь, что этот мужик на нас нападет.

Руфус останавливается в полуметре от бездомного и подзывает меня. В этот самый миг бездомный оборачивается и смотрит мне прямо в глаза.

Руфус ждет, пока я заговорю.

— Сэр, это все, что у нас с собой есть. — Я беру двадцатку у Руфуса и протягиваю мужчине все наши наличные.

— Не надо со мной играть. — Он оглядывается, как будто боится, что это какой-то спектакль. Так не должно быть, чужая помощь не должна вызывать у человека подозрений.

— Мы и не играем, сэр. — Я делаю шаг ему навстречу. Руфус встает рядом со мной. — Знаю, это не так уж много… Извините нас.

— Это… — Мужчина подходит ко мне вплотную, и, клянусь, у меня вот-вот разорвется сердце, словно мои ноги забетонированы в гоночный трек, а на меня разноцветными пятнами несется дюжина автомобилей. Но мужчина не бьет меня. Он обнимает меня, и из-под мышки к нашим ногам падает апельсин. Минуту спустя, когда я умудряюсь совладать с нервами и мышцами, я обнимаю его в ответ, и он напоминает мне отца — ростом, худобой и всей своей фигурой. — Спасибо. Спасибо, — шепчет он, и я не знаю, почему у него красные глаза: потому что ему негде ночевать и он очень устал или потому что он вот-вот заплачет. Однако я не задаю лишних вопросов. Ему не нужно мне ничего доказывать. Жаль, что раньше я не так относился к жизни.

Мужчина кивает Руфусу и засовывает купюры в карман. Больше он ни о чем не просит. Он не бьет меня, а просто уходит, чуть расправив плечи. И я мгновенно жалею, что не спросил его имени, прежде чем он ушел, или по крайней мере не представился сам.

— Молодец, — говорит Руфус. — Надеюсь, по закону кармы ты в следующей жизни получишь по справедливости.

— Дело не в карме. Я не стремлюсь набрать очки и показать, какой я хороший человек. — Не стоит жертвовать средства на благотворительность, переводить стариков через дорогу или спасать щенков в надежде, что когда-нибудь потом тебя за это отблагодарят. Возможно, я не сумею найти лекарство от рака или положить конец мировому голоду, но маленькие добрые поступки способны творить чудеса. Руфусу я ничего такого не скажу, потому что одноклассники высмеивали все мои подобные мысли, но вообще-то никто не должен

испытывать неловкость из-за того, что хочет быть хорошим человеком. — Думаю, мы подняли ему настроение, потому что не притворялись, будто не видим его. Спасибо, что увидел его вместе со мной.

— Надеюсь, мы помогли хорошему парню, — говорит Руфус.

Точно так же, как Руфус не ожидает, что я мгновенно стану храбрым, я не могу ожидать, что он мгновенно станет щедрым.

Хорошо, что Руфус не сказал мужчине, что мы сегодня умрем. Это все обесценивает, да? Ведь тогда он решил бы, что мы отдаем ему свои деньги только потому, что сами, возможно, через минуту-другую уже не сможем ими воспользоваться.

Может, благодаря встрече с нами теперь он будет доверять другим. Мне он в этом точно помог.

ДЕЛАЙЛА ГРЕЙ

05:00

В 02:52 ночи Делайле Грей позвонили из Отдела Смерти, чтобы сообщить, что она сегодня умрет, но Делайла готова поспорить, что это неправда. И вовсе не потому, что она на первой стадии принятия горя — отрицании. Делайла почти уверена, что злую шутку с ней сыграл ее бывший, сотрудник Отдела Смерти. Так он пытается ее запугать, потому что вчера вечером она отменила помолвку, хотя уже год как обещала выйти за него замуж.

По закону такие розыгрыши строжайше наказываются. За подобное преступление ее бывшего отправят в тюрьму минимум лет на двадцать и занесут в черный список, что не позволит ему впредь найти приличную работу. Напортачить на службе в Отделе Смерти — это, в общем-то, способ самоубийства.

Делайла возмущена тем, что Виктор способен так злоупотреблять своими полномочиями.

Она удаляет электронное письмо с квитанцией и временем звонка глашатая, Микки, которого покрыла матом, прежде чем повесить трубку. Потом берет мобильник. Соблазн позвонить Виктору велик, но Делайла качает головой и снова кладет телефон на подушку, на которой Виктор спал, когда оставался у нее с ночевкой. Делайла не хочет, чтобы он самодовольно посчитал ее параноиком, ведь она вовсе не параноик. Если он надеется, что она зарегистрируется на сайте www.death-cast.com и проверит, на самом ли деле ее имя числится в списке Обреченных, или позвонит и начнет угрожать ему судебным разбирательством, пока он не сознается, что Микки — его друг с работы, нанятый лишь затем, чтобы ее напугать, — ему придется очень долго ждать. Ведь у нее в запасе уйма времени.

Делайла продолжает просто проживать свой день, потому что не сомневается в том, что этот звонок — чушь собачья, как не сомневалась в своем решении разорвать помолвку.

Она идет в ванную, чистит зубы и с восхищением рассматривает свои волосы в зеркале. Волосы у Делайлы очень яркие, *слишком* яркие, по мнению ее начальницы. Уже многие недели ей хотелось что-нибудь поменять, но она игнорировала внутренний голос, который подстрекал ее оборвать отношения с Виктором. Покрасить волосы было проще. Меньше слез. На вопрос

парикмахера, чего она хочет, Делайла попросила окрашивание «Северное сияние». Это сочетание розового, фиолетового, зеленого и голубого пора было уже обновить, но Делайла решила, что это подождет до следующей недели, когда она наверстает все сорванные планы.

Она возвращается в постель и открывает ноутбук. Решающий разговор с Виктором накануне вечером перед его сменой отвлек девушку от ее собственной работы — написания краткого обзора сериальных премьер для «Инфинит Уикли». В этой газете она работает помощником редактора с тех самых пор, как весной выпустилась из колледжа. Она не фанатка сериала «Дом хипстера», но он привлекает больше читателей, чем «Берег Джерси», а кому-то ведь нужно писать обзоры на сериалы, пока другие редакторы заняты освещением кинофраншиз. Делайла прекрасно понимает, что ей повезло получить эту, пусть и рутинную, работу, да и вообще любую работу, если принять в расчет, что она новая сотрудница и уже задержала несколько заданий, потому что с головой ушла в планирование свадьбы с парнем, которого знает чуть больше года.

Делайла включает телевизор, чтобы пересмотреть до боли абсурдную новую серию: хипстерам дают задание совместно писать рассказы на печатной машинке посреди заполненной до отказа бруклинской кофейни. Но прежде чем Делайла успевает поставить сериал, ведущий на канале «Фокс-5» зачитывает новости, заслуживающие особого внимания, если принять в расчет ее интересы.

— «…И мы обратились за информацией к его агентам. Хотя двадцатипятилетний актер сыграл в блокбастере о Скорпиусе Готорне не кого иного, как демона-волшебника, фанаты по всему миру признаются Хоуи Мальдонадо исключительно в чистосердечной любви. Следите за нами в твиттере и фейсбуке и узнавайте последние новости этой захватывающей истории…»

Делайла вскакивает с постели, и ее сердце бешено стучит.

Она не будет ждать развития этой захватывающей истории.

Она первая напишет репортаж со всеми подробностями.

МАТЕО

05:20

Я подхожу к банкомату на углу, а Руфус прикрывает меня со спины. К счастью, папе хватило здравого смысла отправить меня в банк, как только мне исполнилось восемнадцать, чтоб я оформил себе дебетовую карту. Я снимаю четыреста долларов — максимальную сумму, которую можно снять в этом банкомате. Пока я складываю купюры в конверт для Лидии, мое сердце неистово колотится в груди: я молюсь, как бы, заметив у меня деньги, кто-нибудь вдруг не выпрыгнул с пушкой в руках. Кто знает, чем это может закончиться. Я выхватываю чек, быстро запоминаю, что у меня на счету остается 2076,27 долларов, и рву чек на мелкие кусочки. Мне столько не нужно. Можно снять еще наличных для Лидии и Пенни в другом банкомате или в банке, когда он откроется.

— К Лидии, наверное, рановато идти, — говорю я и, сложив конверт, кладу его к себе в карман. — А то она заподозрит, что что-то не так. Может, потусуемся у нее в подъезде?

— Не, чувак. Мы не станем сидеть в подъезде твоей лучшей подружки, потому что ты не хочешь ее обременять. Сейчас пять утра, давай пойдем поедим. Потенциальная Тайная вечеря. — Руфус ведет меня за собой. — Моя любимая закусочная открыта круглосуточно.

— Звучит прикольно.

Я всегда был большим поклонником утра. Я подписан на несколько страниц на фейсбуке, посвященных рассвету в других городах («Доброе утро, Сан-Франциско!») и странах («Доброе утро, Индия!»), и вне зависимости от времени суток в моей ленте всегда мелькают фотографии сияющих зданий, завтраков и людей, которые начинают свой день. Восходящее солнце приносит чувство новизны, и даже при том, что существует вероятность, что я не дотяну до рассвета и не увижу, как лучи солнца просвечивают через кроны деревьев в парке, я должен относиться к сегодняшнему дню как к одному длинному утру. Нужно проснуться, нужно начать свой день.

В столь ранний час улицы пустынны. Я не против людей, просто не осмеливаюсь петь песни в чьем-либо присутствии. Если бы я сейчас был совсем один, то, наверное, сыграл и спел бы какую-нибудь депрессивную песню. Папа учил меня, что нет ничего дурного в том, чтобы поддаваться эмоциям, но при этом нужно уметь бороться с самыми плохими из них. На следующий день после того, как его положили в больницу, я играл светлые и душевные песни, например «*Just the Way You Are*» Билли Джоэла, чтобы чувствовать, что надежда нас не покинула.

Мы подходим к кафе «Пушка». Над дверью треугольная вывеска, на которой изображена пушка, стреляющая чизбургером в название кафе, и картошка фри, которая разлетается в разные стороны, как фейерверк. Руфус пристегивает велосипед к паркомату, я следом за ним захожу в полупустое кафе, и в нос мне сразу бьет запах яичницы и гренок.

Хозяин с усталыми глазами приветствует нас и предлагает занять любые места. Руфус обходит меня и направляется в дальний угол забегаловки, где занимает столик на двоих возле туалета. Темно-синие кожаные сиденья потрескались, и, глядя на них, я сразу вспоминаю диван у нас дома с тех времен, когда я был совсем еще ребенком. Я тогда машинально отдирал от него кусочки ткани до тех пор, пока обивка не полезла наружу — причем полезла так сильно, что папа выбросил диван и заменил его тем, что стоит у нас до сих пор.

— Это мое любимое место, — говорит Руфус. — Я бываю здесь пару раз в неделю. Уже даже говорю: «Мне как обычно».

— А почему ты ходишь именно сюда? Твой район? — Я вдруг осознаю, что понятия не имею, где живет мой Последний друг и откуда он вообще родом.

— Мой, но только в последние четыре месяца, — кивает Руфус. — Так вышло, что я оказался в интернате.

Я не только ничего не знаю о Руфусе, но и ничего еще для него не сделал. Он верен своей миссии следовать за мной в моем путешествии: вытащил меня из дома, привел и вызволил из больницы, а скоро и к Лидии со мной пойдет. Пока Последняя дружба — штука уж больно односторонняя.

Руфус подвигает ко мне меню.

— На обратной стороне написано про акцию для Обреченных. Все бесплатно, прикинь.

Небывалая удача. На форуме «Обратный отсчет» я много раз читал, что Обреченные идут в пятизвездочные рестораны, ожидая, что их там будут обхаживать, как королей, и кормить всевозможными угощениями за счет заведения, но в итоге им предлагают только скидку. Я рад, что Руфус привел меня именно сюда.

Откуда-то из кухни выходит официантка и приветствует нас. Ее светлые волосы собраны в аккуратный пучок на затылке, а на значке, приколотом к желтому галстучку, написано «Эйнджел»[9].

— Доброе утро, — говорит она с южным акцентом и достает ручку из-за уха. Я замечаю завиток татуировки у нее над локтем. Кажется, страх перед иголками я не перерасту никогда. Девушка крутит ручку между пальцев. — Поздно вы к нам, да?

— Можно и так сказать, — отвечает Руфус.

— Скорее очень-очень рано, — возражаю я.

Если Эйнджел и интересна разница формулировок, то виду она не подает.

— Что-нибудь выбрали?

Руфус изучает меню.

— Ты что, будешь не то, что обычно? — спрашиваю я.

— Сегодня хочу чего-нибудь нового. Последний шанс и все такое. — Он откладывает меню и поднимает взгляд на официантку. — Что посоветуете?

— Вам что, позвонили, что ли? — Ее смешок живет не больше секунды. Девушка поворачивается ко мне, а я опускаю голову все ниже и ниже, пока Эйнджел не присаживается перед нами на корточки. — Быть не может. — Она роняет ручку и блокнот на стол. — Ребята, вы в порядке? Вы больны? И вообще, вы же не прикалываетесь, чтобы я вас бесплатно накормила, так?

Руфус качает головой:

— Нет, не прикалываемся. Я часто сюда захожу и решил не изменять себе в последний раз.

— Вы что, на самом деле сейчас думаете о еде?

Руфус наклоняется вперед и читает имя на значке:

— Эйнджел. Что посоветуете?

Девушка прикрывает глаза рукой, пожимает плечами.

— Даже не знаю, — говорит она. — Может быть, набор «Все самое вкусное»? Там картошка фри, мини-сэндвичи, яичница, жареная свиная вырезка, паста… В общем, там все самое вкусное, что у нас есть.

— Мне столько в жизни не съесть. А что вы сами тут больше всего любите? — спрашивает Руфус. — Только не говорите, что рыбу.

— Я люблю салат с цыпленком на гриле. Но это потому, что ем как птичка.

— Тогда буду его, — решает Руфус и смотрит на меня. — А ты что хочешь, Матео?

Я даже не смотрю в меню.

— Я возьму то, что ты здесь всегда заказываешь.

Как и он, я надеюсь, что это не рыба.

— Но ты даже не знаешь, что это.

— В любом случае, попробую что-то новое. Если только это не куриная грудка.

Руфус кивает. Он указывает пару позиций в меню, и Эйнджел сообщает, что скоро вернется, после чего поспешно уходит, забыв на столе ручку и блокнот. Я слышу, как она велит повару готовить наши блюда в первую очередь, потому что «за тем столиком сидят Обреченные». Не очень понимаю, кто составляет нам конкуренцию в этом первенстве. Мужчина, который пьет кофе и читает газету? Но я ценю доброту сердца Эйнджел. Интересно, была ли такой же Андреа из Отдела Смерти, пока работа не заглушила в ней последние крохи сострадания?

Я поворачиваюсь к Руфусу.

— Можно у тебя кое-что спросить?

— Не переводи воздух на такие вопросы. Просто спрашивай что хочешь, будь смелее, — отвечает он.

Отвечает он резковато, но вообще-то к месту.

— Зачем ты сказал Эйнджел, что мы умираем? Разве это не испортит ей день?

— Возможно. Но смерть испортит и мой день, и я ничего не смогу с этим поделать, — пожимает плечами Руфус.

— Лидии я говорить не собираюсь, — замечаю я.

— Но почему? Не будь чудовищем. У тебя ведь есть шанс с ней попрощаться. Не упускай его.

— Я не хочу портить ей день. Она мать-одиночка. Ей и так приходится нелегко с тех пор, как не стало ее парня. — А может быть, не такой я и самоотверженный. Может, молчать о своей смерти — это чистый эгоизм. Но я не могу себя заставить. Как сказать лучшей подруге, что завтра тебя уже не будет рядом? И как убедить ее отпустить тебя, чтобы ты не упустил своего шанса пожить последний день перед смертью?

Я откидываюсь на сиденье, испытывая изрядное отвращение к себе.

— Если ты окончательно решил, я тебя поддержу. Не знаю, обидится ли она, — тебе лучше знать. Но послушай, нам пора перестать сомневаться в себе и заботиться о том, как другие отреагируют на нашу смерть.

— А что, если, переставая сомневаться в себе, мы перестаем быть собой? Тебе самому не вскрывают мозг размышления о том, не была ли жизнь лучше до появления Отдела Смерти?

Этот вопрос душит меня.

— Было ли тогда лучше? — переспрашивает Руфус. — Может быть. Да. Нет. Ответ ничего не значит и ничего не меняет. Пусть все идет как идет, Матео.

Он прав. Не буду больше себя мучить. Я сдерживаюсь. Я кучу лет жил в полной безопасности, пытаясь обеспечить себе долгие годы на земле, и посмотрите, чего я добился. Я на финишной прямой, хотя никогда не участвовал в забеге.

Эйнджел возвращается с напитками и протягивает Руфусу салат с цыпленком на гриле, а передо мной ставит батат-фри и французские гренки.

— Если вам понадобится что-нибудь еще, ребята, пожалуйста, кликните меня. Даже если я не в зале или занята другим клиентом. Я в вашем распоряжении.

Мы благодарим ее, но я замечаю, что ей не хочется уходить. Кажется, она вот-вот присядет рядом с кем-нибудь из нас еще немного поболтать. Но она все же собирается и уходит.

Руфус стучит вилкой по моей тарелке.

— Ну, как тебе мое «как обычно»?

— Я сто лет не ел гренок. Мой отец вместо них любил делать по утрам роллы с беконом, салатом и помидорами в поджаренной тортилье. — Я как-то уже подзабыл о существовании французских гренок, но запах корицы мгновенно навеял многочисленные воспоминания о том, как мы с папой сидели друг напротив друга за нашим неустойчивым столом, завтракали, слушали новости или накидывали идеи для его очередного списка. — А вообще очень в тему. Хочешь?

Руфус кивает, но к моей тарелке не тянется. Он думает о чем-то своем, гоняя салат по тарелке. Он явно чем-то расстроен и ест только курицу. Потом берет блокнот и ручку, которую оставила на столе Эйнджел, рисует круг и несколько раз жирно его обводит.

— Я мечтал путешествовать по свету и фотографировать.

Он рисует карту мира, намечая границы стран, в которых никогда не побывает.

— Типа как фотожурналист? — уточняю я.

— Не, я хотел работать чисто на себя.

— Тогда надо сходить в «Арену путешествий», — говорю я. — Это лучший способ объехать весь мир за один день. На форуме «Обратный отсчет» у нее хорошие отзывы.

— Я на таких форумах не сижу, — говорит Руфус.

— А я сижу каждый день, — признаюсь я. — Мне спокойнее, когда я вижу, как другие люди находят в себе силы выйти из зоны комфорта.

Руфус отрывает взгляд от своего рисунка и качает головой.

— Твой Последний друг проследит, чтобы ты из своей зоны комфорта вышел со взрывом. Не в буквальном смысле, а понимаешь в каком. В хорошем. Я криво выразился.

— Я тебя понял. — Кажется.

— А ты себя кем видел в будущем? — спрашивает Руфус. — В профессиональном плане.

— Архитектором. Я хотел строить дома, офисы, театры и парки, — говорю я. И умалчиваю о том, что никогда в жизни не стал бы работать в офисе или что мечтал выступить на построенной мною же сцене. — В детстве я очень любил «Лего».

— Я тоже. Ракеты у меня всегда разваливались, и у моих пилотов с квадратной головой никогда не было особых шансов. — Руфус тянется к моей тарелке и отрезает себе кусочек гренки, после чего принимается с наслаждением ее жевать, опустив голову и закрыв глаза. Ужасно тяжело смотреть, как кто-то ест свою самую любимую еду в последний раз в жизни.

Я обязан взять себя в руки.

Обычно хуже всего бывает перед тем, как станет лучше, но сегодня все наоборот.

Когда наши тарелки пустеют, Руфус встает и подзывает Эйнджел.

— Будет секундочка, принесите счет, хорошо?

— Мы вас угощаем.

— Пожалуйста, можно мы заплатим? Для меня это очень важно, — говорю я. Надеюсь, она не думает, что я манипулирую ее чувством вины.

— Поддерживаю, — кивает Руфус. Возможно, он сюда больше не вернется, но мы хотим, чтобы это кафе не закрывалось как можно дольше и работало ради других посетителей. А ведь выручка — это то, что позволяет им оплачивать счета.

Эйнджел энергично кивает и приносит нам чек. Я протягиваю пластиковую карту и, когда девушка возвращает ее мне, оставляю ей чаевых в три раза больше стоимости нашего недорогого завтрака.

Теперь у меня остается чуть меньше двух тысяч долларов. Наверное, помочь кому-нибудь начать жизнь заново на эти деньги нельзя, но это хоть какая-то помощь.

Руфус кладет рисунок земного шара в карман.

— Пойдем?

Я остаюсь сидеть на месте.

— Встать — значит уйти, — говорю я.

— Ага, — говорит Руфус.

— Уйти — значит умереть, — говорю я.

— Не-а. Уйти — значит пожить перед тем, как умереть. Вперед.

Я встаю, благодарю Эйнджел, помощника официанта и хозяина кафе, и мы выходим на улицу.

Topreading.ru

Сегодня — одно длинное утро. Но я обязан проснуться и вылезти из-под одеяла. Я смотрю вперед на пустынные улицы и иду навстречу Руфусу и его велосипеду; навстречу своей смерти, которая с каждой потерянной нами минутой становится ближе; навстречу миру, который сегодня играет против нас.

РУФУС

05:53

Ничего сказать не могу, Матео — прикольный невротичный парень, и мне нравится проводить с ним время, но было бы реально круто в последний раз посидеть в «Пушке» с плутонцами и поболтать обо всем хорошем и плохом, что с нами случалось. Только это слишком рискованно. Я знаю, в каком положении оказался, и не хочу, чтобы они из-за меня пострадали.

Правда, хоть сообщение они могли мне отправить.

Я отстегиваю велик, выкатываю его на дорогу и бросаю шлем Матео. Он едва его не роняет.

— Так, напомни, где живет Лидия?

— Зачем ты даешь его мне? — спрашивает Матео.

— Чтобы ты не раскроил себе череп, когда будешь падать. — Я забираюсь на велик. — Отстойно же будет, если тебя угробит твой Последний друг.

— Но это одноместный велосипед.

— У меня есть пеги[10] на заднем колесе, — говорю я. Тэго все время на них ездит. Он мне доверяет и знает, что я не впилюсь в какое-нибудь авто и не отправлю его на тот свет.

— Ты хочешь, чтобы я стоял сзади на этих подножках, а ты вез меня в темноте? — спрашивает Матео.

— Но ты при этом будешь в шлеме, — говорю я. Твою ж мать, а я уже надеялся, что он и правда готов выйти из зоны комфорта.

— Нет. Этот велосипед нас и прикончит.

Сегодняшний день в самом деле нелегко ему дается.

— Ничего подобного. Доверься мне. Я не слезаю с этого велика уже два года. Давай, Матео, залезай.

Очевидно, он в дикой нерешительности и все же с усилием надевает на голову шлем. У меня теперь есть дополнительная причина быть осторожным (я же не хочу, чтобы на том свете меня преследовала фраза «А ведь я тебе говорил!»). Забравшись на пеги, Матео хватает меня за плечи и крепко в них вцепляется. Растет над собой. Горжусь! Это все равно что выгнать птицу из гнезда или, скорее, даже вытолкнуть ее, потому что ей надо было улететь оттуда много лет назад.

Продуктовый магазин открывает ставни новому рабочему дню, а луна еще висит высоко над

головой. Я давлю на педали, и Матео соскакивает на землю.

— Нет. Я пойду пешком. И тебе советую. — Он расстегивает шлем, снимает его с головы и отдает мне. — Прости. У меня просто появилось дурное предчувствие, а мне сейчас только и остается, что доверять интуиции.

Мне бы надо быстро нацепить шлем и уехать подальше. Пусть Матео идет к Лидии, а я займусь своими делами, какими бы они ни были. Но вместо того, чтобы разойтись с ним в разные стороны, я вешаю шлем на руль и опускаю ногу на тротуар.

— Тогда не будем тормозить. Не знаю, сколько нам осталось жить, но лично я не хочу все пропустить.

МАТЕО

06:14

Я уже стал худшим Последним другом в истории. Настало время быть худшим лучшим другом.

— Мне будет погано, — говорю я.

— Потому что ты не расскажешь о своей смерти?

— Я еще не мертв. — Я поворачиваю за угол. Лидия живет в паре домов отсюда. — И нет. — Небо наконец начинает светлеть, и на нем проступают оранжевые оттенки последнего рассвета в моей жизни. — Лидия была просто уничтожена, когда узнала, что ее парень-дефис-жених умрет. Он так и не увидел Пенни.

— Я так понимаю, Пенни — это их дочка?

— Да. Она родилась через неделю после смерти Кристиана.

— Как это случилось? Ему позвонили? — спрашивает Руфус. — Если это что-то слишком личное, можешь не рассказывать. Звонок моей семье стал настоящим кошмаром, и я тоже не люблю о нем говорить.

Я готов доверить ему эту историю только в том случае, если он никому ее не передаст, особенно Лидии, но потом осознаю, что Руфус точно унесет ее с собой в могилу. Сплетничать он может начать разве что на том свете, а так я ничем не рискую и могу делиться с ним всем чем угодно.

— Кристиан поехал в какие-то дальние районы Пенсильвании, чтобы продать одному коллекционеру диковинные кинжалы и мечи, которые унаследовал от дедушки.

— Кинжалы и мечи можно продать за бешеные бабки, — кивает Руфус.

— Лидия была против того, чтобы он ехал, она жутко в тот период нервничала, но Кристиан клялся, что выручка в конечном счете будет того стоить. Тогда они купят кроватку поудобнее, подгузники про запас, молочную смесь на пару первых месяцев и одежду. Он уехал, остановился на ночевку где-то в Пенсильвании, и около часу ночи ему позвонили с

предупреждением, — рассказываю я, и в груди у меня все сжимается. Как вспомню все эти слезы и крики… Я останавливаюсь и прислоняюсь спиной к стене. — Кристиан пытался дозвониться до Лидии, но она крепко спала и ничего не слышала. Он каждую минуту отправлял ей по сообщению, а потом поехал обратно — автостопом с Обреченным водителем грузовика, и оба они погибли, пытаясь вернуться к своим семьям.

— Черт, — выдыхает Руфус.

Лидия была безутешна. Как одержимая она перечитывала последние страшные сообщения Кристиана и ненавидела себя за то, что не проснулась, когда он звонил. У нее была возможность в последний раз увидеть его через приложение «Вуаль». Это такой видеочат, который быстро сажает батарейку, но помогает связаться с близкими тем, кто находится в зоне слабого сигнала, например Обреченному на шоссе по пути к дому. Но Лидия пропустила и эти запросы.

Не знаю, насколько это правда, но после рождения Пенни Лидия говорила, что обижена на дочку, ведь она так сильно выматывала ее на поздних сроках беременности, что Лидия даже проспала последние часы своего возлюбленного на земле. Но я понимаю, что тогда она была убита горем и теперь все иначе.

Лидия бросила школу, чтобы заботиться о Пенни, и живут они в маленькой квартирке с бабушкой Лидии. Со своими родителями она не слишком близка, а родители Кристиана живут во Флориде. Ее жизнь непроста и без дополнительных предсмертных прощаний. Я просто хочу увидеть свою лучшую подругу в последний раз в жизни.

— Вот ведь жесть, — говорит Руфус.

— Да, правда. — Такая реакция от Руфуса много для меня значит. — Можно я ей позвоню? — Я отхожу на пару метров, чтобы немного уединиться.

Нажимаю кнопку «Позвонить».

Не могу поверить, что меня не будет рядом с Пенни, если с Лидией случится что-нибудь непоправимое, и одновременно с тем испытываю изрядное облегчение, ведь мне не придется быть свидетелем того, как Отдел Смерти позвонит Лидии.

— Матео? — спросонья бормочет Лидия.

— Да, это я. Ты спишь? Прости, я думал, Пенни просыпается рано.

— Так и есть. Я, как настоящая Мать года, прячусь под подушкой, пока она болтает сама с собой в кроватке. А ты чего не спишь в такую адскую рань?

— Я… Я ходил повидаться с отцом. — В конце концов, я ведь не вру. — Можно заскочить к тебе ненадолго? Я тут неподалеку.

— Конечно!

— Клево. Тогда до скорого.

Я окликаю Руфуса, и мы идем к дому Лидии. Это весьма неблагополучный жилой район. В таких районах управляющий домом сидит на крыльце и читает газету, хотя дел у него

невпроворот: например, протереть и подмести полы, починить мигающую лампочку в коридоре или расставить мышеловки. Но Лидии это не важно. Ее очаровывает прохлада дождливого вечера, а еще она успела полюбить соседскую кошку Хлою, которая ходит по коридорам и боится мышей. Дом есть дом, что тут скажешь.

— Я поднимусь к ней один, — говорю я Руфусу. — Побудешь тут без меня?

— Да, не вопрос. Все равно мне надо позвонить друзьям. Они не ответили ни на одно сообщение с тех пор, как я уехал из интерната.

— Я недолго, — говорю я. И в этот раз он не просит меня не торопиться.

Я бегу по лестнице и чуть не падаю лицом вниз на ступеньку, однако в паре сантиметров от собственной смерти хватаюсь за поручень. Нельзя нестись к Лидии сломя голову в Последний день. Такая спешка может меня убить — и чуть только что этого не сделала. Я дохожу до третьего этажа и стучусь в дверь. Изнутри слышится крик Пенни.

— ОТКРЫТО!

Зайдя в квартиру, я чувствую запах молока и свежей стирки. Прямо у двери стоит корзина с горой сухого свежевыстиранного белья. Пустые упаковки из-под молочной смеси лежат на полу. А в детском манеже сидит Пенни. В отличие от мамы-колумбийки, кожа у нее не смуглая, а наоборот, довольно светлая, как у Кристиана, правда сейчас скорее красная от крика. Лидия в кухне разогревает бутылочку в горячей воде.

— Тебя мне просто Бог послал, — бросает Лидия. — Я бы тебя обняла, но зубы не чистила с воскресенья.

— Пора бы этим заняться.

— О, милая рубашка! — Лидия плотнее закручивает соску на бутылочке и бросает ее мне, как раз когда крики Пенни становятся громче. — Просто отдай ей. Пенни выходит из себя, когда бутылочку кто-то держит за нее. — Лидия завязывает резинкой спутанные волосы и быстрым шагом идет в ванную. — Господи Боже, неужели я пописаю в одиночестве. Жду не дождусь.

Я встаю на колени перед манежем и протягиваю малышке бутылочку. Ее темно-карие глаза смотрят на меня снисходительно, но стоит ей выхватить из моих рук бутылочку и сесть обратно на своего плюшевого мишку, как она начинает улыбаться и мельком демонстрирует мне четыре крошечных зубика, прежде чем приступить к смеси. Все книжки по развитию детей говорят, что Пенни по возрасту уже пора закругляться со смесью, но Пенни идет наперекор общественным ожиданиям. Это у нас с ней общая черта.

Лидия выходит из ванной с торчащей изо рта зубной щеткой и вставляет батарейки в пластмассовую игрушку-бабочку. Потом что-то спрашивает, и по подбородку у нее течет дорожка из слюны и пасты. Лидия бежит к раковине в кухне и сплевывает.

— Прости. Какая гадость. Завтракать будешь? Ты такой тощий. Черт, я так говорю, будто я твоя мама. — Лидия мотает головой. — Господи, ну ты понял, о чем я. Типа я тебя опекаю.

— Обо мне не беспокойся, Лидия. Я уже поел, но спасибо за предложение. — Пока Пенни сосет из бутылочки, я тыкаю пальцем ее крошечные пятки, и она, выпустив соску, смеется. После малышка лопочет какую-то чепуху, которая, я уверен, имеет для нее глубокий смысл, и снова принимается за бутылочку.

— Угадай, кому позвонили из Отдела Смерти? — спрашивает Лидия, размахивая в воздухе телефоном.

Я держу Пенни за ножку, и внутри меня все холодеет. Лидия не могла узнать, что я умираю. И она бы не стала столь небрежно сообщать мне о моей скорой смерти.

— Кому?

— Хоуи Мальдонадо! — Лидия смотрит на экран своего телефона. — Его фанаты убиты горем.

— Не сомневаюсь. — Мой Последний день совпал с Последним днем моего любимого книжного негодяя. Не знаю, что и подумать.

— Как там твой папа? — спрашивает Лидия.

— Состояние стабильное. Я все надеюсь на чудо, как в сериалах: что он услышит мой голос и придет в себя. Но, очевидно, ничего такого не произошло. Остается только ждать.

У меня душа трещит по швам, когда я говорю об этом. Сидя у манежа, я поднимаю с пола мягкие игрушки — улыбающуюся овечку, желтую сову — и бросаю их Пенни, а потом щекочу ее. У меня никогда не будет подобных мгновений с собственными детьми.

— Жаль это слышать. Но он прорвется. Он крепкий орешек. Я все время себе говорю, что он просто прилег поспать и отдохнуть от своей крутизны.

— Не исключено. Пенни доела, помочь ей срыгнуть?

— Ох, Матео, мой спаситель. Тебя мне Бог послал.

Я вытираю личико Пенни, поднимаю ее столбиком и хлопаю по спине до тех пор, пока она не срыгивает и не начинает смеяться. Держа ее на руках, я прохожусь по комнате своей фирменной походкой динозавра (то есть с грохотом шагаю, как тираннозавр рекс). Это всегда будто бы успокаивает ее. Лидия подходит к телевизору и включает его.

— Уже шесть тридцать. Время мультиков, то есть единственное время, когда я могу убрать вчерашний погром, пока все снова не полетит в тартарары. — Лидия улыбается Пенни, а потом подкрадывается к ней и целует в нос. — Мама имеет в виду, что Пенни — ее сладкое сокровище. — А потом, пряча улыбку, добавляет себе под нос: — Сокровище, которое все вокруг себя перерывает.

Я смеюсь и опускаю Пенни на пол. Лидия протягивает ей пластмассовую бабочку и собирает с пола вещи.

— Чем я могу помочь? — спрашиваю я.

— Для начала — никогда не меняйся. Потом можешь убрать в ящик все ее игрушки, но обязательно оставь овцу, а то она устроит концерт. В ответ я буду любить тебя вечно и бесконечно. Я пока положу ее одежку в комод. Дай мне минутку, а лучше десять. — И Лидия уходит с корзиной выстиранного белья.

— Не спеши.

— Ты послан мне Богом!

Я люблю Лидию во всех ее проявлениях. До рождения Пенни она собиралась закончить школу с отличием и поступить в колледж. Хотела изучать политику, архитектуру и историю музыки. Хотела съездить в Буэнос-Айрес и Испанию, Германию и Колумбию. Но потом познакомилась с Кристианом, забеременела и нашла счастье в своем новом мире.

Раньше Лидия была девушкой, которая каждый четверг после школы выпрямляла волосы, всегда сияла безо всякого макияжа и любила влезать в кадр к незнакомцам и корчить дурацкие рожи. Сейчас у нее прическа, которую она называет «пятьдесят на пятьдесят»: пятьдесят процентов красоты, пятьдесят процентов львиной гривы, а еще она отбраковывает все фотки, прежде чем загрузить их в сеть, потому что считает, что выглядит на них слишком изможденной. А мне кажется, моя лучшая подружка стала сиять еще ярче, потому что с ней произошли мощные изменения. Такая эволюция не всем по силам. А она прошла ее в одиночку.

Закончив убирать игрушки, я сажусь на пол рядом с Пенни и наблюдаю, как она пускает слюни, когда кто-то из героев мультика задает ей вопрос. У Пенни все только начинается. А ведь однажды она тоже окажется в конце пути, когда ей позвонят из Отдела Смерти. И я думаю: как же погано, что все мы рождаемся и растем, чтобы умереть. Да, все мы живем или по крайней мере имеем такую возможность, но иногда из-за страха делать это бывает совсем непросто.

— Пенни, я надеюсь, ты поймешь, как стать бессмертной, и будешь управлять этим миром столько, сколько захочешь.

Так для меня выглядит утопия: мир без насилия и трагедий, где все живут вечно или хотя бы до тех пор, пока, живя счастливой и наполненной жизнью, сами не решают, что пора бы отправиться на следующий этап.

Пенни отвечает мне на своем птичьем языке.

Из соседней комнаты выходит Лидия.

— Почему ты желаешь Пенни бессмертия и мирового господства, если она еще только учится говорить «один» по-испански?

— Потому что хочу, чтобы она жила вечно, само собой, — улыбаюсь я. — И сделала всех остальных своими приспешниками.

Лидия вскидывает брови. Потом наклоняется, поднимает с пола Пенни и протягивает ее мне.

— Даю Пенни за твои мысли. — Мы оба морщимся от неудачной шутки. — Эта фраза никогда не будет смешной, да? Я продолжаю ее повторять в надежде, что в этот раз сработает, но нет.

— Может, в следующий раз, — говорю я.

— На самом деле можешь не делиться со мной мыслями. Если хочешь, забирай Пенни просто так, забесплатно. — Она переворачивает Пенни лицом к себе, целует ее глазки и щекочет под мышками. — Мамочка имеет в виду, что ты бесценна, малышка Пенни. — После чего вполголоса добавляет: — Самая дорогущая из всех бесценных малышек в мире. — Лидия сажает Пенни обратно к телевизору и продолжает уборку.

Мои отношения с Лидией отличаются от тех, что показывают в кино, или от тех, что обычно

бывают между друзьями. Мы до смерти друг друга любим, но не говорим об этом. Все и так понятно. Разговоры часто выходят неуклюжими, даже если вы знакомы уже восемь лет. Но сегодня мне придется сказать больше чем обычно.

Я поднимаю упавшую рамку с фотографией Лидии и Кристиана.

— Знаешь, Кристиан страшно бы тобой гордился. Ты — шанс Пенни стать счастливой в мире, полном дешевых обещаний и нулевых гарантий. В мире, который не всегда вознаграждает тех, кто ни разу не ошибался. В том смысле, что мир способен изгадить жизнь хорошему человеку так же легко, как и не совсем хорошему, но ты все равно бескорыстно посвящаешь кому-то все свои дни без остатка. Не все запрограммированы так, как ты.

Лидия перестает подметать пол.

— Матео, с чего вдруг вся эта внезапная лесть? Что происходит?

Я несу бутылку сока к раковине.

— Все в порядке. — И будет в порядке. Все у нее будет хорошо. — Наверное, я скоро пойду. Подустал.

Я не обманываю ее.

Лидия напряженно моргает.

— Прежде чем уйдешь, помоги мне, пожалуйста, еще кое с чем, ладно?

Мы молча доделываем дела в гостиной. Лидия соскребает овсянку с подушки, я протираю пыль с кондиционера. Лидия собирает чашки, я расставляю всю обувь Пенни в ряд около двери. Лидия складывает белье и поглядывает на меня, я складываю стопкой несколько коробок из-под подгузников.

— Ты не мог бы вынести мусор? — спрашивает она, и ее голос немного дрожит. — А потом помоги, пожалуйста, собрать детский книжный шкафчик, который вы с отцом подарили Пенни.

— Хорошо.

Кажется, она о чем-то догадалась.

Когда она выходит из комнаты, я кладу конверт с наличными на кухонную стойку.

Вынимая мешок из мусорного ведра, я уже знаю, что не смогу вернуться. Я выхожу на лестничную площадку и выбрасываю мешок в мусоропровод. Если сейчас вернусь, то уже не смогу уйти. А если не уйду, то умру в этой квартире, вероятно, прямо на глазах у Пенни. А ведь я не хочу, чтобы обо мне у нее остались такие воспоминания. Что ни говори, у Руфуса правильный и осмысленный подход.

Я вынимаю из кармана телефон и блокирую номер Лидии, чтобы она не могла мне позвонить или написать сообщение с просьбой вернуться.

Меня подташнивает, голова немного кружится. Я медленно спускаюсь вниз, надеясь на понимание Лидии, но ненависть к самому себе становится такой оглушительной, что я ускоряюсь и вот уже со всех ног несусь вниз по лестнице…

РУФУС

06:48

Кто там ставил десять долларов на то, что в свой Последний день я полезу в инстаграм? Откликнись, ты стал на десять баксов богаче.

Плутонцы так и не ответили ни на одно мое сообщение и ни на один звонок. Я не схожу с ума от беспокойства, потому что они не Обреченные, но твою ж мать, неужели никто из них не соизволит хотя бы сообщить мне, на хвосте ли у меня еще копы? Ставлю на что угодно, они все просто уснули. Я и сам был бы не прочь, окажись сейчас передо мной кровать. Да и кресло с подлокотниками прокатило бы. Но точно не эта скамейка, на которой и сидя-то уместятся от силы двое. А отдыхать в позе эмбриона я точно не буду, это не про меня.

Я просматриваю ленту инстаграма, рассчитывая найти новый пост в аккаунте Малкольма (*@manthony012*), но в нем вот уже девять часов не появлялось ничего нового. Последним он запостил фото без фильтров, на котором запечатлена бутылка кока-колы с его именем на этикетке. В мировой войне пепси против колы он воюет на стороне пепси, только вчера он так обрадовался, когда увидел свое имя в холодильнике магазинчика на углу, что не смог устоять. И кофеин только подстегнул его перед дракой.

Хотя не стоит называть то, что произошло между нами с Пеком, дракой. У него даже не было возможности как следует замахнуться, так я его прижал.

Я набираю Эйми сообщение с извинениями (хотя делаю это не совсем от души, ведь этот ее маленький говнюк натравил на меня копов прямо посреди моих чертовых похорон), как вдруг с лестницы на опасной скорости сбегает Матео. Он пулей несется к выходу из подъезда, и я бегу вслед за ним. У него красные глаза, он тяжело дышит, как будто изо всех сил старается не расплакаться по-настоящему.

— Ты в порядке? — Очевидно, что нет, — тупо задавать такие вопросы.

— Нет. — Матео распахивает дверь. — Пойдем, пока Лидия за мной не погналась.

Я и сам не прочь поскорей отсюда двинуть, поверьте, но играть в молчанку не собираюсь. Я иду за Матео и качу рядом велик.

— Ну давай, сбрось груз с души. Не будешь же ты весь день его таскать.

— Да нет у меня никакого всего дня! — орет Матео, как будто его только сейчас по-настоящему вывело из себя, что его не станет на свете в восемнадцать лет. Оказывается, внутри у него полыхает пожар. Он останавливается у обочины и садится на бордюр в полном отчаянии. Может, он ждет, что какая-нибудь машина сейчас разом избавит его от страданий.

Подножку от велика — вниз, Матео — вверх. Я просовываю руки ему под мышки и поднимаю его. Мы уходим от обочины дороги, прислоняемся к стене, и Матео дрожит. Он в самом деле не хочет быть на улице, и, когда он сползает по стене на землю, я следую его примеру. Матео снимает очки и утыкается головой в колени.

— Слушай, сейчас не будет пылкой речи. У меня нет никаких заготовок, и вообще я не такой

человек. — Я сделаю кое-что получше. — Но я знаю, в каком ты сейчас отчаянии, чувак. К счастью, у тебя есть выбор. Если ты захочешь вернуться к папе или к подруге, я не стану тебя останавливать. Если захочешь отделаться от меня, не стану преследовать. Это твой Последний день, блин, проживи его так, как сам хочешь. А если тебе нужна помощь, чтобы его прожить, то я рядом.

Матео поднимает голову и косится на меня.

— По-моему, довольно пылкая речь.

— Да. Виноват. — Мне он больше нравится в очках, но и без них он выглядит хорошо. — Чем хочешь заняться? — Если он свалит, я отнесусь к его решению с уважением и начну продумывать свой следующий шаг. Надо проверить, что там с плутонцами, но возвращаться в интернат нельзя: нет уверенности, что за зданием не установили слежку.

— Я хочу идти дальше, — говорит Матео.

— Верное решение.

Он снова надевает очки, и, если вам захочется провести какую-то аналогию с тем, что теперь он смотрит на мир новыми глазами, — то флаг вам в руки. А я просто испытываю облегчение, что в этот день не останусь один.

— Прости, что наорал на тебя, — говорит Матео. — Я все еще считаю, что уйти не попрощавшись было правильным решением, пускай я и буду сожалеть об этом весь сегодняшний день.

— Я со своими друзьями тоже попрощаться не успел, — говорю я.

— Что там случилось на твоих похоронах?

Я все время говорю о честности и призываю его снять груз с души, а сам не то чтобы очень с ним откровенен.

— Их прервали. И я так до сих пор и не смог связаться со своими друзьями. Надеюсь, они все-таки появятся до того как… — Мимо проезжает машина. Я хрущу суставами пальцев. — Просто я хочу, чтобы они знали, что я в порядке. Чтобы не гадали, жив я или нет. Но не могу же я им слать сообщения до тех пор, пока неизбежное наконец не случится.

— Создай себе профиль на форуме «Обратный отсчет», — предлагает Матео. — Я столько историй там перечитал, что могу помочь тебе разобраться.

В этом я не сомневаюсь. Хотя, если руководствоваться такой логикой, я уже должен быть королем секса, столько порнухи пересмотрел.

— Не, это все не для меня. Я даже к тамблеру и твиттеру так до сих пор и не привык. Только к инстаграму. Увлекся тут недавно фотографией, пару месяцев как. Инстаграм — это кайф.

— Можно посмотреть твой аккаунт?

— Конечно.

Я отдаю Матео свой телефон.

Профиль у меня открытый, потому что мне в принципе все равно, кто из незнакомых мне людей на него наткнется. Но смотреть, как незнакомый человек просматривает твои фото, — как-то странно. Я чувствую себя обнаженным, как будто только что вышел из душа, а кто-то смотрит, как я оборачиваю задницу полотенцем. Мои самые первые фотки из-за плохого света выглядят довольно непрофессионально, но редактировать их я не могу, и это, наверное, к лучшему.

— Почему они все черно-белые? — спрашивает Матео.

— Я завел аккаунт через несколько дней после того, как переехал в интернат. Мой кореш Малкольм сфотографировал меня… Вот фотка… — Я подвигаюсь ближе к Матео и прокручиваю страницу в самый низ, к моим первым фотографиям. Полсекунды перед этим я стесняюсь грязи под своими ногтями, но потом забиваю. Я кликаю по фотке, где сижу на кровати в Плутоне, закрыв лицо руками. Малкольм указан как автор этого кадра. — Это моя третья или четвертая ночь в семейном интернате. Мы играли в настольные игры, но в голове у меня все взрывалось от чувства вины за то, что я вполне сносно провожу время… Не, вру. Я офигенно проводил время. И от этого становилось только больнее. Я ушел, не сказав никому ни слова, и Малкольм пошел за мной, потому что меня слишком долго не было. И сфоткал мой нервный срыв.

— Зачем? — спрашивает Матео.

— Сказал, что любит отслеживать рост человека, причем не только физический. Он очень к себе строг, но в то же время умен как черт. — Кстати сказать, когда Малкольм впервые показал мне это фото спустя неделю, я пнул его по гигантской коленке. Сталкер. — Я делаю черно-белые фотографии, потому что после смерти сестры и родителей моя жизнь утратила цвет.

— И ты живешь, ни на миг о них не забывая? — спрашивает Матео.

— Точно.

— Я думал, люди регистрируются в инстаграме, просто чтобы быть в инстаграме.

— Такой вот я старомодный, — пожимаю плечами я.

— Твои фотки и правда в стиле старой школы, — кивает Матео. Он меняет позу и смотрит мне прямо в глаза. Потом улыбается, впервые за все время нашего знакомства, и — блин — это совсем не лицо Обреченного. — Тебе не нужен «Обратный отсчет». Пость все прямо здесь. Можешь еще создать какой-нибудь хештег или типа того. Но, по-моему, тебе лучше публиковать свою жизнь в цвете… Пусть плутонцы запомнят тебя именно так. — Улыбка сходит с его лица (такой уж сегодня день). — Забудь. Это тупо.

— Ничего не тупо, — говорю я. — На самом деле классная идея. Плутонцы будут заходить сюда и вспоминать черно-белые кадры из нашей с ними совместной жизни. Это как учебник истории, только круче. А мой Последний день будет контрастировать с остальными фотографиями и останется без фильтров. Можешь сфоткать, как я тут сижу? Если вдруг это будет мое последнее обновление в инстаграме, я хочу, чтобы все видели меня живым.

Матео снова улыбается, как будто позирует он, а не я.

Topreading.ru

Затем встает и направляет на меня камеру.

Я не позирую. Я просто сижу, прислонившись спиной к стене, в том самом месте, где убедил своего Последнего друга продолжить приключения и где он подсказал мне, как напоследок оживить мой аккаунт. Я даже не улыбаюсь. Я никогда не любил улыбаться, и начинать сейчас уже как-то странно. Не хочу, чтобы на фото друзья увидели незнакомого человека.

— Готово, — говорит Матео и протягивает мне телефон. — Если не понравится, пересниму.

Мне в принципе все равно — я не настолько от себя без ума, чтобы одобрять или отбраковывать свои же фотки. Но кадр, который сделал Матео, на удивление крут. Ему удалось поймать выражение моего лица — одновременно печальное и гордое. Такое было у моих родителей, когда Оливия выпускалась из школы. И даже переднее колесо моего велика получило камео.

— Спасибо, чувак.

Я загружаю фото без всяких фильтров. Думаю, не поставить ли хештег #последнийдень, но мне не нужны комментарии, полные фальшивого сочувствия типа: «О нет, покойся с миром!!!» или реакции всяких троллей вроде: «Мир паху твоему!!!» Самые дорогие мне люди и так все знают.

И я надеюсь, они помнят меня таким, какой я есть, а не тем парнем, который без веских на то причин бил кому-то морду.

ПАТРИК «ПЕК» ГЭВИН

07:08

Патрику «Пеку» Гэвину не звонили из Отдела Смерти, потому что он сегодня не умрет, хотя сам он ожидал звонка как раз перед тем, как позвонили его обидчику.

Сейчас он сидит дома, прижимая замороженную говяжью котлету к синякам. Котлета воняет, зато головная боль постепенно сходит на нет.

Не надо было Пеку бросать Эйми одну на улице, но она не хотела его видеть, да и он не то чтобы был очень ею доволен. Он позвонил ей со своего старого мобильника, но спор длился ровно до тех пор, пока она не вырубилась от усталости. И как же сложно было не бросить трубку, когда она сказала, что хочет попытаться снова найти Руфуса и провести с ним его Последний день.

С людьми вроде Руфуса Пек привык обходиться в соответствии с кодексом.

Кодексом, который вступает в силу, когда кто-то пытается вытереть об тебя ноги.

Пеку придется многое отложить на завтра. Но, Руфус, не жди добра, если Пек проснется, а ты все еще жив.

РУФУС

07:12

Телефон у меня в кармане вибрирует, и я готов поспорить, что это плутонцы, но надежда разбивается вдребезги, когда вслед за вибрацией я слышу звонок другого телефона. Матео проверяет свой смартфон, и оказывается, что нам пришло одно и то же оповещение. Еще одно сообщение, которое мы оба сегодня получаем: офис «Жизнь в моменте» — 1,2 мили от вас.

Я громко цыкаю.

— Это что еще за фигня?

— Никогда о них не слышал? — спрашивает Матео. — Они открылись прошлой осенью.

— Нет. — Я вполуха слушаю Матео, а про себя поражаюсь тому, что плутонцы так мне и не звонят.

— Это что-то вроде фонда «Загадай желание», — поясняет Матео. — Но для всех Обреченных, а не только для детей. У них там такая дешевая техника, которая создает виртуальную реальность и дает возможность Обреченным в безопасном режиме испытать те же чувства, что возникают у человека во время прыжков с парашютом или езды на гоночных авто.

— Типа содрали идею у фонда «Загадай желание» и упростили ее донельзя, так что ли?

— Мне кажется, там все не так уж плохо, — пожимает плечами Матео.

Я снова проверяю телефон на предмет пропущенных сообщений и, ступив на проезжую часть, натыкаюсь грудью на руку Матео.

Я смотрю вправо. Он смотрит вправо. Я смотрю влево. Он смотрит влево.

Машин нет. На улице глухо как в танке.

— Я знаю, как переходить улицу, — замечаю я. — Я типа всю жизнь это делал.

— Ты смотрел в телефон, — говорит Матео.

— Я знал, что машин нет, — объясняю я. Дорогу я перехожу инстинктивно. Если машин нет, можно идти. Если в поле зрения появляются машины, идти нельзя — или можно, но очень быстро.

— Прости, — вздыхает Матео. — Я просто не хочу, чтобы этот день заканчивался.

Он на грани, я понимаю. Но в какой-то миг ему придется спрыгнуть.

— Понимаю. Но с обычной ходьбой я справлюсь.

Переходя следующую пустую дорогу, я снова смотрю направо и налево. Если кто и должен нервничать, так это парень, который своими глазами видел, как машина со всей его семьей тонет в реке. На самом деле я так и не пережил это горе полностью и не могу даже помыслить, что в ближайшие несколько лет сяду в салон автомобиля. А вот Малкольм, к примеру,

Topreading.ru

ковыряется в камине даже при том, что его семья сгорела заживо. Во мне нет столько мужества. И в то же время я не верчу головой слева направо и справа налево, как это делает Матео, пока мы не перейдем через дорогу, будто есть почти стопроцентная вероятность, что какая-нибудь машина выскочит из ниоткуда и в полсекунды нас переедет.

У Матео звонит телефон.

— Чуваки из «Жизнь в моменте» обзванивают потенциальных клиентов? — спрашиваю я.

Матео качает головой.

— Это Лидия звонит с телефона бабушки. Мне…

Он не берет трубку и прячет телефон обратно в карман.

— Хитро придумала, — говорю я. — Ну, по крайней мере она пытается с тобой связаться. От моих вот ни хрена не слышно.

— Попробуй еще раз.

Почему бы и нет? Я паркую велик у стены и звоню Малкольму и Тэго по фейстайму. Бесполезно. Потом набираю Эйми, и только я собираюсь повесить трубку и разослать всем плутонцам фото своего среднего пальца, как Эйми отвечает на видеозвонок. Она учащенно дышит, глаза бегают, волосы прилипли ко лбу. Она дома.

— Я вырубилась, — выдыхает Эйми и качает головой. — Сколько времени…Ты жив… Ты… — Она на миг отводит взгляд и, похоже, начинает рассматривать кусочек лица Матео. Потом наклоняется поближе к камере, будто это окно, в которое она может заглянуть и внимательнее нас рассмотреть. Я так делал, когда мне было тринадцать: пролистывая журналы, искал фото девушек и парней с голыми ногами, а потом менял угол наклона страницы, чтобы посмотреть, что там у них под юбками и шортами. — Кто это там?

— Это Матео, — говорю я. — Мой Последний друг. — Матео машет в ответ. — А это моя подруга Эйми. — Я не упоминаю, что именно эта девушка растоптала мое сердце, ведь не хочу же я, чтобы кто-то здесь испытывал неловкость. — Я тебе названивал.

— Прости. После твоего ухода началось полное безумие. — Эйми трет глаза кулаком. — Я добралась до дома пару часов назад, телефон умер, я поставила его на зарядку, но уснула раньше, чем он ожил.

— Что там стряслось?

— Малкольма и Тэго арестовали. Они пререкались с полицейскими, и Пек их сдал, потому что они оба вчера тебя сопровождали.

Я мгновенно отхожу от Матео и велю ему стоять на месте. По его лицу заметно, что он напуган. Придется распрощаться с надеждой на то, что дерьмовость своей натуры я унесу в могилу.

— Как они? В каком участке?

— Не знаю, Руф, но уверена, что искать их тебе не стоит, если ты, конечно, не хочешь провести последний день своей жизни в обезьяннике, где случиться может черт знает что.

— Вот дерьмо. Они же ничего не делали! — Я вскидываю руку, сжатую в кулак, и собираюсь ударить по стеклу стоящего рядом авто, но вовремя спохватываюсь: это не я. Клянусь, я не такой. Я не шляюсь ночами черт знает где, разбивая стекла и физиономии. С Пеком я оступился, не более. — А что там с Пеком?

— Он плелся за мной до дома, но я не хотела с ним разговаривать.

— Ты же с ним порвала, да?

Эйми не отвечает.

Если бы мы болтали без видеосвязи, я бы так не расстроился, поскольку не видел бы ее лица. Можно было бы представить себе, как она кивает, готовясь с ним порвать, если еще не сделала этого. Но вижу я нечто совершенно иное.

— Все сложно, — вздыхает Эйми.

— Вот знаешь, Эймс, когда ты меня бросала, тебе ничего не казалось слишком сложным или запутанным. Это меня реально злит, но трудно представить себе удар по яйцам сильнее, чем то, как ты отвернулась от плутонцев ради какого-то понтореза, который помог их закрыть. Мы все были так близки… Меня скоро вообще не станет, а ты говоришь мне в лицо, что этот мудак по-прежнему что-то для тебя значит? — Хрен с ним, с моим растоптанным сердцем. Эта девчонка и собственное сердце сто лет как вырвала из груди. — Ребята ведь ни в чем не виноваты.

— Руфус, но ты ведь понимаешь, что совсем невиновными их назвать нельзя, так?

— Ладно, пока. Пойду к своему настоящему другу.

Эйми умоляет меня не вешать трубку, но я все равно сбрасываю звонок. Не могу поверить, что мои кореша из-за моей же тупости оказались за решеткой. И что Эйми не сказала мне об этом раньше.

Я поворачиваюсь, чтобы все рассказать Матео, но его нет.

ЭЙМИ ДЮБУА

07:18

Эйми отчаивается и прекращает набирать номер Руфуса. Есть три возможных объяснения, почему он не берет трубку. Вот они в порядке убывания надежды и нарастания ужаса.

Он ее игнорирует, но перезвонит позже.

Он заблокировал ее номер и не хочет иметь с ней ничего общего.

Он мертв.

Эйми заходит на страничку Руфуса в инстаграме и оставляет под фотографиями комментарии с просьбой перезвонить ей. Заряжает телефон, включает звук на полную и переодевается в

старую футболку Руфуса и свои шорты.

С тех пор как Эйми попала в Плутон, она стала больше заниматься спортом. Когда она в самый первый раз пробралась в комнату опекунов, чтобы стянуть что-нибудь у Фрэнсиса, который не слишком радушно ее принял, она заметила у кровати гантели Дженн Лори и решила дать им шанс. Родители Эйми, оказавшиеся в тюрьме за ограбление семейного кинотеатра, только поощряли ее тягу к клептомании, но она обнаружила, что, работая над собой, чувствует себя гораздо сильнее, чем обкрадывая других.

Эйми уже скучает по пробежкам с Руфусом, когда он едет рядом с ней на велосипеде.

И постоянно вспоминает те времена, когда научила его по-человечески отжиматься.

А еще не имеет ни малейшего представления о том, что будет дальше.

МАТЕО

07:22

Я бегу по улице все дальше и дальше от Руфуса.

У меня нет Последнего друга, но, может быть, для человека, который прожил свою жизнь по сути один, нет ничего плохого в том, чтобы умереть в одиночестве.

Я не знаю, в чем замешан Руфус и что привело к аресту его друзей. Может, он надеялся использовать меня в качестве алиби. Но я сбежал.

Я останавливаюсь, чтобы отдышаться. Присаживаюсь на крыльцо детского сада и прижимаю ладонь к ноющей грудной клетке.

Наверное, стоит вернуться домой и поиграть в компьютер. Написать еще несколько писем. Я даже жалею, что мне больше не надо ходить в школу и посещать занятия мистера Калампуки, он всегда был ко мне внимателен. Хотя лабораторные по химии в одном кабинете с ребятами, которые вечно эсэмэсят и одновременно смешивают реактивы, вселяли в меня ужас даже прошлой осенью, когда мой Последний день был еще далек.

— МАТЕО!

Руфус едет за мной на велосипеде, на руле болтается его шлем. Я поднимаюсь и снова бросаюсь прочь, но это бесполезно. Руфус подъезжает ко мне, перекидывает левую ногу и соскакивает с велосипеда. Велосипед падает на землю, а Руфус хватает меня за руку. Он смотрит мне прямо в глаза, и я вдруг понимаю, что он не злится, а просто напуган, и тогда я отчетливо осознаю, что он не станет причиной моей смерти.

— Ты чокнулся? — спрашивает он. — По идее, мы не должны друг друга бросать.

— По идее, ты не должен быть мне совершенно чужим, — говорю я. Мы провели вместе уже несколько часов. Я сидел с ним в его любимом кафе, где он рассказал мне, кем хотел бы стать, если бы у него было будущее. — А ты, судя по всему, скрываешься от полиции, но при этом ни разу об этом не упомянул.

— Я не уверен, что полиция на самом деле меня ищет, — говорит Руфус. — Наверное, они уже знают, что я Обреченный, и вообще я же не банк ограбил, так что вряд ли они бросили все силы на мои поиски.

— А что ты сделал?

Руфус отпускает меня и оглядывается.

— Пойдем куда-нибудь и там поговорим. Я расскажу тебе всю историю от начала до конца. О несчастном случае, который убил мою семью, и о глупости, которую я натворил ночью. Больше никаких секретов.

— Иди за мной.

Я выбираю место. Я почти доверяю ему, но до тех пор, пока мне не будет известно все до конца, я не хочу снова оставаться с Руфусом наедине.

Мы молча идем в Центральный парк, по дороге минуя других ранних пташек. Вокруг достаточно велосипедистов и любителей утренних пробежек, а потому я чувствую себя в безопасности, особенно теперь, когда Руфус держится от меня поодаль и шагает по газону, на котором маленький золотистый ретривер гоняется за своим хозяином. Пес напоминает мне об истории с «Обратного отсчета», которую я читал, когда мне поступило предупреждение, хотя скорее всего это совсем другая собака.

Я продолжаю молчать, потому что хочу, чтобы мы нашли укромное место, где Руфус все мне объяснит, но чем глубже мы заходим в парк, тем спокойнее я становлюсь, особенно когда мы натыкаемся на бронзовую скульптуру героев «Алисы в Стране чудес» — и все благодаря чистому волшебству обстановки. Когда я приближаюсь к фигурам Алисы, Белого Кролика и Безумного Шляпника, под моими ногами хрустит темно-зеленая листва.

— Сколько они уже здесь стоят? — Мне неловко спрашивать. Уверен, памятник этот уже не новый.

— Не знаю. Примерно вечность, — пожимает плечами Руфус. — Никогда их не видел?

— Нет. — Я рассматриваю Алису, которая сидит на огромном грибе.

— Ого. Ты как турист в своем родном городе.

— С той лишь разницей, что туристы знают о моем городе больше меня, — говорю я. Это совершенно неожиданная находка. Мы с папой предпочитаем парк Алтеа, но и в Центральном парке проводили кучу времени. Папа любит фестиваль «Шекспир в парке». Я не большой фанат театральных представлений, но на одну пьесу с ним ходил, и мне понравилось, потому что сцена напомнила мне колизей из моих любимых фэнтези-книг и бои римских гладиаторов, которые я видел в фильмах. Как жаль, что я не обнаружил этот уголок Зазеркалья еще в детстве, когда мог бы залезать на шляпку гриба, садиться рядом с Алисой и представлять, какие приключения ждут меня самого.

— Зато ты нашел этот памятник сегодня, — говорит Руфус. — Уже победа.

— Ты прав. — Я все еще поражен, что он всегда был здесь, потому что, думая о парках, мы представляем себе деревья, фонтаны, пруды и детские площадки. Ну разве не прекрасно, что

парк может так удивить и вселить надежду, словно и я еще способен удивить мир?

Однако далеко не все сюрпризы бывают приятными.

Я сажусь на шляпку гриба рядом с Белым Кроликом, а Руфус — рядом с Безумным Шляпником. В его молчании слышится неловкость, подобная той, что наступала на уроках истории, когда мы обсуждали важные события, происходившие в мире до появления Отдела Смерти (до ОС). Мой учитель мистер Поланд обычно говорил, что «нам крупно повезло», что мы можем пользоваться услугами этой организации. Он задавал рефераты по переосмыслению периодов массовых смертей (эпидемий бубонной чумы, мировых войн, 11 сентября и тому подобного), хотел, чтобы мы вообразили, как люди повели бы себя, если бы Отдел Смерти тогда существовал. Подобные задания, не скрою, внушали мне чувство вины за то, что я вырос во времена, когда технологии так сильно меняют жизнь людей. Это примерно то же самое, что современные лекарства, лечащие болезни, от которых умирали в прошлом.

— Ты же никого не убил? — спрашиваю я наконец. Только один ответ заставит меня остаться. Второй вынудит позвонить в полицию, чтобы Руфуса задержали прежде, чем он убьет кого-то еще.

— *Конечно нет.*

Я установил такую высокую планку, что ему не так-то сложно под ней уместиться.

— Тогда что ты сделал?

— Я напал на одного парня, — говорит Руфус. Он не отрываясь смотрит прямо перед собой на велосипед, припаркованный у дорожки. — На нового парня Эйми. Он болтал обо мне всякую фигню, и меня это жутко выбесило. Я чувствовал, что во многих смыслах моя жизнь окончена. Чувствовал себя ненужным, потерянным и ужасно злился. Надо было на ком-то выместить все эти чувства. Но я не такой. Это просто был глюк.

Я ему верю. Он не какой-нибудь монстр. Монстры не приходят к тебе домой, чтобы помочь; они загоняют тебя в ловушку и сжирают заживо.

— Людям свойственно ошибаться, — замечаю я.

— А расплачиваются сейчас мои друзья, — вздыхает Руфус. — Их последним воспоминанием обо мне будет, как я сбегаю с собственных похорон через заднюю дверь, потому что за мной явились копы. Я их бросил… Последние четыре месяца, после смерти моей семьи, я чувствовал себя покинутым всеми и вся, и вот, не моргнув и глазом, я сделал ровно то же самое со своей новой семьей.

— Можешь не рассказывать мне об аварии, если не хочешь, — говорю я. Он и так чувствует себя виноватым. И если уж бездомный не должен делиться своей историей, чтобы я рассудил, заслуживает ли он милостыню, то и Руфусу нет необходимости плясать с бубном, чтобы я продолжил ему доверять.

— Не хочу, — вздыхает Руфус. — Но придется.

РУФУС

07:53

Мне повезло, что у меня появился Последний друг, особенно теперь, когда мои лучшие друзья за решеткой, а бывшая девушка в черном списке. Так у меня есть возможность рассказать кому-то о своих родных и еще ненадолго продлить им жизнь.

Небо затягивают облака, в лицо дует сильный ветер, но дождя пока нет.

— Моих родителей разбудило предупреждение Отдела Смерти десятого мая. — Я уже опустошен. — Мы с Оливией играли в карты, когда услышали звонок, и сразу побежали к родителям в комнату. Мама разговаривала по телефону и пыталась держать себя в руках, а отец расхаживал по комнате, костерил Отдел Смерти по-испански и плакал. Я тогда впервые увидел, как он плачет. — Как это было жестко. Он никогда особо не был мачо, но я всегда считал, что мужские слезы — это для тряпок. И как же, блин, тупо так думать. — Потом глашатай Отдела Смерти попросил к телефону папу, и мама тут же сломалась. Тогда я подумал, что это кошмар наяву или типа того. Нет ничего страшнее, чем видеть, как сходят с ума родители. Я паниковал, но знал при этом, что у меня останется Оливия. — Я не должен был остаться один. — Потом Отдел Смерти попросил к телефону Оливию, и папа швырнул трубку через всю комнату. — Видимо, швырять телефоны об стену — это у нас генетическое.

Матео хочет что-то спросить, но замолкает.

— Спрашивай.

— Неважно, — отмахивается он. — Это неважно. Ну то есть мне было интересно: боялся ли ты в тот день, что тоже попал в список Обреченных, но просто об этом не узнал? Ты проверил базу данных онлайн?

Я киваю. Есть такой сайт www.death-cast.com. Когда я вбил номер страхового полиса и не нашел своего имени в базе, я испытал странное облегчение.

— Казалось неправильным, что моя семья умрет без меня. Черт, звучит так, как будто меня не взяли с собой в семейный отпуск, но их Последний день я провел, уже по ним скучая. А Оливия вообще едва на меня смотрела.

Я ее понимал. Я не был виноват в том, что продолжу жить, а она — в том, что умрет.

— Вы с ней были близки?

— Да капец. Она была на год старше. Родители копили деньги, чтобы мы с ней осенью поступили в Антиохский университет в Калифорнии. Оливия даже получила стипендию, которая частично покрывала обучение, но временно задержалась дома, решила пока поучиться в местном двухгодичном колледже. Так нам не пришлось бы разлучаться и она дождалась бы меня. — Мне сейчас так же тяжело дышать, как тогда, когда я набросился на Пека. Родители пытались убедить Оливию поехать в Лос-Анджелес сразу, а не сидеть в городском техникуме, который она терпеть не могла, но она отказалась. Каждое утро, день и вечер, каждый миг я думаю о том, что она была бы жива, если бы их послушалась. Она просто хотела и дальше жить вместе. — Оливия — первая, кому я рассказал о своей ориентации.

— А-а.

Не пойму, он пытается изобразить удивление и сделать вид, что не прочитал этой детали в моем профиле, или его глубоко поразил сам факт моего признания сестре? Или, может, он вообще не заметил этой мелочи на моей страничке, а сам из тех ослов, которых заботит, кого целуют другие? Надеюсь, он не такой. Теперь мы друзья, в этом нет сомнений, и дружбу нам никто не навязал. Я встретился с этим парнем несколько часов назад, потому что какой-то талантливый разработчик придумал приложение, помогающее незнакомцам стать ближе. И я не хотел бы потерять эту связь.

— Что «а-а»?

— Ничего. Честно.

— Можно кое о чем тебя спросить? — Расставим-ка мы точки над i раз и навсегда.

— А родителям ты в итоге признался? — перебивает меня Матео.

Задает вопрос, пытаясь избежать вопроса. Классика.

— В наш последний день вместе, да. Дальше откладывать было некуда. — Мама с папой никогда не обнимали меня так, как в свой Последний день. Я на самом деле горд собой, что признался, это был для нас важный момент. — Мама очень расстроилась, что не сможет познакомиться с невесткой — или зятем. Но я все равно чувствовал себя немного неловко, поэтому просто рассмеялся и спросил Оливию, чем она хочет сегодня всем вместе заняться, надеясь, что за это она будет меньше меня ненавидеть. А родители хотели, чтобы я держался от них подальше.

— Они просто за тебя переживали, да?

— Да, но я хотел провести с ними все время до последней минуты, даже если это означало, что они умрут у меня на глазах и со мной навсегда останутся воспоминания об их смерти, — говорю я. — Я, конечно, ни черта не смыслил. — Мой идиотизм тоже тогда умер.

— И что же случилось? — спрашивает Матео.

— Тебе не стоит знать подробности, — говорю я. — Наверное, без них будет легче.

— Если тебе приходится носить этот груз, то и я буду.

— Ну как знаешь.

И я рассказываю ему все. Как Оливия захотела в последний раз съездить в коттедж недалеко от Олбани, где мы всегда праздновали ее день рождения. Дорога оказалась скользкой, и наша машина вылетела прямо в Гудзон. Я сел на переднее пассажирское рядом с папой, потому что посчитал, что наши шансы пережить лобовое столкновение возрастут, если впереди будут сидеть не оба моих родителя. Это не помогло.

— Ничего нового, та же песня — другие слова, — говорю я Матео.

А потом перехожу к рассказу о визге шин, о том, как мы протаранили защитное ограждение и упали в воду…

— Иногда я забываю их голоса. — Прошло всего четыре месяца, но это факт. — Они смешиваются с голосами окружающих меня людей, но их крики я узнал бы где и когда угодно.

— При одной мысли о них у меня по рукам бегут мурашки.

— Можешь не продолжать, Руфус. Прости меня, зря я вообще вынудил тебя это рассказать.

Матео знает, чем все кончилось, но я еще не все рассказал. Я замолкаю, потому что он знает основное, а у меня уже слезы стоят в глазах. Нужно собраться, а то, чего доброго, напугаю Матео. Он кладет руку мне на плечо, гладит меня по спине, и я невольно вспоминаю всех тех взрослых, которые пытались меня утешить эсэмэсками или сообщениями на фейсбуке, но не могли подобрать слов, потому что никогда никого не теряли.

— Все нормально, — добавляет он. — Можем поговорить о чем-то другом, например… — Матео окидывает взглядом окружающий нас парк. — О птицах, заброшенных домах и…

Я выпрямляюсь.

— В принципе, я уже и так все рассказал. В конечном счете судьба свела меня с Малкольмом, Тэго и Эйми. Мы стали плутонцами, и это была именно та компания, в которой я нуждался. Мы все потерялись и были не против, что какое-то время нас никто не находил. — Я вытираю глаза кулаком и подвигаюсь к Матео. — А теперь тебе придется торчать со мной до самого конца. Только больше не убегай, а то тебя похитят и ты, чего доброго, вдохновишь кого-нибудь на сценарий для дерьмового триллера.

— Никуда я не уйду, — говорит Матео. У него добрая улыбка. — Что будем делать дальше?

— Давай что-нибудь повеселее.

— Может, посмотрим на «Жизнь в моменте»?

— Я думал, мы уже и так живем в моменте, но почему бы и нет.

МАТЕО

08:32

По пути в офис «Жизни в моменте» Руфус останавливается перед магазином спортивных товаров. В витрине виднеются постеры с изображением мужчины на велосипеде, девушки в горнолыжном снаряжении и парочки, бегущей плечом к плечу (у них голливудские улыбки и никакого пота).

Руфус показывает на девушку с лыжами.

— Я постоянно отправлял Оливии фото людей на лыжах. Мы каждый год ездили кататься на гору Виндхам. Ты решишь, что возвращаться туда из раза в раз было глупо с нашей стороны: папа во время самой первой поездки сломал нос, ударился об скалу. Поразительно, как он тогда не погиб, пускай из Отдела Смерти ему в тот день и не звонили. Через год мама в поездке растянула лодыжку. А два года назад я так спустился с горы, что заработал сотрясение мозга. У меня плохо получается тормозить, так что я чуть не сбил какого-то подростка и вынужден был в последнюю секунду резко вывернуть влево, из-за чего влетел в дерево, как долбаный персонаж из мультика.

Topreading.ru

— Ты прав, — говорю я. — Не понимаю, зачем вы туда возвращались.

— После того как меня положили с сотрясением в больницу, Оливия решительно отказалась продолжать эту традицию. Но мы все равно ездили в Виндхам при любой возможности, потому что любили горы, снег и настольные игры у камина в маленьком коттедже, — не останавливаясь продолжает Руфус. — Надеюсь, то место, куда мы идем, такое же безопасное и прикольное.

Несколько минут спустя мы доходим до офиса «Жизни в моменте». Руфус останавливается и фотографирует вход и голубой баннер, висящий над дверью: «Адреналин без риска!» Он загружает это фото в инстаграм в цвете.

— Смотри, — говорит он и протягивает мне телефон. На экране комментарии к предыдущей фотографии. — Люди спрашивают, почему я не сплю в такую рань.

Среди них и пара комментариев от Эйми, умоляющей его снять трубку.

— А что там с Эйми?

Он мотает головой.

— С меня хватит. Из-за ее парня Малкольм и Тэго сейчас сидят за решеткой за то, что сделал я. А она все еще с ним встречается. Нет в ней преданности.

— Это точно не из-за того, что у тебя к ней остались какие-то чувства?

— Точно, — отвечает Руфус и пристегивает велосипед к паркомату.

Неважно, правду он говорит или нет.

Я больше не задаю вопросов, и мы заходим внутрь.

Неожиданно, но это место чем-то похоже на турагентство. На полстены за стойкой регистрации раскинулся оранжевый закат, вторую половину заливает полночная синева; кругом висят фотографии в рамках. На них люди занимаются чем-то экстремальным, например альпинизмом или серфингом. Все это, полагаю, должно радовать глаз. За стойкой регистрации молодая темнокожая девушка чуть за двадцать, она что-то пишет в блокноте, но, увидев нас, немедленно откладывает ручку. На девушке желтая рубашка поло, на груди висит бейджик с именем. Дейрдре. Мне это имя знакомо, возможно, из какого-то фэнтези.

— Добро пожаловать в «Жизнь в моменте», — говорит Дейрдре не слишком весело, но и не слишком уныло. С правильной долей серьезности. Она даже не спрашивает, Обреченные ли мы. Девушка протягивает нам папку. — Если вы хотите подняться в небо на воздушном шаре или поплавать с акулами, то вам придется подождать полчаса, у нас очередь.

— Какого черта… — Руфус поворачивается ко мне, потом снова к Дейрдре. — Неужели кто-то всерьез жалеет, что ни разу в жизни не плавал с акулами?

— Это популярный аттракцион, — говорит Дейрдре. — Вы бы разве не хотели поплавать с акулами, зная, что они вас не укусят?

Руфус цыкает.

— Я с большими водоемами стараюсь дела не иметь.

Дейрдре кивает, как будто знает всю историю жизни Руфуса.

— Без проблем. Если появятся вопросы, не стесняйтесь.

Мы с Руфусом садимся и начинаем листать каталог. Помимо полетов на воздушном шаре и плавания с акулами нам предлагают прыжки с парашютом, вождение гоночных автомобилей, курс паркура, скоростной спуск по тросу, верховую езду, бейсджампинг, сплав по бурным рекам, дельтапланеризм, скало- и ледолазание, спуск с горы на велосипеде, виндсерфинг и кучу всего другого. Я задумался, расширится ли однажды этот бизнес в область вымышленного экстрима, например давая возможность убежать от дракона, побороться с Циклопом или прокатиться на волшебном ковре-самолете.

Но нас уже не будет, и нам этого не узнать.

Я пытаюсь выбросить эту мысль из головы.

— Хочешь, попробуем спуск с горы на велосипеде? — спрашиваю я. Он любит кататься, плюс в этом виде спорта никак не задействована вода.

— Не-а. Хочу попробовать что-нибудь новое. Как тебе прыжок с парашютом?

— Рискованно, — говорю я. — Расскажешь потом людям, каким я был, если тут все полетит к чертовой матери? — Меня совсем не удивит, если я умудрюсь погибнуть там, где гарантируют адреналин без малейшего риска.

— Договор.

Дейрдре протягивает нам форму добровольного отказа от претензий на шести страницах. Само по себе это не такая уж и редкость для организаций, обслуживающих Обреченных, и мы просматриваем форму разве что дежурно, потому что в случае возникновения какой-либо проблемы все равно не успеем никого засудить. Немыслимое множество безумных случайностей может произойти буквально в любую секунду. Каждая прожитая нами минута приравнивается к чуду.

У Руфуса корявая подпись. Я различаю только первые две буквы, а остальные теряются в кривых линиях, похожих на график сбыта какого-то товара на предприятии, продажи которого то растут, то падают.

— Ну вот. Я подписался под отказом от нытья в случае собственной смерти.

Дейрдре не смеется. Мы платим по двести сорок долларов каждый. Такую сумму вроде и не зазорно требовать с людей, чьи сберегательные счета в противном случае пойдут псу под хвост.

— Следуйте за мной.

Длинный коридор напоминает мне складское помещение у отца в мастерской, разве что из шкафчиков там не доносились визги и смех. А может, и доносились, просто я не слышал. (Шучу.) Здесь комнаты устроены как кабинки для караоке, только некоторые вдвое, а то и втрое больше в размерах. Пока мы идем по проходу, я заглядываю в каждое дверное окошко,

Topreading.ru

зигзагом подходя то к одной, то к другой стене. В каждой комнате я вижу Обреченных в больших очках. Некоторые сидят в симуляторах гоночных автомобилей, которые трясет из стороны в сторону, хотя ни по каким трекам они не несутся. Один Обреченный «лезет на гору», пока сотрудник «Жизни в моменте» в той же комнате сидит с телефоном и строчит сообщения. Влюбленные целуются в воздушном шаре, который парит на высоте чуть меньше двух метров над полом, а вовсе не в небе. Мужчина без специальных очков плачет, придерживая со спины смеющуюся девочку верхом на лошади, и сложно определить, кто из них Обреченный (может, даже оба, но мне становится так грустно, что я перестаю заглядывать в помещения).

Наша комната не очень велика, но оснащена огромными вентиляционными отверстиями, к стенам прислонены маты, а инструктор одета как летчик. Ее темные кудрявые волосы собраны сзади в пучок. Мы переодеваемся в одинаковые костюмы, навешиваем на себя все необходимое снаряжение и все трое становимся похожи на косплееров «Людей Икс». Руфус просит девушку (ее зовут Мэдлин) сфотографировать нас. Я не уверен, нужно ли мне его приобнимать, поэтому решаю последовать его примеру и просто кладу руки себе на талию.

— Сойдет? — спрашивает Мэдлин и показывает нам экран телефона.

Мы выглядим так, будто задумали что-то важное и серьезное, будто отказываемся умирать, пока не избавим мир от всех его изъянов.

— Супер, — говорит Руфус.

— Я могу еще пофотографировать, пока вы парите в воздухе!

— Было бы круто.

Мэдлин подробно объясняет нам механизм работы аттракциона. Мы наденем специальные очки, и начнется наше виртуальное приключение. Помещение будет играть отдельную роль, и его задача — создавать ощущение абсолютной реальности. Мэдлин пристегивает ремни у нас на спинах к поддерживающим крюкам, и мы забираемся по лестнице на платформу, которая напоминает трамплин, с той лишь разницей, что мы располагаемся меньше чем в двух метрах над полом.

— Когда будете готовы, нажмите кнопку на очках и прыгайте, — говорит Мэдлин и подтаскивает маты под наш трамплин. — Все будет в порядке. — Она включает мощную вентиляцию, и в комнату врываются шумные потоки ветра.

— Готов? — читаю я по губам Руфуса, который надевает очки.

Я тоже натягиваю свои на глаза и киваю. Нажимаю зеленую кнопку на очках. В тот же миг включается виртуальная реальность. Вот мы уже внутри самолета, одна дверца открыта, и трехмерный мужчина, подняв вверх большие пальцы, подбадривает нас и приглашает выпрыгнуть в открытое синее небо. Я боюсь скорее не выпрыгнуть из самолета, а сделать шаг в реальное открытое пространство передо мной. Могут, например, порваться ремни, хотя я и чувствую себя на сто процентов в безопасности.

Руфус несколько секунд кричит, делает шаг вперед в метре от меня и затихает.

Я снимаю очки, надеясь, что не увижу Руфуса на полу с переломанной шеей, но он парит, и его мотает из стороны в сторону потоками воздуха. Не стоило мне видеть Руфуса в таком виде, но мне необходимо было убедиться, что он в порядке, даже если мое собственное приключение

теперь немного подпорчено. Я все равно хочу испытать ту же радость, что испытал Руфус, поэтому натягиваю очки обратно, считаю «три, два, один» и прыгаю. Я становлюсь невесомым и обнимаю себя руками, как будто лечу с огромной горки, а не свободно падаю сквозь облака. Впрочем, сквозь облака я тоже не падаю. Я раскидываю руки, пытаясь ухватиться за края многочисленных облаков, как будто надеюсь схватить одно из них руками и скатать из него снежок.

Через пару минут волшебство рассеивается. Я вижу, как под нами появляется зеленое поле, и знаю, что должен чувствовать облегчение — все почти закончилось, я почти в безопасности, — но ведь никакой настоящей опасности по сути и не было. Адреналина нет. Все слишком надежно.

Это именно то, под чем я поставил свою подпись.

Виртуальный Матео приземляется одновременно со мной. Мои ноги мягко утыкаются в мат. Я натужно улыбаюсь Руфусу, который улыбается мне в ответ. Мы благодарим Мэдлин за помощь, снимаем снаряжение и выходим из комнаты.

— Забавно было, да? — говорю я.

— Стоило подождать заплыва с акулами, — отвечает Руфус, когда мы идем к выходу мимо Дейрдре.

— Спасибо, Дейрдре, — говорю я.

— Поздравляю вас с жизнью в моменте, — говорит Дейрдре и машет нам вслед. Странно, когда тебя поздравляют с тем, что ты живешь, но, полагаю, предложить нам прийти вновь она не может.

Я киваю и выхожу на улицу вслед за Руфусом.

— Мне показалось, тебе понравилось! Ты улыбался.

Руфус снимает цепь с велосипеда, который никто, к сожалению, не украл.

— Сам прыжок да, понравился. А потом было как-то странно. А тебе прямо понравилось? Давай, никакой критики, только чистое осуждение.

— Примерно так же, как тебе.

— Идея была твоя, — усмехается Руфус и откатывает велосипед от паркомата. — Сегодня твоими идеями больше не пользуемся.

— Прости.

— Я шучу, чувак. Было интересно, но в такие места приходят из-за того, что в них низок риск получить увечья, а ведь приключения без риска вообще не по приколу. Надо было сначала почитать отзывы и только потом нести им деньги.

— В сети не так-то много отзывов, — говорю я. Когда услуга эксклюзивна для Обреченных, не стоит ожидать мощной обратной связи. Сложно представить Обреченного, который станет тратить драгоценное время на похвалы или, наоборот, критику какой-то организации. — Мне правда очень жаль. Жаль не потраченных денег, а потраченного времени.

Topreading.ru

Руфус останавливается и вынимает телефон.

— Время мы даром не потратили. — Он показывает мне наше совместное фото и загружает его в инстаграм с тегом #последнийдруг. — Десять лайков, глядишь, этой фоточкой наберу.

ЛИДИЯ ВАРГАС

09:14

Лидии Варгас не позвонили из Отдела Смерти, потому что она сегодня не умрет. Но если бы ей предстояло умереть, она точно рассказала бы об этом всем, кого любит, — в отличие от ее лучшего друга, который так и не признался, что стоит на пороге смерти.

Лидия сама догадалась. Все подсказки оказались под носом, оставалось только свести их воедино: Матео пришел в жуткую рань, произнес добрые, но совершенно неожиданные слова о том, какая она потрясающая мама, оставил конверт с четырьмя сотнями долларов на кухне и заблокировал ее номер (а ведь именно она его этому научила).

В первые несколько минут после того, как Матео разыграл представление со своим исчезновением, у Лидии случился нервный срыв. Она позвонила бабуле и слезно попросила ее прийти домой из аптеки, в которой та работала. Вместо того чтобы отвечать на расспросы бабушки, Лидия с порога отняла у нее телефон и позвонила Матео, но он все равно не взял трубку. Она отчаянно надеялась, что это лишь потому, что номер бабули записан в его телефонной книжке, а не потому, что его уже нет.

Лидия не думает о плохом. Матео не проживет долгую жизнь, что само по себе дерьмово, ведь у него самая большая и чистая душа во всей вселенной, но жизнь его продлится до конца этого долгого дня. Пусть он умрет в 23:59 и ни минутой раньше.

Пенни плачет, и бабуля не может понять почему. Но Лидия различает все оттенки плача дочери и знает, как ее успокоить. Если у малышки высокая температура, Лидия сажает ее на колени и поет песни ей на ушко. Если Пенни упала, Лидия поднимает ее и протягивает игрушку, которая звенит или сверкает разными цветами (к сожалению, некоторые игрушки делают и то и другое одновременно). Если Пенни голодна или ей пора сменить подгузник, это вообще ясно сразу. Сейчас Пенни скучает по своему дяде Матео. Но Лидия не может позвонить Матео по фейстайму и здороваться с ним много раз подряд, потому что — опять же — он заблокировал ее номер.

Лидия заходит в фейсбук. Раньше она пользовалась своим аккаунтом, чтобы поддерживать связь с бывшими одноклассниками, но теперь только загружает туда фотографии Пенни для семьи Кристиана. Так ей не приходится писать сообщения его родителям, бабушкам и дедушкам, дядям и тетям, а еще той двоюродной сестре, которая все время просит совета, с кем сходить на свидание.

Лидия переходит на страницу к Матео. Там тишь да гладь: девятнадцать общих с ней друзей, две великолепные фотографии рассветов в Бруклине из паблика «Доброе утро, Нью-Йорк!», статья об инструменте, созданном сотрудниками НАСА, который позволяет слышать звуки космоса, и статус, обновленный несколько месяцев назад, о том, что Матео приняли в выбранный им колледж на дистанционную форму обучения, — статус, не получивший

должного интереса от подписчиков. По всему видно, что Матео никогда особенно не любил делиться фактами своей жизни, однако всегда можно было ожидать, что он оставит комментарий под твоим фото или лайкнет твой статус. Если что-то важно для тебя, оно автоматически становится важным и для него.

Лидия злится, что Матео где-то там ходит сам по себе. Сейчас не начало двухтысячных, когда люди просто умирали без предупреждения. Отдел Смерти появился для того, чтобы подготовить Обреченных и их близких, а не чтобы Обреченные поворачивались к близким спиной. Лидия хотела, чтобы Матео впустил ее в свою жизнь, полностью, без остатка, до последней своей минуты.

Она просматривает фото Матео, начиная с самых свежих: вот они с Пенни дремлют на том самом диване, на котором Лидия сейчас сидит; вот Матео несет Пенни на руках через террариум в зоопарке, где они оба испугались, что змеи вот-вот покинут свои стеклянные дома; вот Матео в кухне у Лидии со своим отцом, который учит их готовить рис по-пуэрторикански; вот Матео вешает бумажные гирлянды к первому дню рождения Пенни; вот Матео, Лидия и Пенни улыбаются, сидя на заднем сиденье бабулиного авто; вот Матео на выпускном в академической шапочке и мантии обнимает Лидию, которая подарила ему букет цветов и шарики. Лидия закрывает окошко с фотографиями. Прогулка в прошлое приносит слишком много боли, особенно когда она знает, что ее друг все еще жив, но где-то далеко. Она пристально смотрит на его аватар. Это фото она сделала у Матео в комнате, когда он смотрел в окно и ждал курьера с коробкой *Xbox Infinity*.

Завтра в это же время Лидия напишет пост о том, что умер ее лучший друг. Ей начнут писать люди и выражать соболезнования, как тогда, когда погиб Кристиан. И после того, когда все вспомнят, кто такой этот Матео (тот самый мальчик, с которым они учились, с которым сидели рядом в столовой), они бросятся на его страницу и начнут оставлять комментарии, создавая настоящее цифровое кладбище. Пожелают, чтобы земля была ему пухом. Скажут, что он был еще слишком молод. И как жаль, что они не нашли времени поговорить с ним, пока он был еще жив.

Лидия никогда не узнает, как Матео проводит свой Последний день, но надеется, что ее лучший друг нашел то, что искал.

РУФУС

09:41

Мы натыкаемся на семь заброшенных таксофонов в какой-то канаве под шоссе, ведущим на север к мосту Куинсборо.

— Пойдем посмотрим.

Матео уже готов воспротивиться, но я поднимаю вверх указательный палец и быстро пресекаю его порыв.

Потом бросаю велик на землю, и мы лезем в дыру в заборе из сетки-рабицы. Здесь и ржавые трубы, и битком набитые мусорные мешки, воняющие тухлятиной и дерьмом, и следы почерневшей жвачки, обвивающей таксофоны. А еще здесь граффити: бутылка пепси насмерть

избивает бутылку кока-колы. Я фотографирую его, выкладываю в инстаграм и отмечаю Малкольма, чтобы он знал, что в свой Последний день я думал о нем.

— Тут как будто кладбище, — говорит Матео и поднимает с земли пару кроссовок.

— Если там внутри пальцы ног, валим, — говорю я.

Матео исследует содержимое кроссовок.

— Пальцев или других частей тела не наблюдаю. — Он роняет обувь на землю. — В прошлом году я встретил на улице одного парня без обуви. У него из носа шла кровь.

— Бездомного?

— Нет. Причем наш ровесник. Его избили, а потом у него отняли кроссовки. Я отдал ему свои.

— Ну разумеется, — говорю я. — Таких, как ты, на свете больше нет.

— Да не, я не напрашивался на комплимент. Прости. Любопытно просто, как у него сейчас дела. Хотя сомневаюсь, что узнал бы его. У него все лицо было в крови. — Матео мотает головой, как будто хочет прогнать воспоминание.

Я наклоняюсь и рассматриваю один из лежащих на боку таксофонов. Синим маркером на том месте, где раньше была телефонная трубка, написано:

«Я СКУЧАЮ ПО ТЕБЕ, ЛИНА. ПЕРЕЗВОНИ».

Лине вообще-то сложновато перезвонить тебе, Человек, если самого телефона нет.

— Какая безумная находка, — говорю я и весь сияю, переходя к следующему таксофону. — Я чувствую себя Индианой Джонсом.

Матео молча улыбается, глядя на меня.

— Что?

— Я эти фильмы запоем смотрел, когда был ребенком, — говорит он. — Но только сейчас об этом вспомнил. — И он рассказывает мне, как его папа прятал сокровище в квартире. А сокровище всегда было одним и тем же: банкой с двадцатипятицентовиками, которые они использовали в прачечных. Матео надевал ковбойскую шляпу из костюма шерифа Вуди, а вместо лассо использовал шнурок. Каждый раз, когда он подбирался ближе к банке, его папа надевал мексиканскую маску, которую ему подарил сосед, и швырял Матео на диван для грандиозной битвы.

— Как круто! По рассказам твой папа клевый.

— Мне повезло, — говорит Матео. — Однако я затмил твой лучик радости. Извини.

— Не, все нормально. Это ведь не какое-то событие вселенского масштаба. Я ж не собирался разразиться пламенной речью о том, что исчезновение таксофонов с улиц —начало всемирного разлада или еще какой-нибудь чепухи. Просто смотрится охрененно. — Я делаю несколько фото на телефон. — Но все же удивительно, да? Платные таксофоны скоро перестанут

существовать. А я не знаю ни единого номера наизусть.

— Я помню только номера папы и Лидии, — говорит Матео.

— Хорошо хоть я не за решеткой, было бы совсем отвратно. А так знаю я чей-то номер или не знаю — уже не важно. Нам никогда не оказаться в двадцати пяти центах от звонка кому-нибудь. — Я поднимаю телефон. — Я даже пользуюсь не настоящим фотоаппаратом. Пленочные камеры тоже скоро исчезнут с лица земли, вот увидишь.

— А за ними почтовые отделения и написанные от руки письма, — говорит Матео.

— Кинопрокаты и DVD-плееры, — добавляю я.

— Городские телефоны и автоответчики, — продолжает он.

— Газеты, — подхватываю я. — Настенные и наручные часы. Уверен, кто-нибудь сейчас разрабатывает девайс, с помощью которого мы могли бы автоматически знать время.

— Бумажные книги и библиотеки. Они исчезнут еще не скоро, но в конечном счете это все равно произойдет, так ведь? — Матео замолкает, наверное, думает о тех книжках про Скорпиуса Готорна, которые упомянул в своем профиле в приложении. — И нельзя забывать о животных, находящихся под угрозой исчезновения.

О них-то я как раз и забыл.

— Ты прав. Совершенно прав. Все проходит, всё и вся сходит на нет. Человечество в дерьме, чувак. Мы думаем, мы такие неубиваемые и вечные, потому что мыслим и можем о себе позаботиться в отличие от таксофонов или книг, но, держу пари, динозавры тоже думали, что вечно будут у руля.

— Мы не действуем, — говорит Матео. — Мы только реагируем, стоит нам осознать, что часики тикают. — Он показывает пальцем на себя. — Экспонат номер один.

— Думаю, потому мы следующие в списке, — говорю я. — И исчезнем раньше, чем газеты, настенные и наручные часы и библиотеки. — Вместе с Матео я пролезаю обратно через забор и оборачиваюсь. — Но ты ведь в курсе, что и городскими телефонами никто уже не пользуется?

ТЭГО ХЭЙЗ

09:48

Тэго Хэйзу не позвонили из Отдела Смерти, потому что он сегодня не умрет, но он никогда не забудет, каково это: видеть, как предупреждение о скорой смерти получает его лучший друг. Выражение лица Руфуса будет преследовать Тэго дольше, чем кровища, которую он видел в своих любимых фильмах ужасов.

Тэго и Малкольм все еще в полицейском участке. Они делят между собой камеру в два раза больше, чем их комната в интернате.

Topreading.ru

— А я-то думал, здесь будет вонять мочой, — вздыхает Тэго. Он сидит на полу, потому что скамейка шатается и скрипит при малейшем движении.

— Нет, только блевотой, — говорит Малкольм, кусая ногти.

Тэго планирует выбросить свои джинсы на помойку, когда доберется до дома. Он снимает очки и позволяет Малкольму и полицейскому на дежурстве расплыться перед глазами. Он так всегда делает, когда хочет дать остальным понять, что ему требуется тайм-аут.

Единственный раз, когда эта привычка Тэго реально выбесила Малкольма, был тот случай во время игры в «Карты Против Человечества». Тэго так никогда и не признался, что карта, которую он вытащил из колоды, шутливо обыгрывала тему самоубийства, отчего он вспомнил о навсегда покинувшем его отце.

При мысли о том, что Руфус жив и здоров, у Тэго болит шея.

Он часто подавляет свой нервный тик, потому что шея, дергающаяся каждые пару минут, не только доставляет ему неудобства, но и делает его в чужих глазах каким-то неприступным и буйнопомешанным. Руфус однажды спросил, каково это — сдерживать тик, и Тэго предложил Руфусу, Малкольму и Эйми задержать дыхание и как можно дольше не моргать. Тэго не нужно было проделывать это упражнение вместе с плутонцами, потому что он и так знал, какое облегчение их ждет, когда все они наконец вдохнут воздуха и моргнут. Его тик для него так же естественен, как дыхание и моргание. Но когда его шея дергается из стороны в сторону, Тэго чувствует тихий хруст и всегда представляет, что с каждым движением у него постепенно крошатся кости.

Он снова надевает очки.

— Что бы ты делал, если бы тебе сегодня позвонили?

— Наверное, то же, что и Руф, — буркает Малкольм. — Только вот приглашать на свои похороны бывшую девушку, парня которой я только что отмудохал, я бы не стал.

— Да, тут он точно лоханулся, — соглашается Тэго.

— А ты? — спрашивает Малкольм.

— То же самое.

— Ты бы… — Малкольм не продолжает. Сейчас совсем другая ситуация, не похожая на тот случай, когда Малкольм помогал Тэго преодолеть писательский затык. Тэго тогда работал над «Доктором на замену», а Малкольм постеснялся своей придумки про врача-демона, который носит на шее стетоскоп и читает мысли пациентов. Крутейшая была идея. То, что Малкольм хочет спросить сейчас, точно выведет Тэго из себя.

— Я бы не стал искать маму и пытаться узнать, как умер мой отец, — опережает Тэго.

— Но почему? Если бы я больше узнал о той мрази, которая спалила дотла мой дом, я бы полез в первую в своей жизни драку, — говорит Малкольм.

— Меня заботят только те люди, которые хотят быть частью моей жизни. К примеру, Руфус. Помнишь, как он нервничал и не хотел признаваться, что он бисексуал, потому что боялся, что

мы не захотим с ним дальше жить в одной комнате, пускай нам и было так весело вместе? Вот этот парень точно хочет быть в моей жизни. А я хочу быть частью его жизни. Сколько бы ему ни осталось.

Тэго снимает очки и дает волю нервному тику.

КЕНДРИК О’КОННЕЛЛ

10:03

Кендрику О’Коннеллу не позвонили из Отдела Смерти, потому что сегодня он не умрет. Жизнь свою ему, возможно, и удастся сохранить, а вот работу продавца сэндвичей в кафе он уже точно потерял. Кендрик не снимает фартука, и плевать он на все хотел. Он выходит из кафе и зажигает сигарету.

Кендрик никогда не был везунчиком. Даже когда в прошлом году он нажил состояние после долгожданного развода родителей, прошло совсем немного времени, и удача вновь покинула его. Его мама и папа подходили друг другу не больше, чем детские ботиночки взрослой ноге; даже в девять лет от роду Кендрик это понимал. Мальчик многого тогда не знал о жизни, но сознавал, что между родителями нет любви, если папа спит на диване, а маме плевать даже на то, что ее мужа ловят на измене с какими-то молоденькими девчонками в Атлантик-Сити. (У Кендрика всегда были проблемы с сованием носа не в свое дело, и скорее всего он был бы куда счастливее, если бы меньше знал.)

Первые алименты на содержание ребенка подоспели как раз вовремя, потому что Кендрику были жизненно необходимы новые кроссовки: подошвы на старых расклеились спереди, и одноклассники безжалостно издевались над ним за то, что его кеды при ходьбе «просили каши». Открывались — закрывались, открывались — закрывались. Кендрик умолял маму купить «джорданы» самой последней модели, и она потратила на них три сотни долларов, потому что Кендрику «нужна была победа». По крайней мере так она сказала его дедушке по отцу, человеку жуткому, — однако к истории это не имеет никакого отношения.

В своих новых кроссовках Кендрик чувствовал себя настоящим трехметровым великаном, пока четверо парней под метр восемьдесят не напали на него и не украли обновки прямо с ног. Из разбитого носа шла кровь, идти домой в одних носках было неприятно и больно, но все исправил тот парень в очках, который достал из рюкзака упаковку бумажных платочков и снял с себя кроссовки. Снял и отдал Кендрику, просто так, ничего не попросив взамен. Кендрик больше никогда не видел того парня и имени его так и не узнал, но Кендрика все это и не заботило. Важнее для него было никогда больше не позволять никому надирать ему зад.

И вот тогда Дэмиен Ривас, в прошлом одноклассник Кендрика, который гордо бросил школу, помог Кендрику стать сильным. Ему понадобилась неделя занятий с Дэмиеном, чтобы научиться ломать запястье любому, кто осмелится на него напасть. Дэмиен отправлял Кендрика на улицу и, как свирепого питбуля, натравливал его на ничего не подозревающих старшеклассников. Кендрик подходил к жертве, давал в табло и одним ударом укладывал ее на землю.

Так Кендрик стал Королем Нокаута и продолжает быть им до сих пор.

Безработным Королем Нокаута.

Королем Нокаута, которому некого лупить, потому что его банда распалась, когда один из ее членов, Пек, нашел подружку и попытался зажить нормальной жизнью.

Королем Нокаута в королевстве людей, которые постоянно поддразнивают его наличием целей в жизни и просто сами напрашиваются, чтобы им дали в челюсть.

МАТЕО

10:12

— Я знаю, что предлагать еще какие-то идеи мне нельзя…

— Ну-ка, ну-ка, — говорит Руфус. Он едет на велосипеде рядом со мной. Он и меня хотел опять поставить на эту гиблую подножку, но я, как и раньше, отказался. Однако я не мог позволить своей паранойе помешать ему ехать самому. — Что придумал?

— Я хочу пойти на кладбище, на могилу моей мамы. Я знаю ее только по рассказам папы, но мне хотелось бы провести какое-то время с ней, — говорю я. — Кладбище таксофонов, кажется, сделало свое дело. — Отец обычно ходил на могилу мамы один, потому что я слишком нервничал. — Если, конечно, ты не хочешь заняться чем-то другим.

— Ты на самом деле хочешь пойти на кладбище в день, когда сам умрешь?

— Да.

— Я не против. Что за кладбище?

— Эвергринс в Бруклине. Недалеко от района, в котором выросла моя мама.

Нам нужно сесть на поезд А от станции «Коламбус-Сёркл» и ехать до станции Бродвей-Джанкшен.

Мы проходим мимо какого-то магазинчика, и Руфус хочет в него заскочить.

— Что тебе нужно? — спрашиваю я. — Вода?

— Просто зайдем, — говорит Руфус. Он катит велосипед вдоль прохода и останавливается у стойки с игрушками. Здесь водные пистолеты, глина для лепки, фигурки супергероев, мячи, ластики с разными запахами и наборы конструкторов «Лего». Один из таких наборов Руфус и берет с полки. — Готово.

— Что-то я запутался…

— Готовься, архитектор. — Руфус идет к кассе. — Покажешь мне, на что способен. — Я улыбаюсь этому маленькому чуду, чуду, которое я даже не подумал бы подарить себе сам. Я достаю кошелек, но Руфус отмахивается. — Не, это мой подарок. Отплачу тебе за идею с инстаграмом.

Руфус покупает «Лего», и мы выходим на улицу. Потом кладет целлофановый пакет к себе в рюкзак и идет пешком рядом со мной. Он рассказывает, как всегда хотел иметь домашнего питомца, но не собаку и не кошку (потому что у его мамы на них была жуткая аллергия), а кого-нибудь крутого вроде змеи или кролика. Мне нравятся обе эти идеи, главное, чтобы змее и кролику не пришлось жить в одной комнате.

Так мы доходим до станции «Коламбус-Сёркл». Руфус подхватывает велосипед и спускается с ним по лестнице, после чего мы быстро проскальзываем на платформу и запрыгиваем в поезд А за секунду до отправления.

— Четко мы, — говорю я.

— Могли бы добраться сюда быстрее, если бы ехали на велике, — шутит Руфус. Или думает, что шутит.

— До кладбища и на катафалке можно быстро доехать.

Этот поезд, как и тот, в котором мы ехали ночью, почти пуст: в вагоне не больше дюжины пассажиров. Мы садимся спиной к постеру «Арены путешествий».

— В каких городах или странах ты хотел бы побывать? — спрашиваю я.

— Да в куче всяких. Всегда мечтал поделать что-нибудь прикольное, например покататься на серфе в Марокко, полетать на дельтаплане в Рио-де-Жанейро, а еще, может, поплавать с дельфинами в Мексике. Заметь: с дельфинами, не с акулами, — отвечает Руфус. Чувствую, переживи мы сегодняшний день, он долго бы еще подшучивал над Обреченными, которые плавают с акулами. — Но еще я хотел бы фотографировать совершенно случайные места со всего света, которые не получают должного признания из-за того, что история у них не такая эпичная, как, скажем, у Пизанской башни или Колизея, но при этом они все равно обалденные.

— Классная идея. Как думаешь…

Свет в вагоне мигает, и всё замолкает, даже шум вентиляторов. Мы под землей — и в кромешной темноте. Над нашими головами проносится голос машиниста, который сообщает, что произошел небольшой перебой в подаче электричества и скоро система снова будет запущена. Где-то плачет маленький мальчик, и какой-то мужчина ругается по поводу очередной задержки поезда. Но я нутром чую: что-то здесь капитально не так. У нас с Руфусом есть проблемы посерьезнее опозданий. Я не заметил подозрительных личностей в вагоне, но теперь мы тут застряли. Кто угодно может пырнуть нас ножом, и никто об этом не узнает, пока не включится свет. Я придвигаюсь к Руфусу, прижимаюсь к нему бедром и заслоняю своим телом, как щитом. Может быть, мне удастся выиграть для Руфуса немного времени, чтобы он успел повидаться с плутонцами, если их сегодня освободят. Может, я даже смогу защитить его от смерти, может, умру настоящим героем, может, Руфус станет исключением из непогрешимой статистики Отдела Смерти.

Рядом со мной что-то светится в темноте, как фонарик.

Это Руфус достал телефон.

Я тяжело дышу, сердце бешено колотится, и мне не становится легче, даже когда Руфус массирует мне плечо.

— Эй, всё в полном порядке. Такое постоянно случается.

— Не постоянно, — говорю я. Задержки — да, но выключение света в метро — не такое уж частое явление.

— Ты прав, не постоянно. — Он лезет в рюкзак, вынимает конструктор и высыпает горсть деталей мне на колени. — Вот. Построй что-нибудь, Матео.

Не знаю, оттого ли он просит меня что-нибудь создать, что, подобно мне, ждет неизбежного, — но делаю как велено. Сердце все еще громко стучит, однако, взяв в руки первую деталь, я перестаю дрожать. Я пока понятия не имею, что пытаюсь сделать, но позволяю пальцам бесцельно строить основание из крупных деталей, потому что свет мобильника в полной темноте вагона кажется настоящим прожектором.

— А ты куда хотел бы съездить? — спрашивает Руфус.

Этот вопрос и темнота душат меня.

Как жаль, что я не был достаточно смел, чтобы путешествовать. Теперь, когда у меня нет времени никуда ехать, я хочу побывать везде. Потеряться в пустынях Саудовской Аравии; убегать от летучих мышей под мостом Конгресс-авеню в Остине, штат Техас; провести ночь на острове Хасима, в заброшенном японском центре угледобычи, известном также как Остров-Призрак; проехать по Дороге Смерти в Таиланде, ведь даже несмотря на название оставался бы шанс, что я выживу среди отвесных скал и шатких деревянных мостов. И во многих других местах. Я хочу взобраться на все горы на свете, проплыть по каждой в мире реке, исследовать все пещеры, пересечь все мосты, пробежать по всем пляжам, посетить все города, все страны на Земле. Абсолютно все. Нельзя было просто смотреть документалки и видеоблоги об этих местах.

— Я бы поехал куда угодно, лишь бы почувствовать адреналин, — отвечаю я. — Летать на дельтаплане в Рио — звучит шикарно.

Закончив свою конструкцию наполовину, я понимаю, что именно строю. Это убежище. Оно напоминает мне о доме, месте, где я прятался от радостей жизни, и все-таки я осознаю обратную сторону медали. Я знаю, что мой дом оберегал меня от смерти, и благодаря ему я прожил столько, сколько прожил. И не просто прожил, а был счастлив. Дом ни в чем не виноват.

Когда я наконец заканчиваю, Руфус все вещает о том, как родители чуть не назвали его Кейном в честь маминого любимого рестлера[11]; мои веки вдруг тяжелеют, голова опускается, но я резко вздрагиваю и просыпаюсь.

— Прости. Мне не скучно. Мне нравится с тобой болтать. Я, э-э, я просто очень устал. Выдохся. Знаю, засыпать нельзя, потому что времени нет. — Но этот день в самом деле высосал из меня все силы.

— Прикрой ненадолго глаза, — говорит Руфус. — Мы пока никуда не едем, так что с тем же успехом можешь передохнуть. Я тебя разбужу, когда доберемся до кладбища. Обещаю.

— Тебе тоже надо поспать, — замечаю я.

— Я не устал.

Это неправда, но я уверен, что он будет отпираться до последнего.

— Хорошо.

Я откидываю голову на спинку сиденья, держа на коленях свое игрушечное убежище. Мобильник больше не светит на меня, но взгляд Руфуса я на себе по-прежнему ощущаю. Хотя, скорее всего, мне это просто мерещится. Поначалу становится даже как-то неловко, но потом я расслабляюсь. Прав я или нет, чувство у меня такое, словно мой личный ангел-хранитель теперь за мной наблюдает.

Мой Последний друг здесь надолго.

РУФУС

10:39

Я хочу сфотографировать, как Матео спит.

Звучит жутковато, согласен. Но мне нужно обессмертить это мечтательное выражение лица. Черт. Звучит не менее крипово. А еще я хочу запечатлеть само мгновение. Как часто вы оказываетесь в метро во время отключения электричества, да еще и в компании восемнадцатилетнего парня с «Лего»-домиком, едущего на кладбище посетить могилу своей мамы? Вот именно. Такое фото достойно инстаграма.

Я встаю, чтобы взять общий план, направляю камеру телефона в темноту и фотографирую. Вспышка ослепляет. Через секунду — не шучу — в вагон возвращается свет, снова начинают работать вентиляторы, и поезд продолжает движение.

— Я волшебник, — бормочу я. Без дураков, в свой Последний день я обнаружил в себе суперспособности. Вот бы кто-нибудь снял этот момент на видео. Я стал бы бешено популярным.

Фото получилось клевое. Загружу его, как только поймаю сеть.

Хорошо, что я успел сфотографировать спящего Матео чуть раньше (да, да, крипово, мы уже все с этим согласились), потому что его лицо начинает двигаться, а левый глаз — дергаться. Он выглядит взволнованным и тяжело дышит. Его трясет… Твою мать, а вдруг он эпилептик? Он мне ничего такого не говорил, но мало ли. Надо было спросить. Я уже готов обратиться к пассажирам вагона, может, кто-то знает, что делать в случае эпилептического припадка, но Матео вдруг произносит «Нет» и повторяет это слово вновь и вновь.

Матео снится кошмар.

И тогда я сажусь рядом и хватаю его за предплечье, чтобы спасти от страшного сна.

МАТЕО

10:42

Руфус будит меня, тряся за руку.

Я уже не на горе. Я снова в вагоне метро. Свет включился, и поезд продолжает движение.

Я делаю глубокий вдох и поворачиваюсь к окну, будто в самом деле ожидаю увидеть, как в меня летят валуны и обезглавленные птицы.

— Дурной сон, чувак?

— Мне приснилось, что я катаюсь на лыжах.

— Из-за меня, сто проц. Так что случилось во сне?

— Все началось с того, что я спускался по детскому склону.

— Склону для начинающих?

Я киваю.

— Но потом он резко стал крутым, холмы покрылись льдом, а я потерял лыжные палки. Повернулся, чтобы посмотреть, где они, и увидел, что прямо на меня мчится валун. Его грохот становился все громче и громче, и я решил было броситься в сторону и нырнуть в сугроб, но меня охватила паника. Тогда я попробовал скатиться вниз по склону, у подножия которого вдруг появилось вот это мое убежище из «Лего», только огромное, как коттедж, однако мои лыжи внезапно исчезли, и я круто полетел с горы, а пока падал вниз, над моей головой кружились безголовые птицы.

Руфус ухмыляется.

— Это не смешно, — говорю я.

Он подвигается ближе ко мне и стукается своей коленкой о мою.

— Все будет в порядке. Обещаю, тебе не придется сегодня беспокоиться о валунах, готовых пробить тебе голову, или падениях со снежного склона.

— А как насчет всего остального?

Руфус пожимает плечами.

— Почти уверен, что безголовых птиц ты тоже не встретишь.

Погано, что мне больше никогда не приснятся сны.

А ведь последний сон в моей жизни даже не был хорошим.

ДЕЛАЙЛА ГРЕЙ

11:08

Газета «Инфинит Уикли» закрепила за собой последнее интервью Хоуи Мальдонадо.

Делайла же закрепить его за собой не смогла.

— Я знаю о Хоуи Мальдонадо все, — говорит Делайла, но ее начальница Сэнди Герреро, главный редактор газеты, не хочет ничего слышать.

— У вас слишком мало опыта для такого важного материала, — говорит Сэнди, направляясь к черному автомобилю, который прислали за ней агенты Хоуи.

— Знаю, я работаю в худшем углу офиса и на древнем компьютере, но это не означает, что я не квалифицирована хотя бы помогать вам на интервью, — возражает Делайла. Она знает, что звучит это неблагодарно и высокомерно, но забирать свои слова назад она точно не намерена. В журналистике Делайла сможет пойти далеко, только если будет знать себе цену — и если под этим интервью будет стоять ее имя. Возможно, именно положение Сэнди в индустрии убедило агента известного актера предпочесть «Инфинит Уикли» журналу «Пипл», однако Делайла выросла на книгах о Скорпиусе Готорне — и не только на них, но и на фильмах, на всех восьми фильмах, которые питали ее любовь к киноиндустрии. Из обычной фанатки она превратилась в фанатку-профессионала.

— Рада сообщить вам, что Хоуи Мальдонадо — не последний, кто умрет на земле, — говорит Сэнди, открывая дверцу автомобиля и снимая солнечные очки. — У вас вся жизнь впереди, успеете еще попеть дифирамбы знаменитостям.

Делайла до сир пор не верит, что Виктор мог пасть так низко и учинить тот розыгрыш с оповещением из Отдела Смерти.

Сэнди бегло оценивает цвет волос Делайлы, и девушка уже жалеет, что не прислушалась к ее намекам и не перекрасила их в каштановый, ведь, может быть, сейчас это помогло бы ей завоевать благосклонность начальницы.

— Вы знаете, сколько кинонаград *MTV* взял Хоуи? — спрашивает Делайла. — А какими видами спорта он увлекался в детстве? Сколько у него братьев и сестер? На каких языках он говорит?

Сэнди не отвечает ни на один вопрос.

Делайла отвечает на каждый из них сама:

— Две награды в категории «Лучший кинозлодей». Увлекается фехтованием. Единственный ребенок в семье. Разговаривает по-английски и по-французски… Сэнди, прошу. Я обещаю, что не позволю моему фанатизму вам помешать. Мне больше никогда не выпадет шанса увидеть Хоуи.

Его смерть может в корне изменить ее карьеру.

Сэнди качает головой и глубоко вздыхает.

— Ладно. Он согласился дать интервью, но никаких гарантий нет, по понятным причинам. Мы забронировали отдельный зал в ресторане на Среднем Манхэттене, но все еще ждем подтверждения от агента, что Хоуи согласен на встречу. Самое раннее, когда он сможет с нами встретиться, — два часа.

Делайла уже готова запрыгнуть в машину вслед за Сэнди, но та качает головой.

— До встречи еще долго, — поясняет она. — Пожалуйста, найдите мне экземпляр книги Хоуи — той, которую он *написал.* — Сарказм в голосе Сэнди звучит так отчетливо, что она даже не утруждается изобразить кавычки. — Я буду настоящей героиней, если возьму у него автограф для своего сына. — Сэнди закрывает дверь и опускает стекло. — На вашем месте я бы не теряла попусту время.

Машина отъезжает, и Делайла достает из кармана телефон. Шагая к углу улицы и параллельно выискивая в сети номера ближайших книжных магазинов, она вдруг спотыкается у самой обочины и падает на асфальт. Приближающаяся машина громко сигналит, водитель бьет по тормозам, и автомобиль останавливается в полуметре от ее лица. Сердце девушки стучит как безумное, глаза наполняются слезами.

Но она жива, потому что сегодня не умрет. Люди постоянно падают на улицах, и она, даже не будучи Обреченной, не исключение, — на всякий случай напоминает себе Делайла.

МАТЕО

11:32

Когда мы заходим на территорию кладбища Эвергринс, небо затягивают облака. В последний раз я был здесь в двенадцать лет, в День матери, так что, хоть убей, не помню, какой из входов ближайший до маминой могилы. Судя по всему, нам придется немного поблуждать. Ветерок доносит до нас запах свежескошенной травы.

— Странный вопрос: ты веришь в жизнь после смерти? — спрашиваю я.

— Ничего странного, мы же умираем, — говорит Руфус.

— Точно.

— Странный ответ: я верю сразу в две жизни после смерти.

— Две?

— Две.

— Какие?

Мы идем между надгробиями — одни из них настолько стары, что имен уже не разобрать, а над другими установлены такие высокие кресты, что они напоминают мечи в камнях, — и под огромными дубами Руфус рассказывает мне свою теорию загробной жизни.

— Чувак, я думаю, мы уже мертвы. Не все, только Обреченные. Вся эта тема с Отделом Смерти кажется слишком сказочной для правды. Знать, когда придет Последний день, чтобы прожить его правильно? Чистая фантастика. Первая загробная жизнь наступает, когда Отдел Смерти предлагает нам прожить день, зная, что он последний. Так мы можем выжать из него все до капли, а потом, считая, что остались живы, без сожалений войти в свою вторую — и последнюю — жизнь после смерти. Понимаешь?

Topreading.ru

Я киваю.

— Интересная идея. — Его представления о загробной жизни определенно любопытнее и продуманнее, чем представления моего папы. Папа верит в стандартный поднебесный остров с золотыми воротами на входе. И все же банальная загробная жизнь лучше, чем полное ее отсутствие, в которое верит Лидия. — Но разве не было бы круче, если бы мы уже сейчас знали, что мертвы, и не проживали последний день в страхе, гадая, как это случится?

— Нет. — Руфус объезжает памятник в виде каменного херувима. — Так теряется основная цель. Все должно быть как по-настоящему: риск должен пугать, прощание с близкими — даваться тяжело. В противном случае останется привкус дешевизны, как после «Жизни в моменте». Если прожить его правильно, одного дня будет достаточно. Если же мы останемся на подольше, то превратимся в привидения, которые преследуют и убивают живых, а себе такого никто не пожелает.

Мы смеемся возле чужих могил, и, даже несмотря на то что разговариваем мы о жизни после смерти, я на мгновение забываю, что в конечном счете мы оба окажемся именно здесь.

— А какой следующий уровень? Тебя сажают на лифт и отправляют выше?

— Не-а. Твое время истекает, и ты, ну, не знаю, как-то затухаешь или типа того, а потом снова появляешься на небесах, как любят называть это место верующие. Я не религиозен. Я просто верю, что существует какой-то создатель-инопланетянин и место, где тусуются мертвые, но не хочу называть это Богом и раем.

— Согласен. По поводу Бога я думаю точно так же. — А может быть, теория Руфуса верна и в остальном. Может быть, я уже мертв и теперь, в качестве вознаграждения за то, что осмелился попробовать нечто новое (например приложение «Последний друг»), проведу свой Последний день с человеком, способным изменить мою жизнь. Может быть. — А как выглядит второй уровень твоей загробной жизни?

— Там все то, чего хочет человек. Нет ограничений. Если ты веришь в ангелов, нимбы и псов-призраков — ну клево. Если хочешь летать — пожалуйста, летай. Если хочешь вернуться в прошлое — давай, отрывайся.

— А ты много об этом думал, — замечаю я.

— Это все ночные разговоры с плутонцами, — объясняет Руфус.

— Я надеюсь, что реинкарнация на самом деле существует, — говорю я. Я уже осознаю, что одного этого дня не хватит, чтобы все исправить. Одной жизни мне явно недостаточно. Я касаюсь надгробий, гадая, реинкарнировался ли кто-нибудь из похороненных под ними людей. Может, я и есть один из них. Если так, Себя-из-прошлого я подвел.

— Я тоже надеюсь. Мне хотелось бы иметь еще одну попытку, но я не сильно на нее рассчитываю. А что, по-твоему, представляет собой жизнь после смерти?

Впереди я замечаю крупный надгробный камень, который напоминает бледно-голубой заварочный чайник. Я знаю, что могила моей мамы в нескольких рядах от него. Когда я был помладше, то воображал, что это надгробие не что иное как лампа с джинном. Но сколько бы я ни желал, чтобы мама вернулась и наша семья снова стала полной, ничего не получалось.

— Для меня это такой домашний кинотеатр, в котором ты можешь пересматривать всю свою

жизнь от начала до конца. И вот, скажем, мама приглашает меня в свой кинотеатр — и я могу посмотреть ее жизнь. Надеюсь только, что кто-нибудь вырежет некоторые кадры, иначе я получу травму на всю загробную жизнь. — Лидии я эту идею внушить не смог, хотя она и признала, что звучит все это весьма круто. — А! И еще там есть стенограмма всего, что ты сказал с рождения, и…

Я замолкаю, потому что мы дошли до угла и я вижу, что рядом с маминым участком какой-то мужчина роет еще одну могилу, а смотритель устанавливает надгробный камень с моим именем и датами жизни и смерти.

А ведь я еще даже не умер.

Руки начинают дрожать, и я едва не роняю на землю свое убежище из деталей конструктора.

— И? — спрашивает было Руфус, но потом быстро произносит «Ой».

Я иду к своей могиле.

Я знаю, что иногда могилы роют заранее, но прошло всего одиннадцать часов с тех пор, как я получил предупреждение от Отдела Смерти. Знаю, окончательный вариант надгробия будет готов только через несколько дней, но меня сейчас выбил из колеи вовсе не временный его вариант. Просто нельзя человеку видеть, как копают его собственную могилу.

Я мгновенно отчаиваюсь, хотя едва успел поверить, что Руфус изменит мою жизнь. Руфус бросает велосипед на землю, а затем подходит к могильщику и кладет руку ему на плечо.

— Здрасьте. Можно мы побудем здесь несколько минут одни?

Бородатый могильщик, одетый в грязную клетчатую рубашку, поворачивается ко мне, а затем обратно к могиле моей мамы.

— Это мать парнишки? — спрашивает он и продолжает работать.

— Да. И вы сейчас копаете ему могилу, — говорит Руфус. Шелестят кроны деревьев, лопата шумно загребает землю.

— Ах ты черт. Мои соболезнования и все такое, но, если я остановлюсь, это все равно ничего не изменит, только замедлит мою работу. Я решил сделать все пораньше, чтобы уехать из города и…

— Мне плевать! — Руфус делает шаг назад, сжимает кулаки, и я уже беспокоюсь, что сейчас он подерется с этим чуваком. — Клянусь, если… Дайте нам десять минут! Пойдите лучше выройте могилу того, кто не стоит у вас над душой!

Второй мужчина, который устанавливал надгробный камень, отводит могильщика в сторону. Они оба бубнят что-то про то, «какие пошли Обреченные подростки», но держатся от нас подальше.

Я хочу поблагодарить мужчин и Руфуса, но чувствую, как у меня подкашиваются ноги и кружится голова. С огромным трудом я сохраняю равновесие и протягиваю руку к надгробию мамы.

Topreading.ru

ЭСТРЕЛЛА РОЗА-ТОРРЕС

7 ИЮЛЯ 1969

17 ИЮЛЯ 1999

ЛЮБИМАЯ ЖЕНА И МАМА

НАВСЕГДА В НАШИХ СЕРДЦАХ

— Можно я минутку побуду с мамой? — Я даже не поворачиваюсь, мой взгляд прикован к дате ее Последнего дня и дня моего рождения.

— Я буду неподалеку, — говорит Руфус. Возможно, он отойдет не слишком далеко, всего на полметра, а может, и вовсе не сдвинется с места, но я ему доверяю. Он будет рядом, когда я обернусь.

Наши с мамой судьбы странным образом переплелись. Она умерла в день моего рождения, и теперь меня похоронят рядом с ней. Воссоединение. Когда мне было восемь лет, мне казалось странным, что на памятнике написано «*любимая* мама», хотя ее материнство заключалось только в том, что она девять месяцев носила меня под сердцем. Теперь, десять лет спустя, я понимаю куда больше. Но у меня никогда не укладывалось в голове, как она могла зваться мамой, если у нее даже не было возможности поиграть со мной, раскрыть объятья мне навстречу, пока я делаю свои первые шаги, научить меня завязывать шнурки и все такое прочее. Однако папа в своей мягкой манере всегда напоминал мне, что она всего этого не сделала лишь потому, что роды выдались сложными, «очень тяжелыми», говорил он, и что мама больше беспокоилась обо мне, а не о себе. За одно это она, конечно, достойна звания «любимой» мамы.

Я опускаюсь на колени у маминой могилы.

— Привет, мам. Рада меня видеть? Я знаю, ты создала меня, но, если подумать, мы друг другу все еще чужие. Уверен, ты об этом думала. Ты уже провела достаточно времени в своем домашнем кинотеатре, где титры начинаются в тот момент, когда я плачу на руках у какой-то медсестры, а ты умираешь. Возможно, медсестра могла бы помочь остановить твое сильное кровотечение, если бы не держала меня на руках. Не знаю. Мне правда жаль, что тебе пришлось ради меня умереть. Правда. Надеюсь, ты не натравишь на меня какую-нибудь службу пограничного контроля, которые не будут подпускать меня к тебе, когда я наконец умру. Хотя я знаю из папиных историй, что ты не такая. Одна из моих любимых историй — о том, как ты навещала свою маму в больнице за несколько дней до кончины, а ее соседка с Альцгеймером постоянно спрашивала тебя, хочешь ли ты узнать один секрет. И ты соглашалась снова и снова, пускай и прекрасно знала, что она прятала шоколад от своих детей, когда была моложе, такая уж она сладкоежка. — Я кладу ладонь на надгробие и представляю, что держу мамину руку в своей, хотя никогда по-настоящему не смогу этого сделать. — Мам, а у меня получится найти любовь там, наверху? Ведь здесь на земле мне это так и не удалось.

Мама не отвечает. Меня не охватывает необъяснимое тепло, в ветерке не слышится голос. Но ничего. Скоро я и сам все узнаю.

— Прошу, позаботься обо мне сегодня, мам. В последний раз. Потому что я-то, в отличие от Руфуса, знаю, что еще не мертв, и очень хотел бы, чтобы сегодняшний день изменил мою

жизнь. Скоро увидимся.

Встав, я поворачиваюсь к своей могиле, которая пока не больше метра глубиной и выкопана неравномерно. Я залезаю в нее и сажусь, прислонившись спиной к той стенке, которую еще не закончил могильщик. На колени я кладу свое игрушечное убежище и теперь, наверное, выгляжу как ребенок, который играет в парке с конструктором.

— К тебе можно? — спрашивает Руфус.

— Здесь место только для одного. Иди найди свою могилу.

Руфус все равно залезает в яму, отпихивает мои ноги и втискивается рядом со мной, положив одну ногу на мою, так чтобы мы оба уместились.

— У меня могилы не будет. Меня кремируют, как и всю мою семью.

— А их прах до сих пор хранится у тебя? Мы могли бы где-нибудь его развеять. Раздел «Прощание с прахом» на «Обратном отсчете» на самом деле очень популярен и…

— Мы с плутонцами об этом позаботились еще месяц назад, — прерывает меня Руфус. Нужно сделать над собой усилие и начать держать при себе истории про виртуальных незнакомцев. — Развеяли их прах у нашего старого дома. Я после этого все еще чувствовал себя опустошенным, но по крайней мере они снова обрели дом. Я хочу, чтобы плутонцы развеяли мой прах кое-где в другом месте.

— Где? Возле Плутона?

— В парке Алтеа, — говорит Руфус.

— Люблю этот парк, — замечаю я.

— Откуда ты о нем знаешь?

— Часто туда ходил, когда был еще ребенком. Всегда с отцом. Он рассказывал мне про разные виды облаков, а я выкрикивал, какие облака вижу в небе, когда качался на качелях и взмывал вверх. А почему тебе там так нравится?

— Даже не знаю. Я часто волей случая оказывался именно там. Именно там впервые поцеловал одну девчонку, Кэти. Туда пошел, когда погибла моя семья. Туда же — после своего первого веломарафона.

Только посмотрите на нас: мы, два парня, сидим на кладбище под только что заморосившим дождем и обмениваемся историями в моей наполовину вырытой могиле, будто сегодня не умрем. Подобных мгновений спокойствия и забытья будет достаточно, чтобы дотянуть до конца дня.

— Странный вопрос: ты веришь в судьбу? — спрашиваю я.

— Странный ответ: я верю в две судьбы, — отвечает Руфус.

— Правда?

— Нет, — улыбается Руфус. — Я и в одну-то не верю. А ты?

— А как еще ты объяснишь нашу встречу? — спрашиваю я.

— Мы оба скачали приложение и договорились потусить вместе, — говорит Руфус.

— Но посмотри на нас. Моя мама и твои родители мертвы. Мой отец не в строю. Если бы наши родители были рядом, мы бы не завели профили в «Последнем друге». — Приложение предназначено в основном для взрослых, а не для подростков. — Если ты способен верить в две жизни после смерти, то поверишь и во вселенную-кукловода. Разве не так?

Руфус кивает, и дождь учащается. Встав первым, Руфус протягивает мне руку. Я хватаюсь за нее. Не могу не отметить поэтичности этого жеста: Руфус помогает мне выбраться из могилы. Я подхожу к маминому надгробию и целую высеченное в камне имя. Потом прислоняю к камню свое игрушечное убежище, а повернувшись, замечаю, что Руфус снова меня фотографирует. Ловить мгновения — это и правда его фишка.

В последний раз я оборачиваюсь к своему надгробию.

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ

МАТЕО ТОРРЕС, МЛ.

17 ИЮЛЯ 1999

Уже очень скоро они добавят и дату моей смерти: 5 сентября 2017.

А еще посвящение. Ничего страшного, что пока его нет. Я знаю, что здесь будет написано, и знаю, что сделаю все возможное, чтобы эти слова стали правдой: *он жил для всех*. Слова со временем сотрутся, но в них не будет лжи.

Руфус катит велосипед по мокрой и грязной тропинке, оставляя за собой следы шин. Я иду следом и, с каждым шагом удаляясь от мамы и собственной могилы, ощущаю, как все мои внутренности словно тяжелеют. Я знаю, что скоро сюда вернусь.

— Допустим, в судьбу я поверил, — говорит Руфус. — Заканчивай теперь рассказ о загробной жизни.

И я заканчиваю.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Начало

Человек должен бояться не смерти,

он должен бояться никогда не начать жить. — Марк Аврелий, римский император

МАТЕО 12:22

Двенадцать часов назад я получил предупреждение, что сегодня умру. По-своему — так, как свойственно Матео, — я уже попрощался с кучей людей: с папой, лучшей подругой и крестной дочерью, — но самое главное, я попрощался с Прежним Матео: он остался дома, когда Последний друг увел меня с собой в мир, который хочет свести с нами счеты. Руфус очень многое для меня сделал, а потому я готов сразиться с любыми преследующими его демонами. Мы разве что не можем выхватить из ножен пылающие мечи или достать кресты и метательные звездочки по совместительству, точно как в фэнтези-романах. Руфус помог мне одним своим присутствием, и мне, возможно, тоже удастся помочь ему в минуту душевной боли.

Двенадцать часов назад мне позвонили и сказали, что сегодня я умру, но теперь я чувствую себя гораздо живее, чем когда-либо прежде.

РУФУС

12:35

Я понятия не имею, куда ведет меня Матео, но не сопротивляюсь. Дождь кончился, и теперь, подремав в метро на обратном пути в центр города, я чувствую себя перезаряженным и готовым к новым свершениям. Тухло, что мне ничего не приснилось. Но ведь и кошмара не было — уже хорошо. Где-то потеряешь, где-то обретешь.

Я сразу исключаю «Арену путешествий», потому что, как сказал Матео, в это время там полно народу. Так что, если через несколько часов мы все еще будем живы, то по крайней мере не потратим время стоя в очереди. По сути, придется подождать, пока стадо поредеет. Жестоко так думать, но это ведь правда. Не важно, чем мы сейчас займемся, главное, чтобы это не было пустой тратой времени, как «Жизнь в моменте». Сто процентов, идея Матео связана с благотворительностью. Хотя, может, он втайне списался с Эйми и организовал встречу, чтобы мы с ней все утрясли, прежде чем я сыграю в ящик.

Целых десять минут, не меньше, мы провели в квартале Челси, в парке рядом с пирсом. Я сегодня стал тем, кого сам ненавижу: пешеход, который волочит велосипед по велодорожке, при том что рядом, разумеется, есть дорожка для пешеходов и бегунов. Моей карме теперь точно капец, инфа сотка.

Матео ведет меня к пирсу, и я останавливаюсь.

— Хочешь спихнуть меня в воду? — спрашиваю я.

— Да ты будешь потяжелее меня, — отвечает Матео. — Расслабься, тебе ничего не грозит. Ты сказал, что прощание с прахом родителей и сестры тебе не особо помогло, и я подумал, что здесь ты сможешь обрести успокоение.

— Они погибли по пути на север штата, — говорю я. Надеюсь, те дорожные заграждения, через которые таким нелепым образом перемахнула наша машина, уже восстановили. Хотя кто его знает.

— Для этого не обязательно ехать на место аварии. Может, достаточно будет просто оказаться у той самой реки.

— Не очень понимаю, что я должен из этого извлечь.

— Я тоже, так что, если тебе тут некомфортно, мы можем развернуться и пойти заняться чем-нибудь другим. Просто на кладбище я почувствовал умиротворение, которого не ожидал, и теперь хочу, чтобы и ты испытал это чудо.

Я пожимаю плечами.

— Ладно, раз уж мы здесь. Чудо, приходи.

На пирсе нет ни единой лодки, и он простаивает зазря, точно пустая парковка. В июле я приезжал на один из пирсов чуть севернее отсюда с Эйми и Тэго, потому что они хотели увидеть скульптуры на набережной, а потом через неделю вернулся туда снова, уже с Малкольмом, который не смог поехать с нами в первый раз из-за пищевого отравления.

Мы идем вдоль пирса. Настил у него, к счастью, не дощатый, а то я бы боялся на него наступить. Кажется, я подхватил у Матео его паранойю, точно вирус. Пирс устойчивый, сделан из бетона, не какая-нибудь шаткая белиберда, которая так и норовит под тобой провалиться, но вы не стесняйтесь, делайте ставки, может, это оптимизм играет со мной злую шутку. Мы доходим до самого края пирса, и я хватаюсь за серебристо-серое стальное заграждение, а потом наклоняюсь вперед и смотрю, как под ногами течет река.

— Как себя чувствуешь? — спрашивает Матео.

— Так, будто весь этот день — один большой розыгрыш, подстроенный миром специально для меня. А ты актер, и в любую минуту родители, Оливия и плутонцы выскочат из какого-нибудь минивэна и закричат «Попался!». Я бы даже не сильно разозлился. Сначала обнял бы их и *только потом* убил бы.

Звучит забавно, если оставить за скобками расправу.

— Значит, все-таки сильно, — говорит Матео.

— Ты не представляешь, сколько времени я потратил, злясь на свою семью за то, что они меня бросили, Матео. Все кругом трындят налево и направо про комплекс вины выжившего, и я все, конечно, понимаю, но… — Я никогда не говорил об этом с плутонцами, даже с Эйми, пока мы еще встречались, потому что это слишком невыносимо. — Но, блин, на самом деле покинул их я. Это я выбрался из тонущей машины и уплыл. Хотя я до сих пор не уверен, был ли то в самом деле я или просто какой-то сильный рефлекс. Мы же не можем долго держать руку над огнем, мозг обязательно отдаст команду ее отдернуть. Так вот, кажется, что проще всего на свете было бы утонуть тогда вместе с семьей, пускай Отдел Смерти мне и не звонил. А если я мог умереть почти без труда, значит, быть может, и моя семья могла постараться, сделать невозможное и выжить. Вдруг Отдел Смерти ошибся!..

Матео подходит ближе и кладет ладонь мне на плечо.

— Не надо так себя мучить. На «Обратном отсчете» есть целые разделы для Обреченных, которые убеждены, что они особенные. Когда звонит Отдел Смерти, это конец. Конец игры. Ты не мог ничего поделать, и твоя семья тоже не могла поступить иначе.

— Я мог бы сесть за руль, — огрызаюсь я и стряхиваю его руку с плеча. — Оливия мне сразу

предложила, едва я за ними увязался. Мол, тогда машиной не будут управлять «руки Обреченного». Но я слишком нервничал, слишком злился и слишком остро чувствовал свое одиночество. Я мог бы выиграть еще несколько часов жизни для своей семьи. Может, они не сдались бы так быстро, когда ситуация казалась безвыходной. Когда я выбрался из машины, они просто остались на месте. Не боролись ни секунды, Матео. — Они беспокоились только о том, чтобы вылез я. — Папа первым делом потянулся к моей дверце, то же самое сделала мама с заднего сиденья. И ведь это не потому, что мою руку как-то там зажало. Я просто замер, потому что наша гребаная тачка улетела в реку, но потом взял себя в руки. А они просто сдались, едва открылась моя дверь. Оливия даже не дернулась к выходу.

Меня заставили ждать на заднем сиденье скорой, обернув пахнущим хлоркой полотенцем, а команда спасателей в это время вынимала из реки нашу машину.

— В том, что случилось, не было твоей вины. — Матео низко опускает голову. — Я дам тебе минутку побыть наедине с самим собой, но буду ждать. Надеюсь, тебе это действительно нужно. — Он отходит, увозя в сторону мой велик, раньше, чем я успеваю ему ответить.

Мне кажется, что минуты мне не хватит, но тут, сдавшись, я начинаю плакать так, как не плакал уже многие недели. Я колочу по заграждению кулаками, снова и снова бью по перекладине, потому что моя семья погибла, потому что мои лучшие друзья за решеткой, потому что моя бывшая девушка нам нагадила, потому что у меня появился крутейший друг, но нам не дано провести друг с другом даже полного дня. Я останавливаюсь, ловя ртом воздух, как будто только что уделал десятерых амбалов. Мне не нужна даже фотография Гудзона, поэтому я поворачиваюсь к нему спиной и иду к Матео, который возит мой велик по асфальту хаотичными петлями.

— Ты победил, — говорю я. — Это была хорошая идея. — Он не злорадствует, как Малкольм, и не подначивает меня, как это делала Эйми каждый раз, когда выигрывала спор. — Прости, что на тебя сорвался.

— Тебе *нужно было* сорваться.

Он продолжает катать велик кругами. Я слежу за ним, и у меня начинает кружиться голова.

— И то верно.

— Если снова захочешь сорваться, я к твоим услугам. Последние друзья навеки.

ДЕЛАЙЛА ГРЕЙ

12:52

Делайла несется к единственному книжному магазину в городе, где еще чудом продается научно-фантастический роман Хоуи Мальдонадо «Потерянный близнец Боун-Бея».

Делайла ускоряется, держась подальше от края обочины и игнорируя оклик лысеющего мужчины с большой гимнастической сумкой. Она проносится мимо двух мальчиков с одним велосипедом.

Она молится, чтобы Хоуи Мальдонадо не перенес интервью на время пораньше, боясь не

успеть добраться до места встречи, но вдруг вспоминает, что для Хоуи на кону находятся куда более важные вещи.

ВИН ПИРС

12:55

Вину Пирсу позвонили из Отдела Смерти в 00:02, чтобы сообщить, что сегодня он умрет. И он не то чтобы очень этому удивлен.

Вин зол, что красивая женщина с разноцветными волосами не обратила на него внимания; зол, что так и не женился; зол, что ему сегодня утром отказали буквально все женщины в приложении «Некро»; зол на бывшего тренера, который помешал ему воплотить свою мечту; зол на этих двух мальчишек с велосипедом, которые мешают ему осуществить его последние разрушительные планы. Паренек в велосипедной экипировке тащится очень медленно и занимает великом весь тротуар — а ведь велосипеды нужны для того, чтобы на них ездить! А не катить рядом с собой, как детскую коляску. Вин рвется вперед, не думая о последствиях, и задевает парня плечом.

Тот недовольно цыкает, но друг, схватив за руку, его придерживает.

Вину нравится, когда его боятся. Нравится и в повседневной жизни, однако больше всего он любил это ощущение на ринге. Четыре месяца назад Вин начал испытывать боли в мышцах, но признавать свою слабость отказывался. Силовые нагрузки превратились в испытание с плохими результатами. Несколько подходов по двадцать подтягиваний превратились в подходы по четыре за раз, да и то в лучшие дни, и тренер был вынужден навсегда снять Вина с ринга, потому что драться он больше не мог. Болезни всегда преследовали семью Вина: его отец умер несколько лет назад, после того как ему диагностировали рассеянный склероз, тетя умерла от кровотечения, вызванного внематочной беременностью, и так далее, — но Вин верил, что он лучше, что он сильнее. Ему суждено стать великим, в этом он был уверен; его ждут победа в чемпионате мира и невероятные богатства… Но хроническая болезнь мышц сковала Вина, и он все потерял.

Он заходит в зал, в котором провел последние семь лет, пытаясь стать чемпионом мира в тяжелом весе. Запах пота и грязных кед навевает бесчисленные воспоминания. Единственное воспоминание, которое сейчас для него что-то значит, — это как тренер заставил его освободить шкафчик в раздевалке и предложил обдумать другие карьерные возможности, например попробовать себя в качестве спортивного комментатора или самому стать тренером.

Какое оскорбление.

Вин проскальзывает в помещение с генераторными установками и вынимает из спортивной сумки самодельную бомбу.

Вин погибнет там, где родился как личность. И погибнет он не один.

МАТЕО

12:58

Мы проходим мимо витрины с классическими и современными книжками, которые лежат в детских креслах, как будто праздно проводят время в зале ожидания, готовые к тому, что их купят и прочтут. Я хотел бы как-то расслабиться после встречи с грозной физиономией того мужика со спортивной сумкой.

Руфус фотографирует витрину.

— Можем войти.

— Я минут на двадцать, не дольше, — обещаю я.

Мы заходим в «Открытый книжный». Мне нравится, что у него такое вселяющее надежду название.

Зайти внутрь — самая лучшая из самых худших в мире идей. У меня нет времени, чтобы прочесть даже одну книгу. Но раньше я никогда не бывал в этом книжном, потому что обычно заказываю книги с доставкой или беру их в школьной библиотеке. Может, на меня упадет книжная полка, и таким и будет мой конец — болезненным. Хотя бывают смерти и похуже.

Засмотревшись на старинные часы на самой верхней полке, я натыкаюсь на стол и роняю на пол книги с выкладки «Снова в школу». Я извиняюсь перед продавцом по имени Джоэл (если верить его бейджу), но он говорит, что мне не о чем беспокоиться, и помогает поднять книжки.

Руфус оставляет велосипед у входа и следом за мной идет между книжных полок. Я читаю рекомендации сотрудников: разные жанры расхваливаются разными почерками, какие-то более разборчивыми, какие-то менее. Я стараюсь избегать секций с литературой о преодолении горя, но две книги все-таки приковывают мое внимание. Одна называется «Привет, Дебора, моя старая подруга» — это биография Кэтрин Эверенн-Хейстинг, вызвавшая неоднозначную реакцию у читателей. Вторая — бестселлер, о котором кричат на каждом углу: «Как говорить о смерти, если ты узнал, что умираешь», — написанный каким-то мужчиной, который все еще жив (и в чем тогда прикол?).

На полках я вижу многие из моих любимых триллеров и молодежных книг.

Я останавливаюсь в разделе любовных романов. Около дюжины книг здесь обернуто в крафтовую бумагу, на них — штампы «Свидание с книгой вслепую» и небольшие подсказки, которые должны зацепить покупателей. Что-то вроде короткого описания в профиле на сайте знакомств. Или в приложении «Последний друг».

— Ты когда-нибудь с кем-нибудь встречался? — спрашивает Руфус.

По-моему, ответ очевиден. Мило, что он не делает поспешных выводов.

— Не-а. — Я только влюблялся, но мне немного неловко признаться, что это были герои книг и сериалов. — Я упустил свой шанс. Может, в следующей жизни.

— Может, — соглашается Руфус.

Я чувствую, что он хочет сказать что-то еще. Возможно, отколоть шуточку, что мне стоило зарегистрироваться в «Некро», чтобы не умереть девственником, как будто бы секс и любовь — это одно и то же. Но Руфус молчит.

А может, я ошибаюсь.

— Эйми была твоей первой девушкой? — спрашиваю я и хватаю с полки обернутую бумагой книгу, на которой нарисован убегающий преступник с огромной червовой картой в руках и надписью: «Роман, который украдет ваше сердце».

— Это были мои первые серьезные отношения, — говорит Руфус, вращая стойку с открытками, на которых изображен Нью-Йорк. — Но в прежней школе у меня кое-что было с одноклассниками. Ничего серьезного, хоть мне и хотелось. А у тебя кто-то был? — Он берет со стойки открытку с фотографией Бруклинского моста. — Можешь отправить открытку.

Открытки.

Я улыбаюсь и беру одну, две, четыре, шесть, двенадцать открыток.

— Ты, я смотрю, влюбчивый, — замечает Руфус.

Я иду к кассе, где меня снова встречает Джоэл.

— Нам нужно отправить всем открытки, понимаешь? — Я специально ничего не уточняю, потому что не хочу сообщать продавцу, что покупатели, которым он пробивает чек, умрут сегодня в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. Не хочется портить ему день. — Плутонцам, одноклассникам…

— У меня нет их адресов, — перебивает Руфус.

— Отправь на адрес школы. У них должны быть адреса всех выпускников.

Это я и хочу сделать. Я покупаю таинственную книгу и открытки, благодарю Джоэла за помощь, и мы уходим. Руфус сказал, что в его отношениях самым главным была возможность откровенно делиться своими мыслями. Я могу сделать это при помощи открыток, но и голосом мне тоже придется воспользоваться.

— Впервые донимать отца по поводу любви я начал лет в девять, — говорю я, снова просматривая открытки с изображениями мест родного города, в которых так и не побывал. — Мне было интересно, где она прячется: под диваном или на верхней полке в шкафу, куда я пока не мог дотянуться. И ведь папа не говорил: «любовь в тебе самом» или «любовь повсюду вокруг нас».

Руфус катит велосипед рядом, и мы проходим мимо спортзала.

— Я заинтригован. Что же он тогда говорил?

— Что любовь — это суперспособность, данная каждому из нас, только эту суперспособность я не всегда смогу контролировать. Особенно когда повзрослею. Иногда будет накатывать волна чистого безумия, и главное — не бояться, если моя сила заденет кого-то, кого я даже не планировал задеть. — Лицо начинает гореть, я так хотел бы сейчас иметь суперздравый смысл, но мне его явно не хватает, потому что такие вещи не стоит произносить вслух. — Это было глупо. Прости.

Руфус останавливается и улыбается.

— Не, мне понравилось. Спасибо за эту историю, Суперматео.

— На самом деле я Мега-Мастер-Матеомэн. Так что не путай, сайдкик. — Я поднимаю взгляд с открыток. Мне очень нравятся его глаза. Карие и усталые, хотя он успел немного отдохнуть. — А как узнать настоящую любовь?

— Я…

Звон стекла — и нас внезапно отбрасывает назад, языки пламени охватывают визжащую толпу. *Вот и все.* Меня ударяет о водительскую дверцу ближайшего автомобиля, плечом я сбиваю зеркало заднего вида. Зрение меркнет: темнота, огонь, темнота, огонь. Я поворачиваюсь, и у меня хрустит шея; Руфус лежит рядом со мной. Его красивые карие глаза закрыты. Вокруг — мои открытки с видами Бруклинского моста, статуи Свободы, Юнион-сквер, Эмпайр-стейт-билдинг. Я подползаю ближе и весь напрягаюсь, протягивая к нему руку. Его сердце стучит мне в запястье. Как и мое, оно отчаянно не хочет останавливаться, особенно в такой сумятице. Наше дыхание беспорядочно, тревожно, испуганно. Понятия не имею, что случилось, осознаю только, что Руфус пытается открыть глаза, а люди вокруг кричат. Но не все. На земле лежат тела, чьи лица целуют бетон, а рядом с девушкой с разноцветными волосами, которая силится встать, лежит женщина, но глаза ее смотрят в небо, и кровь окрашивает лужу багровым.

РУФУС

13:14

Йоу. Чуть больше двенадцати часов назад мне позвонил чувак из Отдела Смерти, чтобы сообщить, что я не жилец. Я сижу на обочине, обнимая колени руками, как делал это на заднем сиденье скорой помощи в день смерти своей семьи. Я до кишок потрясен этим взрывом, такие видишь только в летних блокбастерах. Вокруг надрываются сирены полицейских машин и скорой помощи, пожарные тушат горящий спортзал, но куче людей это уже не поможет. Обреченным пора начинать носить специальные повязки или куртки, чтобы видеть друг друга и не грудиться в одном месте. Мы с Матео могли оказаться среди погибших, если бы задержались на пару минут. Хотя кто знает. Я знаю только одно: чуть больше двенадцати часов назад мне сообщили по телефону, что сегодня я умру, и я было подумал, что смирился с этой мыслью, однако никогда в жизни я не был напуган так сильно, как теперь, представляя, что ждет меня дальше.

МАТЕО

13:28

Пожар потушили.

Последние двадцать минут мой желудок настойчиво требовал пищи, как будто я могу взять тайм-аут в свой Последний день, чтобы поесть и при этом не потерять драгоценное время, и как будто мы с Руфусом только что не оказались рядом с эпицентром взрыва, который забрал жизни других Обреченных.

Свидетели разговаривают с полицейскими, а я не представляю, что они вообще могут рассказать. Взрыв, который разрушил спортзал, взялся из ниоткуда.

Topreading.ru

Я сижу рядом с Руфусом, его велосипедом и моим пакетом из книжного. Открытки разбросаны по асфальту, и там они и останутся. У меня нет сил писать кому-то послания, когда рядом в черных мешках лежат трупы Обреченных, которые скоро отправятся в морг.

Этому дню я не доверяю.

РУФУС

13:46

Пора двигать.

Больше всего я хотел бы сидеть за одним столом с плутонцами и болтать ни о чем, но помочь мне выйти из этого состояния может еще и велосипедная прогулка. Я гонял на велике и после смерти родителей и Оливии, и когда Эйми со мной порвала, и ночью после того, как избил Пека и получил предупреждение Отдела Смерти. Как только мы выбираемся из эпицентра паники и суеты, я сразу вскакиваю на велик и хватаюсь за руль. Матео избегает моего взгляда.

— Прошу, залезай, — говорю я. Это первое, что я произношу с того момента, как меня подбросило в воздух, точно рестлера.

— Нет, — говорит Матео. — Прости. Это небезопасно.

— Матео.

— Руфус.

— *Матео.*

— *Руфус.*

— Пожалуйста, Матео. После того что случилось, мне необходимо прокатиться, а оставлять тебя я не хочу. Мы должны *жить*, и точка. Мы оба знаем, как все для нас кончится, но я не хочу вспоминать какой-то момент и думать, что вот его-то мы потратили впустую. Это не какой-нибудь сон, мы точно не проснемся.

Не знаю, что мне еще делать. Встать на колени и умолять? Это не совсем в моем стиле, но я попробую и такой вариант, если только он заставит Матео поехать со мной.

Матео выглядит так, будто его укачало.

— Обещай ехать медленно, хорошо? Избегай крутых горок и луж.

— Обещаю.

Я протягиваю ему шлем, но он сначала отказывается, хотя я уверен на сто процентов, что он сейчас рискует больше меня. В конце концов Матео надевает шлем, вешает пакетик из книжного на руль, забирается на пеги на заднем колесе и хватает меня за плечи.

— Я не слишком впился? Не хочу упасть, хоть я и в шлеме.

— Нет, все отлично.

— Хорошо.

— Готов?

— Готов.

Я принимаюсь медленно крутить педали, ощущая, как жжет мышцы голеней, ведь я везу сразу двоих. Так бывает, когда бежишь в гору. Постепенно я вхожу в ритм и оставляю полицию, трупы и развалины спортзала далеко позади.

ДЕЙРДРЕ КЛЕЙТОН

13:50

Дейрдре Клейтон не позвонили из Отдела Смерти, потому что сегодня она не умрет, но она собирается доказать, что они ошиблись.

Дейрдре стоит на крыше своего восьмиэтажного дома. Снизу на нее смотрят двое грузчиков, либо прикидывая, как смягчить удар при помощи дивана, который они вносят в подъезд, либо делая ставки, Обреченная она или нет. Кровь и переломанные кости на тротуаре разрешат их спор.

Дейрдре не первый раз оказалась на такой высоте над землей. Семь лет назад, когда она еще училась в школе, а услуги Отдела Смерти всего несколько месяцев как стали доступны общественности, Дейрдре вызвали на драку после уроков. Шарлотта Симмонс, подстрекатели и другие ученики, которые только и знали, что Дейрдре — «лесбиянка-сирота», прибыли на предполагаемое место драки, а Дейрдре вместо этого была уже на крыше. Она никогда не понимала, как ее любовь к девушкам может вызывать у людей такую ненависть, и отказывалась оставаться и искать ту любовь, за которую все ее так ненавидели. Только тогда у Дейрдре была лучшая подруга, которая смогла ее отговорить.

Сегодня Дейрдре совсем одна, стоит и плачет, и колени у нее дрожат, потому что, как бы она ни хотела верить в то, что лучшее впереди, работа не позволяет ей этого делать. Девушка работает в офисе «Жизни в моменте», берет с Обреченных плату за острые ощущения и фальшивые переживания, фальшивые *воспоминания.* Она не понимает, почему эти Обреченные не сидят дома с родными и близкими, особенно те двое подростков, которые сегодня, уходя, говорили, что виртуальная реальность совсем не оправдала их ожиданий. Просто потратили зря время.

Те парни напомнили ей о рассказе, работу над которым она завершила сегодня утром. Рассказ предназначался только для ее глаз, и, когда на работе не было клиентов, он помогал ей отвлечься. Место действия рассказа — альтернативный мир, где у Отдела Смерти есть еще одно подразделение, которое называется Отдел Жизни. Он информирует Обреченных, когда те реинкарнируют, чтобы семьи и друзья знали, как найти их в следующем воплощении. Главные героини, пятнадцатилетние близняшки Эйнджел и Скайлар, с ужасом узнают, что Скайлар погибнет, и сразу же обращаются к услугам Отдела Жизни, чтобы выяснить, когда она переродится вновь. Эйнджел расстроена: она не сможет воссоединиться с сестрой еще целых семь лет, пока Скайлар не реинкарнирует в мальчика в какой-то австралийской семье. Скайлар

Topreading.ru

погибает, спасая жизнь своей сестре, и история заканчивается тем, что разбитая горем Эйнджел кладет первые сто долларов в копилку-свинюшку и начинает откладывать на поездку в Австралию через семь лет, чтобы снова поприветствовать сестру на земле, пусть и в виде новорожденного мальчика.

Дейрдре думала, что продолжит эту историю, но теперь к черту все. Отдела Жизни не существует, и она не собирается ждать, пока Отдел Смерти сообщит о том, что ее время истекло. Она живет в мире насилия и страха, в котором дети умирают, не успев пожить, и не хочет больше быть его частью.

Так просто будет спрыгнуть…

Она стоит на одной ноге, дрожа всем телом, и теперь уже в любой момент может сорваться вниз. Однажды на работе она соскользнула с крыши, когда занималась виртуальным паркуром, но то была не более чем иллюзия.

Смертельное пророчество Дейрдре получила вместе со своим именем, именем героини ирландской мифологии, которая покончила с собой.

Приготовившись к полету, Дейрдре бросает взгляд вниз и видит, как из-за угла выворачивают два парня на велосипеде. Они напоминают тех двух парней, которых она видела утром.

Дейрдре заглядывает глубоко внутрь себя, глубже, чем таится ложь и безнадежность, глубже даже самой правдивой правды о том, как нарастает внутри нее облегчение при мысли, что вот сейчас она полетит с крыши вниз. Она видит: эти парни живы, и чувствует, что не так уж мертва изнутри.

Одного намерения бывает недостаточно, чтобы на самом деле умереть. Дейрдре хорошо это знает, потому что прожила не счесть сколько дней, когда просыпалась и видела вокруг только несовершенство мира, однако теперь, оказавшись один на один с возможностью доказать Отделу Смерти, что и он тоже может ошибаться, Дейрдре принимает правильное решение и выбирает жизнь.

МАТЕО

13:52

А велосипед-то не самая плохая вещь в мире.

Я сжимаю плечи Руфуса, когда он делает резкий поворот налево, объезжая грузчиков, которые почему-то задрали головы и смотрят в небо, вместо того чтобы затаскивать в подъезд диван. И мы продолжаем плавное движение по улице.

Сначала, когда мы только тронулись, у меня дрожали коленки, но вот Руфус ускорился, нам в лицо дует легкий ветерок, и я с благодарностью доверяюсь своему новому другу.

Это чувство так освобождает…

Мне кажется, быстрее ехать нам не стоит, но эта велосипедная прогулка волнует кровь куда сильнее, чем прыжок с парашюта в «Жизни в моменте». Да, кататься на велосипеде — занятие

более захватывающее, чем — в кавычках — прыжок с борта самолета.

Если б я не был таким трусом (и Обреченным), я бы сейчас облокотился на Руфуса, перенес на него весь свой вес. Я бы раскинул руки и закрыл глаза, но это слишком рискованно, так что я просто держу его за плечи, что тоже по-своему классно. Но когда мы доберемся до пункта назначения, я планирую совершить что-то маленькое, но отважное.

РУФУС

14:12

Я замедляюсь, когда мы въезжаем в парк Алтеа. Руки Матео соскальзывают с моих плеч, и крутить педали сразу становится легче. Я торможу. Поворачиваюсь, ожидая увидеть, что он разбил лицо или расколол череп, несмотря на шлем. Но Матео бежит ко мне, и на лице его сияет улыбка. Он в порядке.

— Ты спрыгнул, что ли?

— Ага! — Матео снимает шлем.

— Сначала ты вообще не хочешь на велик, а теперь берешь и спрыгиваешь на ходу?

— Я поддался моменту.

Я бы с радостью приписал все заслуги себе, но ведь это желание всегда сидело в Матео: сделать что-нибудь рискованное и необычное. Просто он слишком боялся сделать первый шаг.

— Тебе лучше? — спрашивает Матео.

— Немного, — признаюсь я и слезаю с велика. Я хромаю к пустынной детской площадке, рядом с которой в коробке играют в гандбол несколько парней, на вид — студентов. Едва кто-то промахивается, все они гонятся за мячом, и из-под ног у них летят брызги. Мои баскетбольные шорты намокли и испачкались еще на кладбище, то же самое случилось с джинсами Матео, поэтому мокрая скамейка нас не пугает, и мы вдвоем на нее присаживаемся. — Ужасно, что мы с тобой там оказались.

— Да. Не хочется видеть, как кто-то погибает, даже если ты этих людей не знаешь.

— Этот взрыв выбил меня из моей зоны пофигизма. Мое «я готов к тому, что с нами произойдет» — чушь собачья, и мне страшно до чертиков. Мы реально можем погибнуть в ближайшие полминуты от какой-нибудь шальной пули, и меня это выбешивает. Каждый раз, когда я начинаю паниковать, я приезжаю сюда. Неизменно.

— Но ведь и хорошие события тебя сюда приводили, — замечает Матео. — Например, твой первый веломарафон. — Он глубоко вздыхает. — И первый поцелуй с какой-то там девчонкой.

— Ага. — Мысль о поцелуе явно не идет у него из головы. Думаю, интуиция меня не подводит. Я молчу довольно продолжительный отрезок времени, просто наблюдая за тем, как белки лазают по деревьям и птицы гоняются друг за другом по земле. — Ты когда-нибудь играл в

«Гладиатора»?

— Игру я знаю, — отвечает он.

— Отлично. А играл?

— Видел, как играют другие.

— То есть нет.

— Нет.

Я встаю, поднимаю Матео за запястья и веду к турникам.

— Как насчет матча? Бросаю тебе вызов.

— Отказаться я не могу, так?

— Конечно нет.

— Мы только что пережили взрыв.

— Тогда что нам еще капелька боли?

Гладиатор на турнике — не такое ожесточенное зрелище, как древний бой в колизее, но я видел, как, играя в него, мои одноклассники друг друга калечили. Черт, некоторых из них калечил я сам. Два игрока (их называют гладиаторами) свешиваются с турников друг напротив друга и пытаются сбить соперника на землю. Это самая дикая детская игра, но до ужаса веселая. Мы оба довольно высокие, так что могли бы просто встать на цыпочки и взяться за перекладину, но я подпрыгиваю и подтягиваюсь. Матео тоже подпрыгивает и хватается за турник, но мышцы у него совсем слабые, и уже через десять секунд он снова оказывается на земле. Тогда он подпрыгивает вновь и на этот раз удерживается на перекладине. Я считаю до трех, и мы начинаем раскачиваться друг к другу, стремительно сокращая и без того маленькое расстояние между нами. На весу я пинаю Матео, и он резко отклоняется в сторону, едва не упав. Я поднимаю ноги выше и обхватываю его ими за талию. Матео пытается вывернуться из моей хватки, а я трясу его изо всех сил, и тут без шансов. Руки начинают побаливать, и, когда он, смеясь, отпускает свои, я падаю на мат вместе с ним. Я приземляюсь, и боль волнами прокатывается по моему телу, но не убивает меня. Мы лежим рядом и смеемся, разминая уставшие локти и ноги. Наши спины совсем намокли, и мы оба скользим и никак не можем подняться на ноги. Идиоты. Матео удается встать первым, и он помогает мне.

— Я же выиграл, да? — говорю я.

— По-моему, ничья, — говорит он.

— Переиграем?

— Нет уж, спасибо. Готов поклясться: пока мы падали, вся жизнь пронеслась у меня перед глазами.

Я улыбаюсь.

— Хочу сказать тебе кое-что начистоту, Матео. — Я часто называю его по имени, хотя, очевидно, обращаюсь именно к нему, просто имя такое клевое — ну серьезно — *Матео.* —

Последние несколько месяцев были чистым мучением. Я уже безо всяких звонков чувствовал, что жизнь моя на исходе. Бывали дни, когда я уверял себя, что смогу доказать погрешимость Отдела Смерти и спрыгнуть в реку вместе с великом. Но кроме страха я сейчас испытываю огромную злость, ведь у меня в жизни уже столького не будет. Времени… И всего прочего, к примеру…

— Ты же не собираешься прикончить себя сегодня, так? — спрашивает Матео.

— Сам себя я не трону, обещаю. Не хочу, чтобы все заканчивалось. Только, пожалуйста, прошу, не умирай раньше меня. Я не хочу этого видеть.

— Только если пообещаешь мне то же самое.

— Мы не можем пообещать это оба.

— Тогда я обещать не стану, — пожимает плечами Матео. — Я не хочу, чтобы ты видел, как я умру, но и смотреть, как умираешь ты, я тоже не хочу.

— Ужас какой. Ты действительно готов прослыть Обреченным, который отказал другому Обреченному в его предсмертном желании?

— Я не стану обещать, что заставлю себя смотреть, как ты умираешь. Ты мой Последний друг, это меня уничтожит.

— Ты не заслуживаешь смерти, Матео.

— Думаю, никто ее не заслуживает.

— Кроме серийных убийц, да?

Он не отвечает, наверняка думая, что мне его ответ не понравится. Но если так, то я тем более прав: Матео не заслуживает смерти.

Гандбольный мяч с отскока летит к нам, и Матео подрывается его поймать. Следом уже бежит один из игроков, но Матео его опережает и бросает ему мяч.

— Спасибо, — отвечает парень.

Он очень бледен, как будто почти никогда не выходит из дома. Какую дерьмовую ненастную погодку он выбрал для того, чтобы погонять мяч. Ему, кажется, лет девятнадцать-двадцать, но не исключено, что он и нашего возраста.

— Не за что, — говорит Матео.

Паренек собирается было уйти, как вдруг замечает мой велосипед.

— Класс! Это же *Trek*?

— Да. Покупал для соревнований на пересеченной местности. У тебя такой же?

— Мой сломался. Тормоза стали отказывать, и крепление на сиденье слетело. Куплю себе новый, когда найду работу, за которую платят больше восьми баксов в час.

Topreading.ru

— Возьми мой, — говорю я. Я могу это сделать. Я иду к своему велику, который однажды провез меня через адскую гонку и помогал добраться всюду, куда я только хотел, и качу его навстречу этому парнишке. — Сегодня твой счастливый день, серьезно. Мой друг не хочет, чтобы я на нем ездил, так что можешь забирать.

— Ты серьезно?

— Уверен? — спрашивает Матео.

Я киваю.

— Он твой, — говорю я парню. — Попробуй прокатись. Я все равно скоро перееду и взять его с собой не смогу.

Парень перебрасывает мяч друзьям, которые все это время зовут его вернуться в игру. Он садится на велик и переключает скорости.

— Погоди. Ты же его ни у кого не спер?

— Не-а.

— Или он неисправный? Ты не поэтому от него отказываешься?

— Он исправен. Слушай, он тебе нужен или нет?

— Да-да, все норм. Может, я тебе хоть сколько-то заплачу?

Я качаю головой.

— Все норм, — эхом отзываюсь я.

Матео отдает парню шлем, но он не сразу его надевает и уезжает к своим друзьям. Я достаю телефон и несколько раз щелкаю, как он едет на моем велике, привстав на педалях спиной ко мне, а его друзья на фоне играют в гандбол. Это шикарный портрет детей — немного старше меня, но все же детей, не цепляйтесь к словам, — слишком молодых, чтобы беспокоиться о такой хрени, как предупреждение Отдела Смерти. Они знают, что их день закончится так же, как обычно.

— Хороший ход, — говорит Матео.

— Я успел прокатиться в последний раз. Я доволен. — Я делаю и другие фотографии: игра в гандбол в самом разгаре, турники, на которых мы играли в Гладиатора, высокая желтая горка, качели. — Пойдем.

Я едва не возвращаюсь за великом, но потом вспоминаю, что только что его отдал. Мне становится легче, как будто у моей тени закончился рабочий день и она ушла прочь, показав рукой знак мира. Матео идет за мной к качелям.

— Ты говорил, что приходил сюда с папой, да? Называть облака и все такое? Давай покачаемся.

Матео садится на качели, хватается за цепи мертвой хваткой (я-то знаю), делает несколько шагов назад — и летит вперед. Кажется, что ногами он может повалить здание. Я

фотографирую его, а потом сажусь на соседние качели, зажав цепи локтями, и умудряюсь сделать еще несколько фотографий. Риск и для меня, и для телефона (да знаю, знаю), но после четырех смазанных кадров пятый получается четким. Матео показывает пальцем на темные дождевые облака, и меня до печенок пронзает ощущение, что я проживаю этот момент с человеком, который совсем не заслуживает смерти.

Скоро снова пойдет дождь, но сейчас мы качаемся туда-сюда, и мне интересно, думает ли Матео о том, что если мы, два Обреченных, качаемся на качелях друг рядом с другом, то вся конструкция может рухнуть и убить нас? А может, мы раскачаемся до таких высот, что буквально вылетим с сидений и умрем при падении? Но я чувствую себя в безопасности.

Мы замедляемся, и я кричу Матео:

— Плутонцы развеют мой прах в этом парке.

— Место твоих перемен! — кричит Матео, и качели уносят его назад. — А сегодня есть какие-то перемены? Кроме очевидных?

— Да!

— И какие же?

Я улыбаюсь ему, и наши качели останавливаются.

— Я отдал свой велосипед. — Я знаю, о чем он на самом деле спрашивает, но не клюю на его наживку. Он должен сам сделать первый шаг, я не могу украсть такой момент, слишком он важен. Матео встает, а я продолжаю сидеть на качелях. — Странно думать, что я в последний раз оказался в этом парке. Во плоти, с бьющимся сердцем.

Матео оглядывается. Он тоже тут в последний раз.

— Ты когда-нибудь слышал о том, как Обреченные превращаются в деревья? Знаю, звучит как сказка. Но организация «Живая урна» дает возможность поместить прах человека в биоразлагаемый контейнер, внутрь которого кладут древесное семечко. Оно вбирает в себя питательные вещества из праха или типа того. Я сначала думал, это фантастика. Но нет. Наука.

— И, может быть, тогда мой прах не будет развеян по земле, на которую гадят собаки, а я продолжу жить в виде дерева?

— Да. И другие подростки будут вырезать в твоей коре сердечки, а ты сможешь производить кислород. Людям нравится дышать, — говорит Матео.

Начинает моросить; я встаю с качелей, и за спиной лязгают цепи.

— Пойдем куда-нибудь, где посуше, чудо в перьях.

Вернуться в обличии дерева было бы прикольно, тогда я как будто снова провел бы детство в парке Алтеа. Но вслух я об этом не говорю, потому что, блин, нельзя расхаживать по городу, рассказывать кому ни попадя, что ты хочешь быть деревом, и ожидать, что тебя воспримут всерьез.

ДЭМЬЕН РИВАС

14:22

Дэмьену Ривасу не позвонили из Отдела Смерти, потому что сегодня он не умрет, и он думает об этом с досадой, ведь жизнь, которой он живет в последнее время, совсем его не радует. Дэмьен всегда был любителем острых ощущений. Он забирался на новые американские горки каждое лето, стоило только дорасти до нужной отметки. Крал конфеты в магазине или деньги из отцовского кошелька. Дрался с теми, кто был здоровее, как Давид на фоне Голиафа. Возглавлял уличные банды.

Играть в дартс с самим собой — занятие не то чтобы захватывающее.

Разговаривать с Пеком по телефону — тем более.

— Звонят копам только трусливые сучки, — говорит Дэмьен громко, чтобы Пеку было слышно его по громкой связи. — А звонить за кого-то еще вообще было против всех моих правил.

— Знаю. Ты любишь, только когда копов вызывают из-за тебя, — отвечает Пек.

Дэмьен кивает, как будто Пек его видит.

— Нужно было самим с ним разобраться.

— Ты прав, — соглашается Пек. — Копы так этого Руфуса и не поймали. Наверное, забили на него, потому что он Обреченный.

— Давай-ка свершим правосудие сами, — предлагает Дэмьен. По его венам разливаются возбуждение и решительность. Все лето он прожил далеко от опасного края и вот теперь становится все ближе и ближе к нему, своему самому любимому месту на земле.

Вместо мишени он представляет лицо Руфуса. Он бросает дротик и попадает в яблочко: острие вонзается Руфусу ровно между глаз.

МАТЕО

14:34

Снова идет дождь, теперь еще сильнее, чем тогда, на кладбище. Я чувствую себя птичкой, найденной в детстве, той, по которой барабанил дождь. Птичкой, покинувшей гнездо, когда она еще не была к этому готова.

— Нужно куда-нибудь зайти, — говорю я.

— Боишься простудиться?

— Боюсь попасть в ряды тех статистических единиц, кого убивает молнией. — Мы прячемся под навесом зоомагазина, и щеночки на витрине отвлекают нас от размышлений о дальнейших планах. — У меня идея. Тебе как исследователю окружающего мира может понравиться. Как насчет покататься на поезде туда-сюда? Я так много чего не успел посмотреть в собственном городе… Вдруг нам попадется что-то прикольное? Впрочем, забудь, это тупость.

— Ничего не тупость. Я прекрасно понимаю, о чем ты! — Руфус направляется к ближайшей станции метро. — И вообще у нас огромный город. Можно прожить в нем всю жизнь и ни разу не пройти по некоторым улицам или районам. Мне однажды приснилось, как я отправился в какое-то жесткое велопутешествие и шины моего велика были выкрашены светящейся в темноте краской, так что я решил раскрасить город так, чтобы к полуночи все его улицы засветились.

Я улыбаюсь.

— И как, получилось? — В этом сне выражение «гонка со временем» приобретает буквальное значение.

— Не-а, кажется, в тот сон вклинился какой-то эротический сюжет или типа того, и я проснулся, — говорит Руфус. Наверное, он уже не девственник, но я не спрашиваю, не мое это дело.

Мы снова едем в южную часть Манхэттена. Кто знает, как далеко нам удастся заехать. Может быть, мы доедем поездом метро до конечной, пересядем на автобус и на нем доберемся до какой-нибудь еще более дальней остановки. А может быть, вообще очутимся в другом штате, скажем в Нью-Джерси.

Вот и поезд, двери открываются, мы запрыгиваем в него с платформы и находим пустую скамейку в углу.

— Давай сыграем в игру, — говорит Руфус.

— Только не в «Гладиатора».

Руфус мотает головой.

— Нет. Это игра под названием «Попутчик», мы играли в нее с Оливией. Нужно придумывать истории о соседе-пассажире, кто он такой и куда едет. — Он пододвигается ближе и прижимается ко мне, после чего незаметно указывает на женщину в голубой униформе медсестры под курткой и с пакетом в руках. — Она едет домой поспать пару часов, а потом врубить погромче какую-нибудь попсу и начать готовиться к первому выходному за девять дней. Она еще не знает, что ее любимый бар закрыли на ремонт.

— Фигово, — говорю я. Руфус поворачивается ко мне и жестом меня подгоняет, мол, продолжай, твоя очередь. — Ой. Тогда она вернется домой и на каком-нибудь кабельном канале наткнется на свой любимый фильм, а во время рекламы будет отвечать на электронные письма от друзей. — Он улыбается. — Что?

— Вообще-то все начиналось довольно авантюрно.

— Вообще-то она легла спать.

— Чтобы запастись энергией и тусить всю ночь!

— Я подумал, ей захочется узнать, как там ее друзья. Наверное, она не успевает отвечать на эсэмэски и телефонные звонки, потому что обычно слишком занята, спасая жизни и принимая роды. Поверь мне, это ей тоже нужно. — Я киваю в сторону девушки с огромными, как кулаки, наушниками, крашеной платиновой блондинки. Она рисует что-то разноцветное голубым стилусом на экране планшета. — Она получила планшет на день рождения неделю назад и на

самом деле изначально хотела играть на нем в игры и болтать с друзьями по видеосвязи, но потом обнаружила приложение для дизайнеров и стала от скуки с ним экспериментировать. А теперь на него подсела.

— Мне нравится, — говорит Руфус. Поезд останавливается, и девушка принимается засовывать все свои пожитки в яркую сумку-шопер. Она выбегает из вагона ровно за мгновение до того, как закрывается дверь, точно в каком-нибудь экшене. — А сейчас она пойдет домой, где опоздает на видеочат с друзьями, потому что слишком увлечена своим новым рисунком.

Мы продолжаем играть в «Попутчика». Руфус указывает на девушку с чемоданом. Ему кажется, что она сбежала из дома, но я его поправляю: на самом деле она как раз возвращается домой после серьезной ссоры с сестрой, чтобы наладить с ней отношения. Ну, то есть любому человеку с глазами понятно, что именно так все и есть. Еще один пассажир, мокрый насквозь мужчина, не смог починить машину и был вынужден оставить на обочине свой пикап — нет, погоди, свой «мерседес», поправляет меня Руфус, потому что поездка на метро для такого богача — дело весьма унизительное. Несколько студентов Нью-Йоркского университета запрыгивают в вагон с зонтами в руках — наверное, сегодня началась ориентационная неделя. У них впереди вся жизнь, и мы в скоростном режиме предсказываем, кем они станут в будущем: вот судья по семейным делам, в роду у которой сплошь художники; вот комик, которая будет выступать в Лос-Анджелесе, где все полюбят ее шутки про пробки на дорогах; вот импресарио, которая в первые несколько лет не будет особенно успешна, но все-таки дождется своего звездного часа; вот сценарист детского ТВ-шоу о монстрах-спортсменах; вот инструктор по скайдайвингу, и это забавно, потому что усы у него подкручены вверх, так что при каждом прыжке они, наверное, улыбаются против ветра.

Интересно, если бы еще кто-нибудь в вагоне играл в «Попутчика», что бы они предсказали нам с Руфусом?

Руфус хлопает меня по плечу и, когда двери открываются, указывает на выход.

— Слушай, а это разве не та станция, на которой мы спонтанно купили абонементы в зал?

— М?

— Да, точно! Ты тогда хотел накачаться после того, как какой-то придурок толкнул тебя на концерте *Bleachers*, помнишь? — говорит Руфус, когда двери закрываются.

Я никогда не был на концерте *Bleachers*, но сразу понял правила игры.

— Ты перепутал, Руфус. Тот чувак толкнул меня на концерте группы *Fun*. А это станция, где мы с тобой набили тату.

— Точно. И татуировщик, Баркли…

— Бейкер, — исправляю я. — Помнишь? Татуировщик Бейкер, который бросил учебу в меде.

— Точня-ак. Мы застали его в хорошем настроении, и он предложил нам акцию «1+1». Я набил на предплечье велосипедную шину, — он хлопает себя по руке, — а ты?..

— А я — самца морского конька.

Руфус так растерян, что кажется, будто он сейчас попросит тайм-аут, чтобы понять, в одну и ту же игру мы играем или нет.

— Э-э… Напомни-ка мне, почему ты выбрал именно его?

— Мой папа очень любит самцов морских коньков. Он вырастил меня один, ты же помнишь? Поверить не могу, что ты забыл значение татуировки у меня на плече. Нет, на запястье. На запястье, точно. Так круче.

— Поверить не могу, что ты забыл, где у тебя татуировка.

Когда мы подъезжаем к следующей станции, Руфус перебрасывает нас в будущее:

— А вот здесь я обычно выхожу, когда иду на работу. По крайней мере, если я в офисе, а не где-нибудь на курорте, куда меня то и дело отправляют за репортажем. Самое удивительное, что я работаю в здании, которое спроектировал и построил ты.

— Да, Руфус, какое удивление!

Я опускаю взгляд на то место, где должна быть набита моя татуировка с морским коньком.

В будущем Руфус — тревел-блогер, а я архитектор. У нас есть татуировки, которые мы набили вместе. Мы ходим на такое количество концертов, что Руфус не может удержать их все в голове. Я почти жалею, что у нас так разыгралась фантазия, потому что поддельные воспоминания о нашей дружбе восхитительны. Только представьте, каково это: пережить то, чего с вами никогда не происходило.

— Мы должны оставить тут свой след, — говорю я и встаю.

— Идем мочиться на пожарные гидранты?

Я кладу на сиденье купленную вслепую книжку.

— Не знаю, кто ее найдет. Но разве не прикольно знать, что она точно кому-то достанется, если мы ее здесь оставим?

— Еще как. Это место настоящего счастливчика, — говорит Руфус и встает.

Поезд останавливается и открывает двери. Должно быть в жизни что-то еще кроме будущего, которое мы рисуем в своем воображении. Не могу я просто мечтать о будущем. Я должен рискнуть и создать его.

— Я очень хочу кое-что сделать, — говорю я.

— Выходим, — отвечает Руфус с улыбкой.

Мы покидаем вагон, проскочив в закрывающиеся двери и едва не столкнувшись с двумя девушками, и идем прочь из метро.

ЗОИ ЛЭНДОН

14:57

Зои Лэндон позвонили из Отдела Смерти в 00:34, чтобы сообщить, что сегодня она умрет. Ей было одиноко, ведь она всего восемь дней назад переехала в Нью-Йорк и *сегодня* должна была начать учебу в Нью-Йоркском университете. Даже вещи свои еще не распаковала, не то что друзей не завела. Хорошо, что приложение «Последний друг» оказалось от нее всего в одном клике. Первое сообщение Зои написала парню по имени Матео, но он не ответил. Может, его уже нет. Может, он просто проигнорировал ее послание. А может, уже нашел Последнего друга.

Как это в конце концов сделала и сама Зои.

Зои и Габриэлла запрыгивают в вагон прямо перед тем, как закрываются двери, и в дверях сталкиваются с двумя парнями. Потом бегут к сиденью в уголке, но останавливаются, когда видят на нем предмет, обернутый в бумагу. Прямоугольный. Каждый раз, когда Зои заходит в метро, она видит повсюду объявления о том, что необходимо сообщать работникам метрополитена о подозрительных предметах. И вот она видит *подозрительный предмет.*

— Дело плохо, — говорит Зои. — Тебе лучше выйти на следующей остановке.

Габриэлла, которая ничего не боится, потому что сегодня предупреждения не получала, берет предмет в руки.

Зои вздрагивает.

— Это книжка, — говорит Габриэлла. — А! Так еще и книжка-сюрприз! — Она садится и рассматривает картинку с убегающим преступником. — Офигенный арт.

Зои присаживается рядом с ней. Рисунок кажется ей миленьким, да и только, но из уважения она не спорит с Габриэллой.

— Моя очередь делиться с тобой секретом, — говорит Габриэлла. — Если хочешь.

Зои сегодня рассказала Габриэлле все свои секреты до одного. Те, которые они с подружками детства клялись на мизинчике не раскрывать ни единой живой душе. Душераздирающие тайны, которые она всегда держала при себе, потому что говорить о них вслух было слишком тяжело. Вместе девушки смеялись и плакали, как будто всю жизнь были лучшими подругами.

— Я унесу твой секрет в могилу, — говорит Зои. Ей не смешно, Габриэлла тоже не смеется, а сжимает руку новой подруги, чтобы дать ей понять, что все будет хорошо. Обещание, не основанное ни на чем кроме интуиции. И к черту доказательства существования загробной жизни.

— Это не то чтобы большой секрет, но я Бэтмен… Бэтмен граффити-мира Манхэттена, — говорит Габриэлла.

— О, ты на секунду меня заинтриговала, Бэтмен… граффити-мира Манхэттена, — отвечает Зои.

— Моя специализация — граффити-реклама приложения «Последний друг». Где-то я оставляю рисунки маркерами, например на меню или на постерах в поездах, но граффити — моя настоящая любовь. В рисунках я делаю отсылки на каждого Последнего друга, с которым познакомилась. Везде, где могу. За последнюю неделю я изрисовала прикольными силуэтами из заставки приложения стены у «Макдональдса», возле двух больниц и у лавки с супом навынос. Надеюсь, приложением будет пользоваться больше народу. — Габриэлла стучит

пальцами по обложке книги. Сначала Зои думала, что цветная каемка вокруг ее ногтей — это остатки неудачного маникюра, но теперь она знает правду. — Короче. Я люблю рисовать и обязательно украшу твоим именем какой-нибудь почтовый ящик или типа того.

— Может, где-нибудь в районе Бродвея? Мое имя никогда не окажется в свете софитов, но все же будет где-то там, неподалеку, — говорит Зои. И обдумывает свою просьбу, рисуя картинки в воображении. Ее сердце переполнено чувствами и в то же время опустошено.

Пассажиры поднимают головы от своих газет и мобильных игр и смотрят на Зои. На одних лицах читается безразличие, на других — жалость. В глазах чернокожей женщины с великолепным афро читается неподдельная печаль.

— Очень жаль, что вас не станет, — говорит женщина.

— Спасибо, — отвечает Зои.

Женщина снова утыкается в свой телефон.

Зои подвигается ближе к Габриэлле.

— Кажется, я поставила нас в неловкое положение, — замечает она, понизив голос.

— Говори открыто, пока можешь, — произносит Габриэлла.

— Давай посмотрим, что это за книга, — предлагает Зои. Ей любопытно. — Открывай.

Но Габриэлла протягивает книгу Зои.

— Сама открывай. Это твой…

— Сегодня у меня Последний день, а не день рождения, — усмехается Зои. — Подарок мне не нужен, и я уж точно не планирую читать книжки в ближайшие… — Зои смотрит на часы, и у нее кружится голова. Жить ей осталось максимум девять часов, а читает она *очень* медленно. — Считай, что этот оставленный кем-то подарок — это мой подарок тебе. Благодарность за то, что ты мой Последний друг.

Женщина напротив них поднимает голову и вскидывает брови.

— Простите, что влезаю, но мне чрезвычайно радостно слышать, что вы Последние друзья. Как хорошо, что вы нашли близкого человека в свой Последний день. — Она указывает на Габриэллу. — А вы помогаете ей прожить дни на полную. Это прекрасно.

Габриэлла обнимает Зои за плечо и прижимается ее к себе. Они благодарят женщину за добрые слова.

Разумеется, именно в Последний день Зои встречает самых дружелюбных ньюйоркцев.

— Давай распакуем ее вместе, — предлагает Габриэлла, возвращаясь к книжке.

— Давай, — соглашается Зои.

Зои надеется, что Габриэлла по мере возможности продолжит знакомиться с Обреченными.

Topreading.ru

Жизнь не предназначена для того, чтобы проживать ее в одиночестве. А уж Последние дни тем более.

МАТЕО

15:18

Встретиться с Лидией — огромный риск, но я очень хочу рискнуть.

Подъезжает автобус; мы пропускаем вперед всех желающих и только потом залезаем в него сами. Я спрашиваю водителя, получил ли он сегодня предупреждение, и мужчина качает головой. Значит, поездка должна быть безопасной. Мы, конечно, можем умереть и в автобусе, но вероятность того, что автобус разлетится на куски и убьет нас, а всех остальных покалечит, довольно мала.

Я прошу у Руфуса телефон, чтобы позвонить Лидии. Батарейка на моем садится, осталось чуть больше тридцати процентов, и я хочу, чтобы со мной всегда могли связаться из больницы в случае, если папа придет в сознание. Я ухожу в самый конец автобуса и набираю номер Лидии.

Лидия снимает трубку практически мгновенно, но молчит, прежде чем ответить. Так было в первые недели после смерти Кристиана.

— Алло?

— Привет, — говорю я.

— Матео!

— Прости меня, я…

— Ты заблокировал мой номер! Это я тебя научила блокировать людей!

— Мне пришлось…

— Как ты мог ничего мне не сказать?

— Я…

— Матео, твою мать, я твоя лучшая подруга! — Пенни, не слушай мамочку! — ты совсем охерел не говорить мне о том, что сегодня умрешь?!

— Я не хотел…

— Ой, да заткнись! Ты в порядке? Как у тебя дела?

Мне всегда казалось, что Лидия — как монетка, подброшенная в воздух. Решка — это когда она так злится, что не хочет с тобой общаться, а орел — когда видит тебя насквозь. Кажется, сейчас выпал орел, но как знать.

— Я в порядке, Лидия. Я с другом. Новым другом, — говорю я.

— Каким другом? Как вы познакомились?

— Через приложение «Последний друг», — говорю я. — Его зовут Руфус. Он тоже Обреченный.

— Я хочу увидеться.

— Я тоже. Потому и звоню. Ты можешь где-нибудь оставить Пенни и встретиться со мной в «Арене путешествий»?

— Бабуля уже здесь. Я ей позвонила, распсиховавшись, как черт, несколько часов назад, и она пришла домой с работы. Я тогда сейчас же выезжаю, но ты, пожалуйста, доберись туда в целости и сохранности. Не беги. Иди медленно, только дорогу переходи быстро. И только на зеленый и тогда, когда в поле зрения нет машин — плевать, горит им красный или они стоят у обочины. А вообще стой и не двигайся. Где ты сейчас? Я за тобой заеду. Не двигайся, но если рядом ошивается кто-нибудь подозрительный…

— Мы с Руфусом уже в автобусе, — перебиваю я.

— Два Обреченных в одном автобусе? Вам что, жить надоело? Матео, ты представляешь, какой это риск? Автобус может перевернуться.

У меня горят щеки.

— Жить мне не надоело, — тихо произношу я.

— Прости. Затыкаюсь. Только прошу, будь осторожен. Мне нужно увидеть тебя в После… Мне нужно тебя увидеть, понял?

— Ты меня увидишь, и я тебя увижу. Обещаю.

— Я не хочу вешать трубку.

— И я.

И мы не вешаем трубку. Мы, наверное, могли бы (и должны были бы) в это время говорить о наших воспоминаниях или извиняться за все подряд на случай, если у меня не получится сдержать обещание, но нет, мы болтаем о том, как Пенни только что ударила себя по голове большой игрушкой и не заплакала, как настоящий боец. По-моему, новые воспоминания, над которыми можно посмеяться, ничем не хуже старых. А может быть, даже лучше.

Мне не хочется сажать батарею на телефоне Руфуса, вдруг плутонцы заходят ему позвонить, поэтому мы с Лидией договариваемся повесить трубку одновременно. Когда я нажимаю кнопку сброса, мое настроение резко ухудшается, и мир снова своей тяжестью давит мне на плечи.

ПЕК

15:21

Пек снова собирает банду.

Банду без названия.

Пек получил свое прозвище, потому что в его ударах нет настоящей силы[12]. Они скорее раздражают, чем наносят вред, как птичьи клевки. Если хочешь кого-то завалить, зови Короля Нокаута. Пек, конечно, может кого-нибудь отмахать, если потребуется, но Дэмьен и Кендрик редко берут его с собой на дела, только под ногами будет путаться. Зато ценным Пека делает доступ к настоящему оружию.

Он идет к своему шкафу и спиной чувствует взгляды Дэмьена и Кендрика. Дальше все устроено по принципу матрешки, Пек это сам придумал. Он открывает шкаф и думает, хватит ли ему смелости. Он открывает корзину с крышкой и гадает, сможет ли больше не видеть Эйми, ведь она точно никогда его не простит, если узнает, что он виноват. Он открывает последнюю коробку, коробку из-под обуви, зная, что должен наконец начать себя уважать.

Пек начнет себя уважать, разрядив пистолет в того, кто не уважает его.

— Что дальше? — спрашивает Дэмьен.

Пек открывает инстаграм, находит аккаунт Руфуса и приходит в ярость, обнаружив новые комментарии от Эйми о том, как сильно она скучает. Пек продолжает снова и снова обновлять страницу.

— Ждем.

МАТЕО

15:26

Дождь переходит в изморось, когда автобус останавливается у «Арены путешествий» на пересечении Двенадцатой авеню и Тридцатой улицы. Я спускаюсь из салона первым, и позади меня раздается скрип и крик «ЧЕРТ!». Я вовремя поворачиваюсь и хватаюсь за поручень, чтобы Руфус не выпал ничком из автобуса и не забрал меня с собой. Он подкачан, поэтому я чувствую, как мои плечи сдавливает под его весом, но Руфус удерживает нас обоих.

— Мокрый пол, — поясняет он. — Прости.

Мы на месте.

Мы целы и невредимы.

Мы прикрываем друг друга. Мы растянем этот день по максимуму, как будто вместе мы — летнее солнцестояние.

«Арена путешествий» всегда напоминала мне Музей естественной истории, только она вполовину меньше, а вокруг купола развешены флаги разных стран. Гудзон здесь совсем близко, но Руфусу я об этом не напоминаю. Арена вмещает максимум три тысячи человек, и этого вполне достаточно для Обреченных, их гостей, неизлечимо больных и всех остальных, кто хочет получить новые впечатления.

Мы решаем купить билеты, пока ждем Лидию.

Нам помогает сотрудник Арены. Здесь три очереди, организованные в порядке срочности: люди со смертельными заболеваниями, люди, которые умрут сегодня по непонятным

Topreading.ru

причинам, и скучающие обыватели. Чтобы понять, к какой очереди нам следует присоединиться, стоит лишь взглянуть на соседние. Справа от нас все хохочут, делают селфи и отправляют сообщения. Слева ничего подобного не происходит: молодая женщина с обернутой платком головой опирается на кислородный баллон; другие дышат с ужасным хрипом; кто-то изуродован или покрыт серьезными ожогами. Меня душит тоска, не только из-за них и даже не из-за меня самого, но из-за других людей в нашей очереди — тех, кого разбудили посреди спокойной жизни и насильно бросили в бездну опасности на ближайшие несколько часов, а может, и минут. А ведь есть еще те, кто вообще не дожил до этого часа.

— Почему у нас нет еще одного шанса? — спрашиваю я Руфуса.

— Шанса на что? — Он оглядывается кругом и фотографирует Арену и очереди.

— Шанса на еще один шанс, — говорю я. — Почему мы не можем постучаться к Смерти в дверь и умолять ее, или торговаться, или сыграть с ней раунд в армрестлинг или в гляделки, поставив на кон шанс остаться в живых? Я даже хотел бы побороться за шанс самостоятельно решить, как мне умереть. Предпочел бы уйти во сне. — А спать бы я пошел только после того, как пожил бы без страха, как человек, которого хотят крепко обнять или даже кому хотят уткнуться в подбородок или плечо, не прекращая говорить о том, как нам, несомненно, повезло однажды встретиться.

Руфус опускает телефон и смотрит мне прямо в глаза.

— Ты что, правда думаешь, что мог бы выиграть у Смерти в армрестлинг?

Я смеюсь и отвожу взгляд, потому что, когда мы смотрим друг другу в глаза, у меня горит лицо. Подъезжает такси, и с заднего сиденья пулей выскакивает Лидия. Как безумная, она оглядывается в поисках меня, и, хотя сегодня у нее не Последний день, я напрягаюсь, когда ее едва не задевает велосипедист: вдруг он собьет ее, она потеряет сознание и окажется в больнице вместе с моим отцом…

— Лидия!

Я выскакиваю из очереди, как только взгляд Лидии останавливается на мне. От волнения я едва не падаю на ровном месте, будто не видел ее несколько лет. Лидия обнимает меня так крепко, словно собственными руками вытащила меня из тонущего автомобиля или поймала на лету после того, как я выпал из потерпевшего крушение самолета. Своим объятием она говорит всё: все «спасибо», все «я люблю тебя», все «извини». Я сжимаю ее в руках, благодаря в ответ, показывая свою любовь, извиняясь, а также пытаясь выразить все остальное, что таится глубоко внутри, за пределами таких эмоций. Это самый волшебный момент нашей дружбы за исключением того, как она впервые дала подержать мне новорожденную Пенни. Но Лидия делает шаг назад — и дает мне мощную пощечину.

— Ты должен был мне сказать. — Потом снова меня обнимает.

Щека горит от удара, и я утыкаюсь подбородком в плечо Лидии. От нее пахнет чем-то коричным, чем она, видимо, кормила сегодня Пенни, потому что сейчас она одета в ту же мешковатую майку, в которой была утром. Обнимаясь, мы покачиваемся из стороны в сторону, и я ищу глазами Руфуса в очереди. По его глазам видно, что он шокирован пощечиной. Так странно: Руфус не знает, что в этом вся Лидия, что она, как я уже сказал, точно монета, которая постоянно переворачивается в воздухе. Странно, что я знаю Руфуса всего один день.

Topreading.ru

— Знаю, — говорю я Лидии. — Мне очень жаль, я просто хотел тебя защитить.

— Вообще-то ты должен был быть рядом до конца моих дней, — плачет Лидия. — Ты должен был играть плохого полицейского, когда Пенни в первый раз приведет домой свою пассию. А когда она поступит в колледж и уедет из дома, должен был играть со мной в карточные игры и устраивать марафоны дурацких телешоу. Ты должен был голосовать за Пенни в президентской гонке, ведь ты-то знаешь, как она уже сейчас любит все контролировать, она не успокоится, пока не подомнет под себя всю страну. Бог знает, она душу продаст, чтобы поработить мир, и ты должен был быть рядом, чтобы уберечь ее от сделки с дьяволом.

Я не знаю, что сказать. Я то киваю, то мотаю головой, потому что не знаю, что делать.

— Прости меня.

— Ты не виноват. — Лидия сжимает мои плечи.

— Может, и виноват. Может, если бы я не прятался дома, то выучил бы законы улиц или типа того. Пока еще рано себя винить, но, кто знает, может, в моей смерти буду виноват я сам, Лидия. — Сегодня я чувствую себя так, будто меня бросили в дикой природе: все необходимое для выживания при мне, но я не имею ни малейшего представления даже о том, как развести костер.

— Да заглохни ты уже, — приказывает Лидия. — Твоей вины тут нет. Это мы тебя подвели.

— А вот теперь заглохни ты.

— Ничего оскорбительнее в жизни от тебя не слышала, — говорит Лидия с улыбкой, как будто я ей когда-то пообещал быть грубияном. — Мир — не самое безопасное место, нам уже довелось в этом убедиться. Посмотри, что произошло с Кристианом и происходит со всеми теми, кто ежедневно умирает. Но мне стоило бы тебе показать, что некоторые риски того стоят.

Иногда бывает так, что у тебя появляется ребенок, которого ты (неожиданно для себя) любишь больше всего на свете. Вот что она успела мне показать.

— Сегодня я рискую, — говорю я. — И ты нужна мне, потому что тебе намного сложнее оторваться и рискнуть теперь, когда в твоей жизни есть Пенни. Ты всегда хотела увидеть мир, и, раз уж у нас нет возможности вместе куда-нибудь съездить, я буду рад, если мы сможем вместе попутешествовать здесь и сейчас. — Я беру ее за руку и киваю в сторону Руфуса.

Лидия поворачивается к Руфусу с таким же взволнованным выражением, с каким держала в руках тест на беременность, когда мы сидели в ее ванной. И точно так же, как тогда, прежде чем перевернуть тест и увидеть результат, Лидия говорит:

— Ну, поехали. — И сжимает мою руку.

Руфус обращает внимание на этот жест и говорит:

— Привет, как дела?

— Видала дни получше, сам понимаешь, — вздыхает Лидия. — Какая жесть, мать вашу. Мне очень жаль.

— Ты не виновата, — отвечает Руфус.

Лидия смотрит на меня так, будто все еще удивлена, что я стою перед ней.

Мы доходим до кассы. Кассир, одетый в жилет жизнерадостного желтого цвета, печально нам улыбается.

— Добро пожаловать в «Арену путешествий». Нам жаль, что вас троих не станет.

— Я сегодня не умру, — поправляет его Лидия.

— О… Стоимость билета для гостя составляет сто долларов, — говорит кассир. Он смотрит на нас с Руфусом. — Рекомендуемый взнос для Обреченных — один доллар.

Я оплачиваю все три наших билета и добавляю к пожертвованию еще пару сотен долларов в надежде, что «Арена» будет работать еще много-много лет. То, что здесь предлагают Обреченным, несравнимо лучше, чем развлечения «Жизни в моменте». Кассир благодарит нас за пожертвование и, кажется, совсем ему не удивлен: Обреченные всегда сорят деньгами. Мы с Руфусом получаем желтые браслеты (такие дают всем здоровым Обреченным), а Лидия — оранжевый (браслет гостя), и вместе мы заходим внутрь.

Мы держимся рядом, старясь не разбредаться далеко. При входе собралась толпа: Обреченные и простые посетители рассматривают гигантское табло со списком регионов, которые можно посетить, и перечнем экскурсий: «Вокруг света за 80 минут», «Мир дикой природы», «Путешествие в центр Соединенных Штатов» и многое другое.

— Пойдем на экскурсию? — спрашивает Руфус. — Я согласен на любую кроме «Ты да я на дне морском».

— «Вокруг света за 80 минут» начинается через десять минут, — замечаю я.

— Ой, мне нравится, — говорит Лидия, стоя под руку со мной. А потом вдруг смущенно поворачивается к Руфусу. — Прости, Господи, прости меня. На самом деле важно только то, чего хотите вы двое. У меня нет права голоса. Простите.

— Все в порядке, — говорю я. — Руфус, как тебе?

— Поедем вокруг света, йоу.

Мы находим комнату 16 и усаживаемся в двухэтажную вагонетку с двадцатью другими гостями. Мы с Руфусом единственные Обреченные с желтыми браслетами, шестеро других — с голубыми. В интернете я подписывался на многих Обреченных с неизлечимыми болезнями, которые отправляются в настоящие путешествия по городам и странам, пока у них еще есть время в запасе. А те, кто не может себе этого позволить, соглашаются на второй вариант, который разве что немногим хуже, и приходят в «Арену путешествий».

Машинистка становится в проходе и начинает говорить через гарнитуру:

— Добрый день. Спасибо, что присоединились к нашему замечательному туру, во время которого мы объедем вокруг света за восемьдесят, плюс-минус десять, минут. Меня зовут Лесли, и сегодня я буду вашим экскурсоводом. От лица всей команды «Арены путешествий» выражаю искренние соболезнования вам и вашим семьям. Надеюсь, наша сегодняшняя поездка вызовет у вас улыбку и оставит самые приятные воспоминания в памяти гостей,

которые пришли вместе с вами.

Если вам захочется задержаться в каком-либо регионе, мы будем только рады, но, пожалуйста, имейте в виду, что если мы хотим завершить кругосветное путешествие за восемьдесят минут, то долгие промедления нежелательны. А теперь просим вас пристегнуть ремни безопасности — мы отправляемся!

Все пристегиваются, и путешествие начинается. Я не картограф, но даже мне заметно, что шкала пунктов назначения на спинке каждого сиденья, которая чем-то похожа на электронные карты в метро, не вполне точна с географической точки зрения. И все же мы здорово проводим время, наблюдая невероятно убедительные реплики разных достопримечательностей в каждой комнате. Путешествие становится еще интереснее, когда Лидия начинает делиться о каждой из них забавными фактами, которые сама где-то вычитала. Мы движемся по рельсам и видим, как другие Обреченные и гости веселятся, а кто-то даже машет нам рукой, как будто не все мы здесь всего лишь туристы.

В Лондоне мы проезжаем мимо Вестминстерского дворца, умирать на территории которого, согласно преданию, незаконно, но больше всего мне нравится слушать звон Биг-Бена, даже при том что один взгляд на стрелки его громадных часов вновь возвращает меня к реальности. На Ямайке нас встречает десяток огромных бабочек-подалириев, а люди здесь сидят на полу и едят местные блюда вроде плодов аки и соленой рыбы. В Африке мы рассматриваем огромный аквариум с обитателями озера Малави, и я прихожу в такой восторг от голубых и желтых рыбок вокруг, что не сразу замечаю экран на стене, где в прямом эфире львица несет за шкирку своего детеныша. На Кубе мы видим очередь за кубиками сахара, а еще гостей, которые соревнуются с кубинцами в домино, и Руфус радуется своим кубинским корням. Австралия представляет нашему вниманию экзотические цветы, кайтсерфинг и плюшевых коал, которых дарят всем детям. Ирак встречает пением национальной птицы, азиатской каменной куропатки, которое звучит из колонок, спрятанных за повозками торговцев с красивыми шелковыми шарфами и рубашками. В Колумбии Лидия рассказывает нам о непрекращающемся лете, царящем в этой стране, так что на секунду нам даже хочется схватить сок на прилавке с напитками. В Египте мы видим только две пирамиды, и, поскольку в помещении поддерживается сухая жара, сотрудники «Арены» предлагают нам бутылочки воды марки «Река Нил». Когда мы добираемся до Китая, Лидия шутит, что слышала, будто реинкарнация тут запрещена без специального разрешения от государства, и я не хочу об этом думать, а потому переключаюсь на подсвеченные макеты небоскребов и людей, играющих в пинг-понг. В Южной Корее нам показывают, как пара желто-оранжевых «робоучителей» ведут урок в школе, а еще как Обреченным делают макияж. В Пуэрто-Рико наша вагонетка останавливается в сорок второй раз. Руфус тянет меня за рукав и куда-то зовет. Лидия следует за нами.

— Что происходит? — спрашиваю я, пытаясь перекричать хор крошечных древесных лягушек (невозможно определить, сидят ли они тут живые или это просто аудиозапись), и звуки дикой природы так сильно режут слух (я ведь привык только к сигнализации и гудкам машин), что человеческая речь у повозки с ромом меня успокаивает.

— Мы с тобой говорили о том, как тебе хотелось бы отважиться на что-нибудь эдакое, если бы у тебя была возможность путешествовать, помнишь? — говорит Руфус. — Я подыскивал в этом туре что-нибудь подобное — и посмотри! — Он показывает на табличку возле тоннеля: «Прыжок в тропическом лесу». Не знаю, что это значит, но наверняка он круче, чем наш утренний псевдопрыжок с парашютом.

— Вы прыгали с парашютом?! — охает Лидия. В ее тоне слышится одновременно «Вы чокнутые» и «Как я вам завидую!». Ее сестринское чувство собственничества — самое лучшее проявление заботы.

Втроем мы идем к туннелю, ступая по плитке бежевого цвета, присыпанной настоящим песком. Сотрудник «Арены» протягивает нам брошюру Тропического зала «*El Yunque*» и предлагает аудиогид, предупреждая, что если мы им воспользуемся, то рискуем не услышать многих естественных звуков этого места. Мы берем наушники и заходим в туннель; воздух здесь влажный и теплый.

Тесно стоящие деревья укрывают нас от измороси, сквозь плотную листву сочится искусственный солнечный свет. Мы обходим извилистые стволы и удаляемся от проторенной тропы туда, где вновь раскатисто квакают древесные лягушки. Папа рассказывал, что в моем возрасте они с друзьями лазали по деревьям, ловили лягушек и продавали их другим ребятам, которые хотели завести питомца, а иногда папа просто сидел на дереве и думал о чем-то своем. Чем дальше мы углубляемся в лес, тем сильнее пение лягушек заглушают голоса людей и шум водопада. Сначала я ошибочно принимаю второе за аудиозапись, но потом впереди возникает лужайка, и я вижу, как с шестиметровой скалы вниз падает вода, а в водоеме у основания плещутся голые по пояс Обреченные и спасатели. Это, наверное, и есть тот самый «Прыжок в тропическом лесу». Не знаю почему, но я представлял нечто попроще и побанальнее, например прыжки с камня на камень на ровной земле.

Я уже видел так много всего, что сама мысль об уходе из «Арены» ранит сейчас острее, чем осознание, что скоро этот день кончится, будто тебя вырывают из сна, который ты мечтал увидеть всю свою жизнь. Но это не сон. Я не сплю и проживу этот день сполна.

— Моя дочка ненавидит дождь, — говорит Лидия Руфусу. — Она ненавидит все, что не может контролировать.

— Привыкнет, — говорю я.

Мы подходим к краю скалы, откуда прыгают вниз Обреченные. Миниатюрная девушка с голубым браслетом, платком на голове и надувными нарукавниками в последнюю секунду совершает нечто очень опасное: она поворачивается спиной к краю и падает спиной вперед, как человек, которого сталкивают с высотного здания. Спасатель внизу свистит, и все остальные плывут к центру водоема, куда с плеском упала девушка. Она всплывает на поверхность и смеется, а спасатели провожают ее недовольными взглядами, но ей все равно. Да и кому было бы не все равно в такой день?

РУФУС

16:24

Сколько бы я ни болтал о том, как хорошо быть смелым, по поводу этого прыжка я совсем не уверен. Я не ходил на пляж и в бассейн с тех пор, как не стало моей семьи. К большому водоему я приблизился до сегодняшнего дня всего раз: мы с Эйми ходили на рыбалку на Ист-Ривер, после чего меня мучили кошмары о том, как я рыбачу на Гудзоне и вдруг вылавливаю нашу машину. Я кручу катушку, а на крючке болтаются скелеты родителей и сестры в одежде, в которой они погибли, напоминая мне, что это *я* бросил *их*.

— Иди прыгай, Матео. Я тут, пожалуй, воспользуюсь правом вето.

— Тебе тоже лучше не ходить, — говорит ему Лидия. — Я знаю, что мое мнение сейчас ничего не стоит, но — вето, вето, вето, вето.

Огромная уважуха Матео за то, что он все равно встает в очередь. Я очень хочу, чтобы он прыгнул. Лягушки уже не квакают так громко, поэтому я уверен, что он меня слышал. Этот парень изменился. Я знаю, вы и так внимательно следите, но взгляните на него: он стоит в очереди на прыжок со скалы, а ведь, готов поспорить, он даже плавать не умеет. Матео поворачивается и машет нам, как будто приглашая в очередь на американские горки.

— Давай, — говорит Матео, глядя мне в глаза. — Или, если хочешь, можем вернуться в «Жизнь в моменте» и поплавать там в бассейне. Я на самом деле думаю, что тебе полегчает, если ты снова окажешься в воде… А вообще так странно, что я тебя чему-то учу, правда?

— Ну да, немного шиворот-навыворот, — говорю я.

— Буду краток. Нам не нужна эта «Жизнь в моменте» с ее виртуальной реальностью. Мы можем создать собственные моменты прямо здесь.

— В этом искусственном тропическом лесу? — улыбаюсь я ему в ответ.

— Я и не говорю, что это место настоящее.

Сотрудница Арены объявляет Матео, что он следующий.

— А ничего, если мои друзья прыгнут со мной? — спрашивает Матео.

— Конечно, ничего, — отвечает девушка.

— Я не пойду! — отрезает Лидия.

— Пойдешь-пойдешь, — говорит Матео. — Иначе потом пожалеешь.

— Надо бы спихнуть тебя со скалы, — говорю я Матео. — Но я не буду, потому что ты прав. — Я могу пойти навстречу своему страху, особенно в таких безопасных условиях, когда рядом спасатели, а на руках — надувные нарукавники.

Купаться мы сегодня не планировали, поэтому просто раздеваемся до нижнего белья, и — блин — я даже не догадывался, насколько Матео тощий. Забавно, как он старается не смотреть на меня и отводит взгляд, чего не скажешь о Лидии. Она стоит без всего, только в лифчике и джинсах, и осматривает меня с ног до головы.

Сотрудники «Арены» протягивают нам экипировку — я называю надувные нарукавники «экипировкой», чтобы звучало не так тупо, — и мы надеваем их на предплечья. Потом сотрудник «Арены» говорит, что мы можем прыгнуть, как только будем готовы, но, разумеется, лучше не тянуть и помнить о гостях, ждущих своей очереди.

— На счет три? — спрашивает Матео.

— Да.

— Один. Два…

Я хватаю Матео за руку и сцепляю свои пальцы с его. Он поворачивается ко мне, щеки его пылают. Затем он хватает за руку Лидию.

— Три.

Мы смотрим вперед и вниз — и прыгаем. Я чувствую, что падаю быстрее и тяну Матео за собой. Он кричит, и за несколько секунд до соприкосновения с водой я тоже начинаю кричать, а Лидия — визжать от радости. Я погружаюсь в воду, и Матео по-прежнему со мной; мы проводим под водой всего пару секунд, но, открыв глаза, я снова вижу его рядом. Он не паникует, и я невольно вспоминаю, какими спокойными выглядели мои родители, когда им удалось высвободить меня из машины. Лидия оторвалась от нас, ее уже не видно. Мы с Матео вместе всплываем на поверхность, все еще держась за руки, и по бокам нас страхуют спасатели. Смеясь, я плыву к Матео и обнимаю его в благодарность за свободу, в которую он насильно меня окунул. Я как будто прошел что-то вроде обряда крещения или типа того, бросив в воду всю свою злобу, тоску, чувство вины и отчаяния, и они ушли на глубину и скрылись черт знает где.

Водопад разбрызгивает вокруг воду, и спасатели провожают нас к скале.

Смотритель у ее основания предлагает нам полотенца, и Матео, дрожа, оборачивает им плечи.

— Как себя чувствуешь? — спрашивает он.

— Неплохо, — отвечаю я.

Мы не упоминаем то, как держались за руки и все такое, но я надеюсь, что теперь он точно понимает, к чему я клоню, если у него оставались какие-либо сомнения. Мы поднимаемся наверх, вытираясь полотенцами, забираем свои вещи и одеваемся. Потом выходим из павильона через магазинчик сувениров, где я ловлю Матео на том, что он подпевает песне по радио.

Пока он выбирает одну из открыток с надписью «Прощай!», я припираю его к стенке.

— Ты заставил меня прыгнуть. Теперь моя очередь.

— Но я же прыгнул вместе с тобой.

— Я не об этом. Пойдем в тот подпольный клуб. Обреченные ходят туда потанцевать, попеть и расслабиться. Согласен?

ОФИЦЕР АНДРАДЕ

16:32

Ариэлю Андраде не позвонили из Отдела Смерти, потому что он сегодня не умрет, но, будучи офицером полиции, больше всего на свете каждую ночь, едва стрелка часов приближается к полуночи, он боится услышать звонок. Особенно после того, как два месяца назад не стало его напарника. Они с Грэмом были похожи на двух приятелей-копов из кино: вместе несли службу и перебрасывались батиными шутками за бокалом пива.

Грэм не выходит у Андраде из головы, и сегодняшний день не исключение: подростки-сироты в изоляторе устроили истерику, потому что один из их братьев — Обреченный. Чтобы называть кого-то братом, не обязательно иметь похожие ДНК, Андраде хорошо это известно. И чтобы чувствовать, что после смерти человека умерла и часть тебя, не обязательно быть кровными родственниками.

Андраде сомневается, что Обреченный по имени Руфус Эметерио, которого он перестал преследовать еще на рассвете, умудрится что-то натворить — может, он вообще уже мертв. Андраде всегда за версту чуял Обреченных, которые намеревались чинить вокруг себя хаос в последние часы жизни. Вроде того Обреченного, виноватого в смерти Грэма.

Когда Грэм получил оповещение от Отдела Смерти, он настоял, что проведет свой Последний день на работе. Если он мог умереть, спасая жизни людей, то предпочел бы именно такой вариант последнему сексу. Офицеры полиции в тот день преследовали Обреченного, который был участником сообщества «Шумные». Это такой провокационный челлендж, который за последние четыре месяца набрал сумасшедшую популярность и огромное количество просмотров. Каждый час люди подключаются к трансляции, чтобы посмотреть, как Обреченные убивают себя самыми невообразимыми способами — уходят, что называется, с шумом. Самые популярные смерти приносят родственникам погибшего Обреченного довольно неплохие деньги из анонимного источника, но чаще всего Обреченные убивают себя недостаточно креативно, чтобы угодить зрителям, а второго шанса удивить публику у них нет. Грэм пытался помешать Обреченному парню спрыгнуть на мотоцикле с Уильямсбургского моста, но только погиб при этом он сам.

Андраде делает все от него зависящее, чтобы до конца года это сообщество наблюдателей за самоубийцами перестало существовать. Если он этого не сделает, ему точно никогда не попить пивка с Грэмом там, на небесах. Андраде хочет сосредоточиться на настоящей работе, а не сидеть в няньках у подростков. Именно поэтому он прямо сейчас просит опекунов этих парней подписать документы на их освобождение. Пусть идут домой с серьезным предупреждением и немного поспят.

И поскорбят.

А может быть, даже найдут своего друга, если он все еще жив.

Если в момент смерти Обреченного вам довелось оказаться с ним рядом, вы потом надолго утрачиваете дар речи. Но мало кто впоследствии сожалеет, что провел рядом с Обреченным каждую оставшуюся минуту, пока тот все еще был жив.

ПАТРИК «ПЕК» ГЭВИН

16:59

— Может, он уже мертв. — Пек включил оповещения об обновлениях инстаграм-аккаунта Руфуса, но все равно без остановки его обновляет. — Ну же, ну…

Конечно, Пек желает Руфусу смерти. Но он хочет быть именно тем, кто нанесет ему смертельный удар.

РУФУС

17:01

Сейчас очередь в «Кладбище Клинта» не так велика, как прошлой ночью, когда я проезжал мимо по пути в Плутон. Не хочу даже думать о том, что это может означать: то ли что все уже зашли внутрь, то ли что все уже ушли и умерли. Это однозначно именно тот клуб, который нужен Матео. Надеюсь, меня впустят, хотя восемнадцать мне исполнится только через пару недель.

— Странно заявляться в клуб в пять часов дня, — говорит Лидия.

Тут у меня звонит телефон, и я готов поспорить, что это Эйми, но вижу на экране тупую и уродливую аватарку Малкольма.

— Плутонцы! Вот блин.

— Плутонцы? — спрашивает Лидия.

— Его лучшие друзья, — отвечает Матео, и хотя это описание ни на грамм не отражает того, кем они для меня являются, я не возражаю против такой формулировки. Просто безумие! Даже у Матео в глазах появляются слезы. Клянусь, я бы точно так же прослезился, если бы ему сейчас позвонил папа.

Я отвечаю по фейстайму, отходя в сторону от очереди. Малкольм и Тэго вместе, реально обалдевшие, что я ответил. Они так мне улыбаются, будто хотят вдвоем отвести меня в койку.

— РУФ!

— Вашу мать, — говорю я.

— Ты жив, — говорит Малкольм.

— А вы не за решеткой!

— Нас не могли держать долго, — говорит Тэго, отвоевывая себе место, чтобы его тоже было видно. — Хорошо нас видишь?

— К чертям все это собачьим. Руф, ты где? — Малкольм прищуривается, рассматривая место у меня за спиной. Где сейчас находятся они сами, я тоже не имею понятия.

— Я у «Клинта». — Я нормально с ними попрощаюсь. Обниму их. — Парни, сможете приехать сюда? Поскорее. — То, что я дожил до пяти часов, — гребаное чудо, но время истекает, в этом сомнений нет. Матео держит за руку Лидию, и я хочу, чтобы тут были и мои друзья. Все вместе. — Можете и Эйми захватить? Только без этого ублюдка Пека. А то я ему снова зад надеру. — Если мне и нужно было извлечь какой-то урок, то я его не извлек. Этот чел расстроил мои похороны, посадил в обезьянник моих друзей. При первой же возможности я хорошенько ему втащу, и не говорите мне, что я не прав.

— Его счастье, что ты еще жив, — говорит Малкольм. — Если бы тебя уже не было, мы охотились бы на него до самого утра.

— Не уходи из «Клинта», — встревает Тэго. — Мы будем там через двадцать минут. И вонять от нас будет тюрягой. — Забавно, как быстро Тэго вообразил себя закоренелым преступником.

— Я никуда не денусь. Я тут с другом. Просто приезжайте, ладно?

— Только попробуй слинять, Руф… — угрожающе говорит Малкольм.

Я знаю, что он на самом деле имеет в виду. «Только попробуй умереть».

Я фотографирую вывеску «Кладбище Клинта» и в цвете загружаю фото в инстаграм.

ПАТРИК «ПЕК» ГЭВИН

17:05

— Есть. — Пек спрыгивает с кровати. «Кладбище Клинта». Он кладет в рюкзак заряженный пистолет. — Надо поторопиться. Погнали.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Конец

Умирать не хочет никто. Даже люди, которые хотят попасть в рай, не хотят для этого умирать. И все же смерть — наш общий пункт назначения. Никому никогда не удавалось ее избежать. И так и должно быть, ведь смерть, вероятно, лучшее изобретение жизни. Это проводник перемен в жизни. Смерть расчищает старое, чтобы дать дорогу новому. — Стив Джобс

МАТЕО 17:14

Этот день подарил мне чудеса.

Я нашел Последнего друга, Руфуса. Наши лучшие друзья будут рядом с нами в наш Последний день. Мы побороли свои страхи. И сейчас мы в клубе «Кладбище Клинта», который очень хвалят в сети; и, возможно, он станет для меня идеальным местом, если в ближайшие минуты я смогу преодолеть свои комплексы.

Судя по фильмам, которые я смотрел, вышибалы на фейсконтроле обычно невероятно упрямы и отличаются особо устрашающим видом, но в «Кладбище Клинта» на входе стоит девушка в кепке козырьком назад и приветствует гостей.

Она просит меня показать документы.

— Нам жаль терять вас, Матео. Повеселитесь тут, ладно?

Topreading.ru

Кивнув, я бросаю немного мелочи в пластиковый контейнер для пожертвований и жду, пока Руфус заплатит за себя и войдет. Девушка оглядывает его с головы до ног, и меня бросает в жар. Но когда Руфус догоняет меня и хлопает по плечу, щеки у меня горят уже совсем по-другому, так же как в тот раз в «Арене путешествий», когда он взял меня за руку перед прыжком.

За дверью грохочет музыка, и мы останавливаемся, чтобы подождать Лидию.

— Как себя чувствуешь? — спрашивает Руфус.

— Весь на нервах и с нетерпением жду того, что случится внутри. В основном на нервах.

— Еще не пожалел, что спрыгнул со скалы?

— А ты что, пожалел?

— Нет.

— Тогда и я нет.

— Веселиться будешь?

— Не дави на меня, — говорю я. Между прыжком со скалы и весельем есть большая разница. Когда прыгаешь вниз, ничего уже не поделать, невозможно ведь зависнуть в воздухе. Но развлекаться и делать что-то новое перед незнакомцами, когда чувствуешь себя неловко, — это требует особой смелости.

— Я и не давлю, — говорит Руфус. — Просто это наши последние часы на планете. Нужно использовать их так, чтобы умереть без сожалений. Но никакого давления.

Без сожалений. Он прав.

Друзья стоят за моей спиной, когда я открываю дверь и захожу в новый для себя мир — и как же я сразу начинаю жалеть, что не проводил в нем каждую свободную минуту. Нас ослепляют вспышки света, мелькающие голубые, желтые и серые огни. Граффити на стенах подписаны Обреченными и их друзьями, иногда это последние следы, оставленные Обреченными на земле, нечто, что делает их бессмертными. Мы все конечны, и не важно, когда придет конец. Ничья жизнь не продлится вечно, но то, что мы после себя оставляем, делает нас живыми для других людей. И вот я смотрю на зал, переполненный людьми, Обреченными и их друзьями — и все они живут.

Моей ладони касается рука, но это не та же самая рука, которая схватила мою меньше часа назад. Это рука с историей. Рука, которую я держал в своей, когда родилась моя крестница, и многие утра и вечера после смерти Кристиана. Путешествие по миру внутри мира с Лидией стало для меня настоящим чудом, и то, что она рядом в этот миг — миг, который нельзя купить ни за какие деньги, — наполняет меня счастьем, несмотря на веские причины чувствовать душевный упадок. Руфус подходит ко мне сбоку и обнимает одной рукой за плечи.

— Танцпол в твоем распоряжении, — говорит он. — И сцена тоже, когда будешь готов.

— Собираюсь с силами, — говорю я. Я просто обязан собраться.

На сцене сейчас подросток на костылях, который поет песню «*Can’t Fight This Feeling*»[13] и, как

сказал бы Руфус, отжигает вовсю. За его спиной танцует несколько человек — друзья или незнакомцы, никто не знает, и всем все равно, — и это вселяет в меня силы и энергию. Думаю, эту энергию можно назвать свободой. Завтра рядом со мной не будет никого, кто сможет меня осудить. Никто не станет рассылать друзьям сообщений о каком-то придурковатом парнишке без чувства ритма. И в этот момент осознание того, как глупо было вообще беспокоиться о таких вещах, оглушает меня, как удар по лицу.

Я тратил время и не веселился, потому что волновался о пустяках.

— Песню выбрал?

— Не-а, — говорю я. Мне много чего нравится: «*Vienna*» Билли Джоэла, «*Tomorrow, Tomorrow*» Эллиотта Смита. «*Born to Run*» Брюса Спрингстина, папина любимая песня. Во всех этих песнях есть ноты, которые мне в жизни не взять, но останавливает меня вовсе не это. Я просто хочу, чтобы песня была *правильная*.

Меню над баром украшает изображение черепа и двух перекрещенных костей, и, что поразительно, череп улыбается. Надпись гласит: «Последний день для улыбок». Здесь продают только безалкогольные напитки, и это разумно: то, что кто-то из несовершеннолетних должен умереть, вовсе не значит, что им теперь можно продавать алкоголь. Пару лет назад вопрос о том, можно ли покупать алкоголь восемнадцатилетним Обреченным, встал довольно остро и вылился в большую общественную дискуссию. Когда юристы предоставили на суд общественности статистику, показывающую, сколько процентов подростков умирает от алкогольного отравления или вождения в нетрезвом виде, было решено оставить все как прежде, по крайней мере в законе. Все равно, насколько я понимаю, покупка пива и даже крепкого алкоголя — не проблема. Никогда ею не была и никогда не будет.

— Возьмем чего-нибудь выпить? — предлагаю я.

Мы продираемся сквозь толпу, и, пока мы расчищаем себе путь, вокруг нас танцуют незнакомцы. Диджей вызывает к микрофону бородатого парня по имени Дэвид. Дэвид вразвалочку выходит на сцену и объявляет, что будет петь песню «*A Fond Farewell*» Эллиотта Смита. Не знаю, обречен этот парень или поет для друга, но голос у него очень красивый.

Мы подходим к бару.

Я не в настроении пить моктейль под названием «Виноградный погост». А тем более «Побег смерти».

Лидия заказывает моктейль «Терминатор» рубиново-красного цвета. Заказ приносят очень быстро. Она делает глоток и морщится, как будто съела пригоршню кислых конфет.

— Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, — отвечаю я.

— Жаль, что туда не капнули чего покрепче, — вздыхает Лидия. — Не хочу быть трезвой, когда тебя потеряю.

Руфус заказывает газировку, и я поступаю так же.

Когда все мы уже держим напитки в руках, я поднимаю свой бокал:

— За то, чтобы мы улыбались, пока еще можем.

Мы чокаемся, и Лидия прикусывает дрожащую губу, а Руфус, как и я, улыбается.

Он разрывает наш тесный кружок и становится так близко ко мне, что его плечо упирается в мое. Из-за громкой музыки и смеха посетителей ему приходится говорить прямо мне в ухо.

— Это твоя ночь, Матео. Я серьезно. Утром ты пел песню папе и прервался, когда я вошел. Пойми, никто не будет тебя осуждать. Ты все время себя сдерживаешь, но пора сделать шаг вперед.

Парень по имени Дэвид допевает свою песню, все начинают аплодировать, и это не какие-нибудь жидкие хлопки. Можно подумать, только что выступила настоящая рок-легенда.

— Видишь? Народ просто хочет видеть, что тебе весело и ты отрываешься.

Я улыбаюсь и тянусь к его уху.

— Тебе придется петь со мной. Выбирай песню.

Руфус кивает, и мы соприкасаемся головами.

— Хорошо. «*American Pie*»[14]. Мы справимся?

Мне очень нравится эта песня.

— Еще как.

Я прошу Лидию последить за нашими напитками, и мы с Руфусом идем к диджею, чтобы заказать песню. Пока мы пробираемся к пульту, девушка турецкой внешности по имени Жасмин поет песню «*Before the Night*» Патти Смит, и меня поражает, как столь миниатюрный человек может так удерживать внимание и заводить публику. Брюнетка с широкой улыбкой (такую улыбку не ожидаешь увидеть на лице человека, который вот-вот умрет) заказывает следующую песню и отходит. Я тоже называю диджею ЛоуАу песню, и он хвалит наш выбор. Я немного покачиваюсь из стороны в сторону под выступление Жасмин и двигаю головой в такт музыке, когда это уместно. Глядя на меня, Руфус улыбается, и я, смутившись, прекращаю свой танец.

А потом жму плечами и снова начинаю танцевать.

В этот раз мне нравится, что на меня смотрят.

— Вот она жизнь, Руфус, — говорю я. — Я наслаждаюсь ею. Здесь и сейчас.

— И я, чувак. Спасибо, что написал мне в «Последнем друге», — говорит Руфус.

— Спасибо, что стал лучшим Последним другом для такого затворника, как я.

На сцену вызывают ту самую брюнетку (ее зовут Бекки), и она начинает петь «*Try a Little Tenderness*»[15] Отиса Реддинга. Мы следующие на очереди и стоим у липких ступеней, ведущих на сцену. Когда песня Бекки подходит к концу, мои нервы наконец не выдерживают. Мы ведь *следующие.* Но не успеваю я собраться с духом, как диджей ЛоуАу объявляет: «На сцену

приглашаются Руфус и Мэтью». Да, он неправильно произносит мое имя, почти как Андреа из Отдела Смерти, которая звонила мне столько часов назад, что, кажется, даже не сегодня. За сегодняшний день я прожил целую жизнь, и теперь пора выходить на бис.

Руфус взбегает по ступенькам, и я иду следом. Бекки желает мне удачи и улыбается милейшей улыбкой; я надеюсь, что она не Обреченная, а если это так — пусть умрет, ни о чем не сожалея. Я кричу ей в ответ: «Отлично спела, Бекки!» — и отворачиваюсь. Песня у нас довольно длинная, поэтому Руфус выносит на центр сцены два стула, и это верное решение: пока я иду к одному из них, у меня дрожат колени. Прожектор светит мне прямо в глаза, в ушах звенит. Я сажусь рядом с Руфусом; диджей просит кого-то передать нам микрофоны, и я сразу ощущаю прилив сил, как будто мне вручили Экскалибур, когда моя армия проигрывала важную битву.

При первых аккордах «*American pie*» толпа начинает радостно кричать, как будто это наша собственная песня, как будто они знают, кто мы такие. Руфус сжимает мою руку, а потом отпускает ее.

— *A long, long time ago…* — начинает он, — *I can still remember…*[16]

— *How that music used to make me smile*[17], — подключаюсь я. Глаза наполняются слезами. По лицу разливается тепло, нет, жар. Я вижу, что Лидия покачивается из стороны в сторону. Если бы это был сон, он не смог бы передать силы и глубины этого момента.

— *This'll be the day that I die… This'll be the day that I die…*[18]

Атмосфера в зале меняется. И дело не только в том, что меня охватывает неожиданная уверенность в себе (хотя я и дико фальшивлю), — нет. Слова нашей песни резонируют в каждом Обреченном, они пропускают их через себя, впускают прямо в души, которые постепенно угасают, как светлячки, хотя все еще живы. Некоторые Обреченные подпевают нам, и я уверен, что, если бы здесь можно было пользоваться зажигалками, все бы их сейчас достали. Кто-то плачет, кто-то улыбается с закрытыми глазами, и я надеюсь, что в этот момент все они вспоминают только самое лучшее.

Целых восемь минут мы с Руфусом поем о терновом венце, распитии виски, о потерянном в космосе поколении, о заклинании Сатаны, девушке, которая пела блюз, о дне, когда умерла музыка, и о многом-многом другом. Песня заканчивается, я перевожу дух и вдыхаю гром аплодисментов, вдыхаю любовь публики, которая дает мне силы схватить за руку Руфуса, пока тот отвешивает поклоны. За руку же я увожу его со сцены и, когда мы оказываемся за кулисами, смотрю ему в глаза, а он улыбается, как будто знает, что сейчас произойдет. И он совершенно прав.

Я целую парня, который подарил мне жизнь в день, когда мы оба должны умереть.

— Наконец-то! — говорит Руфус, когда я позволяю ему перевести дыхание, и теперь уже он целует меня. — Чего ты так долго ждал?

— Я знаю, знаю. Прости. Я знаю, что времени терять нельзя, но я должен был убедиться, что ты именно такой, каким мне показался. Твоя дружба — это лучшее, что принесла мне смерть. — Никогда бы не подумал, что найду того, кому смогу сказать такие слова. Они общие — и в то же время очень личные, словно тайна, которой хочется поделиться со всем светом, и, по-моему, именно это чувство мы все ищем. — И даже если бы я так и не поцеловал тебя, ты уже подарил мне жизнь, о которой я всегда мечтал.

— Ты тоже мне помог, — говорит Руфус. — Блин, в последние месяцы я ходил такой потерянный… Особенно вчера ночью. Я ненавидел свои сомнения и свою озлобленность. Но ты подставил мне самое крепкое в мире плечо и помог снова найти себя. Эй, ты сделал меня лучше.

Я хочу снова поцеловать его, но его взгляд вдруг ускользает куда-то за пределы сцены, в толпу посетителей. Руфус сжимает мою руку.

Его улыбка становится шире.

— А вот и плутонцы.

ХОУИ МАЛЬДОНАДО

17:23

Хоуи Мальдонадо позвонили из Отдела Смерти в 2:37, чтобы сказать, что сегодня он умрет.

Тяжелее всего эту новость восприняли 2,3 миллиона его подписчиков в твиттере.

Большую часть дня Хоуи провел в своем гостиничном номере, за дверью которого дежурила команда вооруженных охранников. Слава подарила ему эту жизнь, но сохранить ее она не сможет. Единственными людьми, которых впустили в номер, были его адвокаты (им нужно было составлять завещание) и его литературный агент (чтобы подписать контракт на следующую книгу прежде, чем Хоуи сыграет в ящик). Забавно, что у книги, которую он не писал, будущего даже больше, чем у него самого. Хоуи отвечал на телефонные звонки коллег по сценической площадке, поговорил со своей двоюродной сестричкой, чья популярность в школе напрямую связана с его успехами, с другими адвокатами и своими родителями.

Родители Хоуи живут в Пуэрто-Рико, куда они вернулись после того, как карьера Хоуи стремительно пошла в гору. Хоуи отчаянно хотел, чтобы они остались в Лос-Анджелесе, где он теперь живет, предлагал им оплачивать все счета до одного, разрешал транжирить деньги на покупки, но любовь его родителей к Сан-Хуану, где они познакомились, оказалась сильнее. Хоуи не может равнодушно думать о том, что его родители, хотя и будут разбиты горем, все же спокойно без него проживут. Они уже привыкли жить без него, следить за его жизнью издалека — как фанаты.

Как незнакомцы.

Сейчас Хоуи находится в салоне автомобиля еще с двумя незнакомками. Это журналистки из газеты «Инфинит Уикли», которые берут у него последнее интервью. Он делает это только ради поклонников. Хоуи знает, что, даже проживи он еще десять лет и выверни он душу наизнанку, всего, что он может о себе рассказать, никогда не будет достаточно поклонникам. Фанаты жаждут «контента», как выражаются его пиарщики и менеджеры. Каждую новую прическу. Каждую новую обложку журнала. Каждый твит, и неважно, сколько в нем опечаток.

Ночью Хоуи запостил твит с фотографией своего ужина.

И последний твит он тоже уже разместил: «*Спасибо за эту жизнь*». И прикрепил селфи, на котором улыбается.

— А с кем вы сейчас собираетесь встретиться? — спрашивает женщина постарше. Кажется, Сэнди. Да, Сэнди. Не Сэлли, как самый первый его агент.

— Это вопрос из интервью? — спрашивает Хоуи. Каждый раз, когда он разговаривает с журналистами, его ответы не требуют никакой концентрации, поэтому обычно он копается в телефоне и листает ленту в твиттере или инстаграме. Но сегодня справляться с обрушившимся на него потоком любви, включая несколько сообщений от автора книг про Скорпиуса Готорна, в десять раз сложнее, чем обычно.

— Возможно, — говорит Сэнди и поднимает диктофон. — Как сами решите.

Хоуи хочет, чтобы его агент была сейчас рядом и сама отбивалась от подобных вопросов, но он собственноручно выписал ей большой чек, отправил ей в гостиничный номер и посоветовал держаться от него подальше, как будто его поразил какой-нибудь заразный зомби-вирус.

— Я пас, — говорит Хоуи. Никого не касается, что он едет к лучшей подружке детства и своей первой возлюбленной, Лине, которая специально прилетела из Арканзаса, чтобы повидаться с ним в последний раз. К девушке, которая могла бы быть ему больше, чем просто подругой, если бы он не жил в свете прожекторов. К девушке, по которой он когда-то так сильно скучал, что писал ее имя по всему городу, на платных таксофонах и журнальных столиках, но никогда не подписывался. К девушке, которая выбрала спокойную жизнь с любимым мужем.

— Очень хорошо, — говорит Сэнди. — Каким достижением вы больше всего гордитесь?

— Моим творчеством, — говорит Хоуи, еле сдерживаясь, чтобы не закатить глаза. Вторая журналистка, Делайла, смотрит на него так пристально, будто видит его насквозь. Хоуи, возможно, почувствовал бы неловкость, если бы его не отвлекали красивые волосы девушки, напоминающие северное сияние, и свежая повязка на голове, прикрывающая рану, как у Скорпиуса Готорна.

— Где бы вы сейчас были, если бы не роль в «Болоте драконов»? — спрашивает Сэнди.

— В буквальном смысле? В Сан-Хуане рядом с моими родителями. В профессиональном… Кто знает.

— Вопрос получше, — встревает Делайла. Сэнди зла, и Делайла перекрикивает ее. — О чем вы сожалеете?

— Прошу за нее прощения, — говорит Сэнди. — Я ее немедленно уволю, и она выйдет из машины на следующем же перекрестке.

Хоуи поворачивается к Делайле:

— Я люблю то, чем занимался в жизни. Но совершенно не понимаю, кто я за пределами аккаунта в твиттере и злодейского образа, созданного для экранизации книжной серии.

— Что бы вы сделали иначе? — спрашивает Делайла.

— Скорее всего, не снялся бы в том дерьмовом фильме, рассчитанном на студенток колледжа. — Хоуи улыбается, удивленный собственным чувством юмора в свой последний день на земле. — Я бы делал только то, что для меня много значит. Как фильмы про Скорпиуса. Экранизация была совершенно уникальная. Но мне следовало использовать гонорары для общения с

людьми, которые мне дороги. С семьей и друзьями. Я зациклился на переосмыслении собственной карьеры, рассчитывая получить нестандартные роли и вырваться из образа злого мальчика-волшебника. Твою мать, да я в город приехал только для того, чтобы встретиться с издателем еще одной книги, которую даже не писал.

Делайла смотрит на неподписанный экземпляр книги Хоуи, лежащий между ней и ее боссом.

Или бывшим боссом. Непонятно.

— Что сделало бы вас счастливым? — спрашивает Делайла.

Первым делом на ум приходит слово «любовь», и оно поражает Хоуи, как молния, блеснувшая в небе в день безоблачных прогнозов. Хоуи никогда не чувствовал себя одиноким, потому что в любой момент мог выйти в интернет, где его всегда ждали потоки сообщений от поклонниц. Но ведь любовь миллионов и близость с одним, совершенно особенным человеком — вещи абсолютно разные.

— Моя жизнь — это обоюдоострый меч, — говорит Хоуи, и в его словах не слышится, что жизнь его уже окончена, как это обычно бывает у павших духом Обреченных. — Я оказался там, где оказался, потому что моя жизнь летела на огромной скорости. Если бы я не получил ту работу, может быть, я влюбился бы в кого-то, и это было бы взаимно. Может быть, я был бы настоящим сыном, а не человеком, который думает, что вполне достаточно быть просто пухлым кошельком. Я бы нашел время и выучил испанский, чтобы общаться с бабушкой без маминого перевода.

— А если бы вы не добились успеха, но при этом сделали бы всё перечисленное, вам было бы этого достаточно? — спрашивает Делайла. Она сидит на краю сиденья. Сэнди тоже вся внимание.

— Думаю, да…

Хоуи замолкает, когда Делайла и Сэнди округляют глаза.

Машина резко дергается, и Хоуи опускает веки; в груди у него все обрывается, как это бывало каждый раз, когда он катался на американских горках, поднимаясь все выше и выше, пересекая точку невозврата и падая вниз на невообразимой скорости. С той лишь разницей, что сейчас Хоуи знает, что ему грозит настоящая опасность.

БЕЗЫМЯННАЯ БАНДА

17:36

Парням из этой банды сегодня не звонили из Отдела Смерти, и они ведут себя так, будто, раз они выживут, им вообще ничего не угрожает. Они бегут по улицам, не обращая внимания на транспорт, словно чувствуют себя неуязвимыми перед несущимися машинами и абсолютно неприкасаемыми по закону. Двое парней смеются, когда один автомобиль сталкивается с другим, водитель теряет контроль, машину разворачивает и разбивает о стену. Третий слишком сосредоточен на достижении цели. Он вынимает из рюкзака пистолет.

ДЕЛАЙЛА ГРЕЙ

17:37

Делайла все еще жива. Ей не обязательно щупать пульс Хоуи, чтобы понять, что он уже мертв. Она видела, как его голова ударилась о бронированное стекло, слышала тошнотворный треск, который останется в ее памяти навсегда…

Ее сердце отчаянно грохочет. За один день, причем тот самый день, когда Делайла получила звонок и предупреждение о неминуемой смерти, она пережила не только взрыв у книжного магазина, но и автомобильную аварию, которая произошла по вине трех парней, перебегавших улицу в неположенном месте.

Если Смерть охотится за ней, сегодня она промахнулась дважды. Делайла и Смерть сегодня точно не встретятся.

РУФУС

17:39

Я хочу и дальше держать Матео за руку, но нужно пойти обняться с моими корешами. Я пробираюсь сквозь толпу, отодвигая в сторону Обреченных и всех прочих посетителей клуба, чтобы скорее добраться до плутонцев. Мы все будто нажали на паузу, а потом в одну и ту же секунду включились, как четыре автомобиля, рвущиеся вперед, едва загорается зеленый свет. Мы обнимаемся все вместе нашим фирменным плутонским объятием, о котором я мечтал больше пятнадцати часов, с тех самых пор, как сбежал с собственных чертовых похорон.

— Я люблю вас, парни, — говорю я. Никто не отпускает гейских шуток. Эту стадию мы уже прошли. Не стоило им сюда приезжать, но рисковать — это сегодня самое естественное, так что я уже не сопротивляюсь. — От тебя не пахнет тюрягой, Тэго.

— Жаль, ты не увидишь, какую татуху я набью, — говорит Тэго. — Такого дерьма мы повидали…

— Ну, вот именно дерьма мы как раз не видели, — замечает Малкольм.

— Ну и дерьмовые же из вас преступники, — смеюсь я.

— И ведь даже на домашний арест не посадили, — добавляет Эйми. — Стыдобища.

Мы разжимаем объятье, но стоим очень близко, как будто толпа вынуждает нас прижиматься друг к другу. Все трое друзей смотрят на меня, не отрывая глаз: Тэго так, будто хочет погладить меня по голове, Малкольм — как будто увидел привидение, Эйми — будто хочет обнять меня еще раз. Я не позволяю Тэго относиться ко мне как к щенку и не кричу «Бу!» в лицо Малкольму, но делаю шаг вперед и крепко обнимаю Эйми.

— Прости, Эймс, — говорю я. Я и не знал, насколько мне будет стыдно, пока не увидел ее лицо. — Нельзя было так от тебя отгораживаться. Уж точно не в Последний день.

— Ты тоже меня прости, — говорит Эйми. — Мне важна только одна команда, и мне стыдно, что я пыталась играть за обе. У нас непростительно мало времени, но ты всегда будешь для

меня важнее. Даже после…

— Спасибо за эти слова, — говорю я.

— Прости, что пришлось произносить такие очевидные вещи, — говорит Эйми.

— Все в порядке, — отвечаю я.

Я знаю, что помог Матео зажить своей жизнью, но и он помог мне. Помог вернуться в форму. Я хочу, чтобы меня помнили за то, какой я прямо сейчас, а не за то, какую идиотскую ошибку я совершил. Я оборачиваюсь и вижу, что Матео и Лидия стоят рядом плечо к плечу. Я беру Матео за локоть и подвожу к нашей компании.

— Это мой Последний друг, Матео, — говорю я. — А это его лучшая подруга, Лидия.

Плутонцы жмут руки Матео и Лидии. Наши солнечные системы сталкиваются.

— Вам страшно? — спрашивает Эйми нас обоих.

Я хватаю Матео за руку и киваю.

— Игра скоро подойдет к концу, но мы уже выиграли.

— Спасибо, что позаботился о нашем друге, — говорит Малкольм.

— Вы оба можете считать себя почетными плутонцами, — добавляет Тэго. Он поворачивается к Малкольму и Эйми. — Надо бы нам сделать такие значки.

Я пошагово рассказываю плутонцам о своем Последнем дне и посвящаю их в историю о том, как мой инстаграм вновь обрел цвет.

Песня «*Elastic Heart*» Сии подходит к концу.

— Нам пора вон туда, так ведь? — Эйми кивает на танцпол.

— Вперед! — Матео произносит это раньше меня.

МАТЕО

17:48

Я хватаю Руфуса за руку и веду за собой на танцпол. В этот момент на сцену поднимается чернокожий парень по имени Крис и объявляет, что собирается спеть песню собственного сочинения под названием «Конец». Это рэп о прощании с близкими, кошмарах, от которых хочется очнуться, о неизбежной хватке Смерти. Если бы я не стоял сейчас рядом с Руфусом и нашими близкими, я, наверное, ужасно бы затосковал. Но вместо этого мы все танцуем, хотя я и представить себе не мог, что буду не просто танцевать, а делать это с человеком, который бросил мне вызов и заставил меня жить.

Ритм пульсирует во мне, и я по примеру остальных качаю головой в такт и двигаю плечами.

Руфус танцует «харлем шейк» — то ли чтобы впечатлить меня, то ли чтобы рассмешить — и достигает сразу обеих целей, потому что сейчас он светится уверенностью, и это потрясающе. Мы сокращаем расстояние между нами, и, хотя наши руки по-прежнему либо прижаты к телу, либо болтаются в воздухе, все равно танцуем вплотную друг к другу. Не всегда синхронно, но кому какое дело. Танцпол наводняют новые гости, а мы продолжаем соприкасаться. Вчера Матео пришел бы в ужас от клаустрофобности такого положения, но теперь? Пожалуйста, оставьте меня здесь.

Песня сменяется следующей, суперэнергичной, но Руфус останавливает меня и кладет руку мне на бедро.

— Потанцуй со мной.

А я думал, мы уже танцуем.

— Я делаю что-то не так?

— Нет, все прекрасно. Я имею в виду медляк.

Ритм успел еще ускориться, но мы кладем руки друг другу на плечи и талию. Я слегка впиваюсь пальцами в Руфуса, впервые к кому-то так прикасаясь. Мы двигаемся медленно, и из всего, что мы сегодня пережили вместе, самое сложное — смотреть сейчас в глаза Руфусу. Этот момент с легкостью занимает почетное первое место среди самых интимных за всю мою жизнь. Руфус наклоняется к моему уху, и я оказываюсь в странном положении: с одной стороны, я испытываю облегчение, что он не смотрит на меня в упор, а с другой — уже скучаю по его глазам и взгляду, в котором читается, что я хорош сам по себе. Руфус говорит:

— Как жаль, что у нас так мало времени… Я хочу кататься на великах по пустым улицам и спускать сотни баксов на игровые автоматы, а еще усадить тебя на паром до Статен-Айленда, чтобы угостить своим любимым фруктовым льдом с сахарным сиропом.

Теперь я тянусь к его уху.

— Я хочу, чтобы мы поехали на пляж Джоунс, где я гнался бы за тобой по берегу и мы скакали бы под дождем вместе с нашими друзьями. Но не меньше хочу и спокойных вечеров — болтать о всякой чепухе и смотреть дурацкие фильмы. — Я хочу, чтобы у нас была своя история, нечто более длительное, чем то крошечное окошко во времени, которое нам довелось провести вместе. Я хочу долгого будущего, но очевидное подкашивает мне ноги. Я прислоняюсь лбом ко лбу Руфуса, с нас обоих течет пот. — Мне нужно поговорить с Лидией. — Я снова целую Руфуса, и мы начинаем продираться сквозь толпу. Он держит меня за руку и идет сзади по коридору из людей, который я для нас расчищаю.

Лидия видит, что мы держимся за руки, и ровно в этот момент Руфус отпускает меня, и я беру за руку Лидию и увожу к туалетам, где немного потише.

— Только не бей, — говорю я, — но, похоже, я влюбился в Руфуса, а он в меня. Прости, что никогда не говорил, что могу запасть на кого-то вроде Руфуса. Мне казалось, у меня будет больше времени, чтобы принять себя таким, какой я есть, хотя, знаешь, я никогда не видел в этом ничего дурного или неправильного. Думаю, я не зря ждал. Мне нужно было нечто большое и прекрасное, чтобы сделать официальное заявление. И вот он Руфус.

Лидия поднимает руку.

— Я все еще хочу тебя поколотить, Матео Торрес. — Но вместо этого она обнимает меня. — Не знаю, что за тип этот Руфус, и не уверена, что ты сам хорошо его узнал всего за один день, но…

— Я не в курсе подробностей его прошлого. Но, по-моему, Руфус успел показать мне за один день гораздо больше, чем я заслуживаю. Не знаю, понятно ли я выражаюсь.

— Как я буду тут без тебя?

Такие вопросы на засыпку — причина, почему я не хотел никому говорить, что умираю. Есть вопросы, на которые я не могу ответить. Я не могу сказать, как вы справитесь без меня. Не могу сказать, как меня оплакивать. Не могу убедить вас не чувствовать вины, если вы забудете годовщину моей смерти или вдруг поймете, что проходят дни, недели, месяцы — а вы обо мне не вспоминаете.

Я просто хочу, чтобы вы жили.

На стене я замечаю кучу разноцветных маркеров, висящих на резиновых шнурках. Большинство из них высохли. Я нахожу среди них один рабочий дерзкого оранжевого цвета и встаю на цыпочки, чтобы дотянуться до свободного места, на котором пишу: ЗДЕСЬ БЫЛ МАТЕО, И ЛИДИЯ, КАК ВСЕГДА, БЫЛА РЯДОМ С НИМ.

Я обнимаю Лидию.

— Пообещай, что будешь в порядке.

— Это было бы колоссальным преувеличением.

— Прошу, соври, — говорю я. — Ну же, скажи, что будешь продолжать двигаться вперед. Пенни нуждается в тебе на все сто процентов, и мне важно знать, что тебе хватит сил позаботиться о будущем мировом лидере.

— Черт, я не могу…

— Что-то случилось, — говорю я. Сердце готово выпрыгнуть из груди. Эйми стоит между компанией Руфуса и плутонцев и тремя парнями, которые что-то выкрикивают ей через плечо. Лидия хватает меня за руку, как бы пытаясь оттащить назад, чтобы спасти мне жизнь, пока я не вмешался в происходящее. Она боится, что я умру у нее на глазах, и я тоже этого боюсь. Парень пониже с разбитым лицом вынимает пистолет. Но кто готов вот так, в открытую, пристрелить Руфуса?

Тот, на кого он напал.

Все замечают пистолет, и в клубе начинается хаос. Я бегу к Руфусу, посетители врезаются в меня на пути к двери. Меня сбивают с ног, кто-то наступает на меня — вот так я и погибну, за минуту до того, как Руфуса застрелят из пистолета, а может быть, даже в ту же самую минуту. Лидия кричит, чтобы все остановились и отошли, а потом помогает мне подняться. Выстрелов пока не слышно, но все теснятся подальше от образовавшегося кружка. Сквозь эту давку невозможно пробраться, я не смогу приблизиться к Руфусу, не смогу прикоснуться к нему, пока он все еще жив.

РУФУС

17:59

Сначала я решаю, что это Эйми привела их в клуб, и чуть было не срываюсь на нее, но Эйми встает между мной и пистолетом. Я знаю, что сегодня она не умрет, но это вовсе не значит, что она пуленепробиваема. Не знаю, откуда Пек и его вооруженные головорезы пронюхали, что я здесь, но теперь мне конец.

Нельзя сейчас глупить. Нельзя строить из себя героя.

Я не готов смириться с таким поворотом событий. Может быть, направь он на меня дуло до того, как я встретил Матео и ко мне вернулись плутонцы, — мне было бы пофиг, нажимайте на курок. Но моя жизнь стала мне дороже.

— Теперь-то помалкиваешь, а? — говорит Пек. Его рука дрожит.

— Не делай этого. *Пожалуйста.* — Эйми качает головой. — Твоя жизнь тоже сразу закончится.

— Просишь за него, да? А на меня тебе просто плевать.

— Если ты это сделаешь, мне вечно будет на тебя плевать.

Надеюсь, она говорит это не просто чтобы его успокоить. Ведь если эти двое на самом деле останутся вместе, я буду вечно преследовать их с того света. На секунду мне хочется рискнуть и спрятаться за спиной Малкольма, а потом броситься на Пека, но вряд ли у меня выйдет что-то дельное.

Матео.

Он подходит к Пеку сзади, и я мотаю головой. Пек замечает это движение, оборачивается, и вот я уже несусь на него, потому что теперь под угрозой жизнь Матео. Он бьет Пека по лицу (даже не верится), и, хотя удар этот не сбивает Пека с ног — нет, ничего такого, — у нас появляется шанс. Друган Пека размахивается, чтобы ударом снести голову Матео с плеч, но в последнюю секунду отступает, будто бы узнав его. Не знаю, что происходит, но в конце концов Матео отходит назад. Пек готов наброситься на него, и я уже выступаю вперед, чтобы его защитить, но меня опережает Малкольм. Он, как паровоз, врезается в Пека и его приятеля — и впечатывает их обоих в стену. Пистолет падает на пол.

И не выстреливает. Все остаются целы.

Второй кореш Пека пытается поднять пистолет, но получает от меня по физиономии, и Тэго обрушивается на него сверху. Я хватаю пистолет первым. Можно прикончить Пека прямо сейчас, чтобы он больше и близко не подходил к Эйми. Когда Малкольм отходит на безопасное расстояние, я направляю на Пека пистолет. Матео смотрит на меня точно так же, как смотрел, когда пытался от меня убежать, а я его догнал. Как будто я опасен.

Я отстреливаю сразу весь барабан.

Пули оказываются в стене клуба.

Я хватаю Матео за руку, и мы убегаем, потому что Пек с товарищами пришли сюда меня убить,

а мы как раз те самые ребята, которые сегодня скорее всего обнаружат нож у себя в шее или пулю в голове.

Сегодня мне дико не везет с прощаниями.

ДАЛМА ЯНГ

18:20

Далме Янг не позвонили из Отдела Смерти, потому что сегодня она не умрет, но если бы позвонили, то она провела бы день со своей сводной сестрой, а может быть, даже с Последним другом. В конце концов, это ведь она создала приложение.

— Слушай, ты не хочешь на меня работать, честное слово, — говорит Далма, переходя улицу под руку со сводной сестрой. — *Я сама* не хочу на себя работать. На этой работе теперь приходится столько *работать…*

— Но стажировка — это как-то тупо, — говорит Далия. — Если и впахивать в айти, то лучше уж получать в три раза больше, чем я получаю сейчас. — Далия — самая нетерпеливая девушка двадцати одного года от роду во всем Нью-Йорке. Она против любых промедлений и всегда готова перейти от одной фазы жизни к другой. Едва начав встречаться со своей прежней девушкой, она в течение недели подняла вопрос об узаконивании отношений. А теперь хочет поменять стажировку в айти-компании на полноценную работу в «Последнем друге». — Ладно, пофиг. Как прошли твои встречи? Познакомилась с Марком Цукербергом?

— Встречи прошли очень неплохо, — говорит Далма. — Твиттер пустит рекламу уже в следующем месяце. А фейсбуку понадобится чуть больше времени.

Далма сегодня встречалась с разработчиками из твиттера и фейсбука. Утром она запустила новую функцию приложения под названием «Последнее послание», которое позволяет пользователям подготовить свой последний твит или статус, чтобы оставленные ими в сети следы были более осмысленными, чем, скажем, размышления о популярном фильме или какое-нибудь вирусное видео про чужую собаку.

— Как думаешь, каким будет твое Последнее послание? — спрашивает Далия. — Я, скорее всего, воспользуюсь цитатой из фильма «Мулен Руж» о том, что самое главное в жизни — это быть любимым и любить самому и бла-бла-бла чего-то там.

— Да, ты прямо без ума от этой цитаты, сестренка, — говорит Далма.

Конечно, Далма уже обдумывала этот вопрос. За последние годы приложение «Последний друг» превратилось в невероятно мощный ресурс, начиная с самой первой его версии, однако Далия не может без ужаса вспоминать тот случай прошлым летом, когда одиннадцать пользователей приложения погибли от рук серийного убийцы. Велик был соблазн продать приложение и отмыться от всей этой крови. Но в мире произошло гораздо больше случаев, когда ее детище принесло людям добро. Например, не далее как сегодня днем в вагоне метро Далия подслушала разговор двух улыбающихся молодых девушек, одна из которых сказала другой, что ужасно благодарна ей за сообщение в «Последнем друге». А потом выяснилось, что вторая девушка так любит саму идею этого приложения, что расписывает город граффити с его названием и таким образом делает ему рекламу.

Рекламу *ее приложению.*

Прежде чем Далма успевает ответить, мимо нее пробегают два подростка. Один с ежиком на голове, смуглый, чуть светлее, чем она сама, второй — в очках, с густыми темными волосами и еще более светлой кожей, примерно как у Далии. Первый спотыкается, второй помогает ему подняться — и они куда-то бегут дальше. Интересно, думает Далма, они тоже сводные братья, и у них тоже, как у нее с Далией, общая только мама? А может быть, это друзья детства, которые вечно что-то замышляют и помогают друг другу?

А может, они только что познакомились.

Далма смотрит вслед убегающим подросткам.

— Моим Последним посланием будет: «Ищите своих людей. И относитесь к каждому дню как к целой жизни».

МАТЕО

18:24

Понимая, что нам уже ничего не грозит, мы прислоняемся к стене и сползаем по ней вниз, как утром, когда я не справился с нервами после бегства от Лидии. Я хочу укрыться в каком-нибудь безопасном месте, например в запертой комнате, а не оставаться на улице, где кто-то может охотиться за Руфусом. Руфус держит меня за руку и обнимает за плечи, не отпуская далеко от себя.

— Респект за то, что вломил Пеку, — говорит Руфус.

— Я впервые кого-то ударил, — говорю я. Я все еще шокирован всем тем, что сделал сегодня в первый раз: спел на публике, поцеловал Руфуса, потанцевал, ударил человека, услышал, как свистят пули, пролетая мимо меня.

— Хотя на самом деле не надо драться с тем, у кого пушка в руках, — говорит Руфус. — Тебя могли убить.

Я смотрю на улицу за углом, пытаясь восстановить дыхание.

— Ты критикуешь то, как я спас тебе жизнь?

— Если бы я отвернулся, тебя уже могло бы и не быть в живых. С этим я смириться не могу.

Я ни о чем не жалею. Мысленно возвращаясь во времени, я представляю, что могло бы случиться, споткнись я или окажись чуть нерасторопнее: я потерял бы ценное время и дорогого мне человека, потому что пули разорвали бы на части его прекрасное сердце.

Я чуть не потерял Руфуса. Нам осталось не больше шести часов жизни, и, если его не станет первым, я превращусь в зомби, который прекрасно осознаёт, что его голова уже на плахе. Когда я договорился встретиться с Руфусом около трех часов ночи, я не ожидал, что между нами возникнет такая связь.

Этот день дарит мне невообразимо много. Но при этом он абсолютно немыслим, абсолютно

Topreading.ru

невыносим.

На глаза у меня наворачиваются слезы, и остановить их невозможно. Наконец-то я плачу, потому что хочу, чтобы у меня впереди были новые утра.

— Я уже по всем скучаю, — говорю я. — По Лидии, по плутонцам.

— И я, — говорит Руфус. — Но мы не можем снова рисковать их жизнями.

Я киваю.

— Меня убивает это подвешенное состояние. Не могу больше оставаться на улице. — Грудная клетка вся напряжена. Есть огромная разница между жизнью без страхов, которой я в конечном итоге и научился жить, и твердой уверенностью, что тебе есть чего бояться. — Тебе будет неприятно, если я скажу, что хочу домой? Хочу лежать в своей постели, где ничего не представляет опасности, и хочу, чтобы ты поехал со мной, но в этот раз вошел в квартиру. Я знаю, что провел всю жизнь, прячась там, но сегодня я очень постарался пожить нормальной жизнью и теперь хочу поделиться своим домом с тобой.

Руфус сжимает мою ладонь.

— Веди меня домой, Матео.

ПЛУТОНЦЫ

18:33

Этим троим плутонцам не позвонили из Отдела Смерти, потому что сегодня они не умрут, но их четвертый товарищ получил предупреждение, и эта новость обернулась настоящей катастрофой для каждого из них. Плутонцы едва не стали свидетелями смерти своего лучшего друга Руфуса, когда на него уже было направлено дуло пистолета. Последний друг Руфуса появился из ниоткуда, как супергерой, и ударил Пека по лицу, чем спас Руфусу жизнь. Или, по крайней мере, продлил ее еще ненадолго. Плутонцы знают, что Руфус не переживет сегодняшний день, но он не погиб от жестокой руки того, кто собирался его убить.

Плутонцы стоят все вместе на обочине у «Кладбища Клинта», когда полицейская машина отъезжает от клуба, увозя безымянную банду в участок.

Двое парней радуются, надеясь, что эти трое проведут за решеткой больше времени, чем они сами провели там сегодня.

Девушка сожалеет о том, что сыграла в этой истории такую роль. Но при этом испытывает облегчение, что ее неуверенный в себе, ревнивый бойфренд не нанес Руфусу смертельного удара. Ее бывший бойфренд.

Несмотря на то что смерть им самим пока не угрожает, завтра жизнь каждого плутонца изменится. Им придется все начать сначала. Они уже привыкли это делать. В свои юные годы они обросли таким количеством историй, которым не может похвастаться почти никто из их ровесников. Смерть друга, как бы она ни настигла его, останется в сердцах этих подростков навсегда. Жизнь нельзя назвать чередой уроков, но порой она все-таки их преподносит.

Мы рождаемся в семье, но на друзей мы всегда набредаем сами. Иногда обнаруживаем, что кого-то можно уже оставить в прошлом. Другие стоят того, чтобы идти ради них на любой риск.

Трое друзей обнимаются, и в их плутонском объятии не хватает одного звена. Но оно никогда не будет забыто.

РУФУС

19:17

Мы проходим мимо того места, где Матео сегодня утром похоронил птицу. Я тогда был не более чем незнакомцем на велике. Нам уже пора начинать бояться, потому что очень скоро наш срок годности истечет, как у старого мяса, но я держу себя в руках, шагая рядом с Матео, и он, кажется, тоже в порядке.

Матео ведет меня к дому, в котором живет.

— Если ты больше ничего не хочешь делать, Руф, я подумал, может, мы можем снова сходить к папе?

— Ты только что назвал меня Руфом?

Матео кивает и морщится, как будто только что неудачно пошутил.

— Подумал, что можно попробовать. Это ничего?

— Конечно, ничего, — говорю я. — И план мне нравится. Хорошо будет немного передохнуть, а потом сразу двинуть. — Часть меня не может перестать гадать, ведет ли Матео меня домой, чтобы заняться сексом, но, скорее всего, секс сейчас не первое, что у него на уме.

Матео едва не нажимает кнопку лифта, но потом вспоминает, что мы договорились им не пользоваться, особенно сейчас, когда жить нам осталось совсем мало. Он открывает дверь на лестницу и начинает осторожно подниматься вверх. Тишина между нами с каждой ступенькой становится все тяжелее. Мне хотелось бы поторопить Матео, чтобы мы наперегонки понеслись к его двери, как на пляже Джоунс в его фантазиях, но сейчас это самый верный способ никогда не добраться до квартиры.

— Я скучаю… — Матео останавливается на третьем этаже. Мне кажется, он сейчас заговорит о папе или Лидии. — Я скучаю по временам, когда был таким маленьким, что не боялся смерти. Скучаю даже по вчерашнему дню: вчера я был параноиком, но не должен был умереть.

Я обнимаю его, потому что объятие говорит все, когда мне сказать совершенно нечего. В ответ Матео прижимается ко мне, а затем мы преодолеваем последний лестничный пролет.

Матео открывает входную дверь.

— Не могу поверить, что впервые привожу домой парня, а здесь нас даже никто не ждет.

Вот была бы чума, если бы мы зашли в квартиру, а на диване сидел бы папа Матео.

Topreading.ru

Мы заходим, но в квартире никого, кроме нас, нет.

Надеюсь.

Я обхожу гостиную по кругу. Не буду притворяться, я немного нервничаю, как будто из-за угла может выпрыгнуть какой-нибудь старый друг семьи, успевший стать врагом и решивший, что раз отец Матео в коме, то квартира беззащитна. Но вроде все тихо. Я рассматриваю общие фотографии класса Матео. На некоторых он без очков.

— Когда ты начал носить очки? — спрашиваю я.

— В четвертом классе. Дразнили меня всего неделю, повезло. — Матео смотрит на свое выпускное фото (там он в мантии и академической шапочке), будто бы смотрится в зеркало и видит альтернативную версию себя, как из параллельной Вселенной. Это такой крутой момент, что стоило бы его запечатлеть, но, видя взгляд Матео, я снова хочу его обнять. — Держу пари, папа расстроился, что я поступил на дистанционку в универе. Он так мной гордился на выпускном, наверное, надеялся, что я изменю свое решение, вылезу из интернета и получу настоящий студенческий опыт.

— Тебе нужно рассказать ему все, что ты за сегодня сделал, — говорю я. У нас осталось не так много времени. Матео очень важно снова увидеться с отцом.

Матео кивает.

— Иди за мной.

Мы проходим через небольшую прихожую прямо к нему в комнату.

— Так вот где ты от меня прятался, — говорю я. По всему полу разбросаны книги, как будто кто-то пытался ограбить комнату. Но Матео эта картина совсем не пугает.

— Я прятался не от тебя. — Матео присаживается на корточки и начинает складывать книжки в стопки. — У меня тут ночью случилась паническая атака. Не хочу, чтобы папа, вернувшись домой, узнал, как мне было страшно. Хочу, чтобы он думал, что я всю дорогу был настоящим смельчаком.

Я встаю на колени и поднимаю с пола книгу.

— Есть какая-то система?

— Уже нет, — говорит Матео.

Мы ставим книжки обратно на полки и поднимаем с пола какие-то безделушки.

— Мне тоже не нравится мысль о том, что тебе было страшно.

— Ну не прямо так. Не надо беспокоиться обо мне старом.

Я оглядываю его комнату. Вижу *Xbox Infinity*, пианино, колонки и карту, которую я поднимаю с пола. Разгладив ее кулаком, я вспоминаю все потрясные места, в которых мы с Матео сегодня побывали, и вдруг замечаю на полу между комодом и кроватью кепку Луиджи. Я хватаю ее с пола и надеваю ему на голову. Он улыбается.

— Вот этот парень сегодня утром написал мне сообщение, — говорю я.

— Луиджи? — спрашивает Матео.

Я смеюсь и вынимаю из кармана телефон. Он улыбается не на камеру, его улыбка реально предназначена мне. Я не чувствовал себя так хорошо с тех пор, как расстался с Эйми.

— Время для фотосессии. Попрыгай на кровати или типа того.

Матео валится на постель лицом вниз. Потом встает и принимается прыгать и скакать, но быстро поворачивается лицом к окну, как будто боится, что одно неловкое движение катапультирует его на улицу.

Я, не прекращая, фотографирую этого клевого, неузнаваемого Матео.

МАТЕО

19:34

Я сам на себя не похож, и Руфусу это нравится. Да и мне тоже.

Перестав скакать, я сажусь на край кровати и пытаюсь отдышаться. Руфус садится рядом и берет меня за руку.

— Я хочу тебе кое-что спеть, — говорю я.

Мне ужасно не хочется отпускать его ладонь, но я обещаю себе, что сейчас займу обе руки делом. Я присаживаюсь за синтезатор.

— Приготовься. Такое выступление случается только раз в жизни. — Я бросаю взгляд на Руфуса через плечо. — Ты как? Уже чувствуешь себя особенным?

Руфус притворяется, что совсем не впечатлен.

— Я норм. А вообще немного устал.

— Ну, тогда проснись и почувствуй себя особенным. Папа любил петь эту песню маме, хотя голос у него гораздо лучше, чем у меня.

С громко бьющимся сердцем я начинаю играть аккорды песни «*Your Song*» Элтона Джона, но сейчас щеки у меня горят не так сильно, как в «Кладбище Клинта». Говоря, что Руфус особенный, я не шучу. В ноты я не очень попадаю, но благодаря ему это меня совсем не заботит.

Я пою про странствующего лекаря, который готовит зелья во время представлений по всей стране, о том, что мой подарок — это моя песня, о том, как я сижу на крыше и включаю солнце на небе, о самых красивых глазах, что я видел на свете, и много еще о чем. Во время короткого перерыва я поворачиваюсь и замечаю, что Руфус снимает меня на видео. Я ему улыбаюсь. Руфус подходит и целует меня в лоб, и я пою ему, когда он так близко: «*I hope you don't mind, I hope you don't mind, that I put down in words… how wonderful life is now you're in the world…*»[19]

Я допеваю, и в награду мне Руфус улыбается. Это моя победа. В его глазах стоят слезы.

— Нет, ты все-таки *прятался* от меня, Матео. Я всегда хотел познакомиться с кем-то вроде тебя, и как же отстойно, что я нашел тебя через тупое приложение.

— А мне нравится «Последний друг», — говорю я. Я хорошо понимаю, что имеет в виду Руфус, но не хотел бы менять способ нашего знакомства. — Вот я сидел, искал себе товарища, а нашел тебя, и ты нашел меня, и мы решили встретиться, прислушавшись к своей интуиции. Что случилось бы в ином случае? Не гарантирую, что я бы вообще отсюда вышел или что наши пути пересеклись бы. Точно не в Последний день. Встреться мы случайно, было бы просто потрясающе, это правда, но, по-моему, приложение дает человеку больше шансов с кем-то познакомиться. Мне оно помогло признаться себе, что я одинок и мне нужно кого-то найти. Просто я не рассчитывал найти то, что нашел в тебе.

— Ты прав, Матео Торрес.

— Время от времени бываю, Руфус Эметерио. — Я впервые произношу его имя вслух и надеюсь, что делаю это без ошибок.

Я иду в кухню и приношу кое-что перекусить. Это, конечно, очень по-детски, но мы играем в семью. Я намазываю крекеры арахисовым маслом и, предварительно убедившись, что у Руфуса нет аллергии на орехи, предлагаю их ему вместе со стаканом холодного чая.

— Как прошел твой день, Руфус?

— Лучше некуда, — отвечает он.

— И у меня, — говорю я.

Руфус приглашает меня присесть рядом с ним на край кровати.

— Иди сюда.

Я сажусь, и мы устраиваемся поудобнее лицом к лицу, обхватив друг друга руками и ногами, и делимся историями из жизни, например как каждый раз, когда Руфус устраивал истерику, родители заставляли его садиться с ними посреди комнаты, по типу того как папа отправлял меня принять душ, чтобы я успокоился.

Руфус рассказывает мне про Оливию, я ему — про Лидию.

Но потом мы перестаем говорить о прошлом.

— Это наш оплот, наш маленький островок. — Руфус чертит вокруг нас невидимый круг. — Мы никуда отсюда не уйдем. Не двигаясь, мы не сможем умереть. Понимаешь?

— Может, задушим друг друга в объятьях, — говорю я.

— Уж лучше это, чем любая опасность за пределами нашего островка.

Я делаю глубокий вдох.

— Но если по какой-то причине этот план не сработает, нам нужно пообещать друг другу, что мы найдемся на том свете. Руф, после смерти должна быть жизнь. Это единственное, что может оправдать такую раннюю смерть.

Руфус кивает.

— Я тебе сильно облегчу задачу по поиску себя. Развешу там неоновые вывески. Пущу по улицам оркестр.

— Хорошо, потому что я, наверное, буду без очков, — говорю я. — Не уверен, что они вознесутся вместе со мной.

— То есть ты точно знаешь, что в загробной жизни будет кинотеатр, но при этом не уверен, что останешься в очках? Какая-то недоработка в небесном сценарии. — Руфус снимает с меня очки и надевает их сам. — Ого. Фиговое у тебя зрение.

— И то, что ты отнял у меня очки, делу не помогает. — Перед глазами туман, я различаю только оттенок его кожи, но не вижу ни единой черты лица. — Спорим, ты тупо выглядишь.

— Дай-ка я себя сфотографирую. А лучше давай вместе.

Я ничего не вижу, но смотрю прямо перед собой, щурюсь и улыбаюсь. Руфус возвращает мне очки и показывает получившееся фото. Глядя на мое лицо, можно подумать, что я только что проснулся. Мои очки на лице Руфуса — приятный признак близости, как будто мы знаем друг друга так давно, что легко можем позволить себе подобные глупости. Никогда не думал, что со мной такое случится.

— Я бы полюбил тебя, если бы у нас было побольше времени, — выпаливаю я, ведь именно это я чувствую сейчас и чувствовал множество мгновений, минут и часов назад. — Может быть, и уже полюбил. Надеюсь, ты не злишься на эти мои слова, я просто точно знаю, что счастлив. Люди ставят себе временные рамки, отмеряя, сколько нужно быть знакомыми, чтобы заслужить право говорить такие слова. Но я не стал бы врать тебе, и не важно, сколько у нас осталось времени. Люди тратят время, ждут подходящего момента, но нам такая роскошь не дана. Если бы у нас в запасе была целая жизнь, держу пари, ты бы устал слушать мои признания в любви, потому что, я уверен, к этому все идет. Но мы с тобой вот-вот умрем, и поэтому я хочу повторять столько, сколько вздумается: я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя.

РУФУС

19:54

— Эй, ты отлично знаешь, что я тоже тебя люблю. — Черт. Чувство такое сильное, что мне физически больно. — Это не член мой мне диктует, ты знаешь, я не такой. — Я хочу еще раз его поцеловать, потому что он воскресил меня, но сейчас я весь напряжен. Если б меня вдруг подвел здравый смысл, если б я не воевал с таким усилием за то, чтобы быть собой, я бы снова сделал какую-нибудь тупость и что-нибудь ударил, так я сейчас зол. — Мир нереально жесток. Я начал свой Последний день с того, что избил человека за то, что он встречается с моей бывшей девушкой, а теперь оказался в постели с потрясающим парнем, которого знаю меньше двадцати четырех часов… Ужасно. Тебе не кажется?..

— Мне не кажется что? — Двенадцать часов назад Матео нервничал бы, задавая мне вопрос. Он бы его задал, но тут же отвернулся бы. Сейчас он смотрит мне прямо в глаза.

Я не хочу спрашивать, но, возможно, Матео думает сейчас о том же.

— Что мы умрем, потому что познакомились друг с другом?

— Мы узнали, что умрем, еще до того, как познакомились, — говорит Матео.

— Знаю. Но, может быть, у нас на роду так написано, или на лбу, или еще где. Знакомятся два парня. Влюбляются. И умирают. — Если это правда, я долбану кулаком по ближайшей стене. И даже не пытайтесь меня остановить.

— Это не про нас. — Матео сжимает мои ладони. — Мы умираем не из-за любви. Мы все равно бы сегодня умерли, что бы ни произошло с нами за день. Ты не просто помог мне остаться в живых. Ты научил меня жить. — Он садится ко мне на колени и прижимает меня к себе, обнимая так крепко, что его сердце бьется о мою грудную клетку. Готов поспорить, и он чувствует биение моего сердца. — Познакомились два парня. Влюбились. И прожили жизнь. Вот наша история.

— Твоя история получше будет. Правда, концовка еще требует доработки.

— Не думай о концовке, — шепчет Матео мне прямо в ухо. — Потом отодвигается и смотрит мне в глаза. — Я сомневаюсь, что мир сейчас в настроении совершать чудеса, так что нам лучше не ждать и «жили они долго и счастливо». Важно только то, как мы проживаем сегодняшний день. Я, например, перестал бояться мира и людей, которые в нем живут.

— А я перестал быть тем, кто мне не нравится, — говорю я. — Я-старый тебе бы тоже не понравился.

Он улыбается сквозь слезы.

— Ты бы не стал ждать, пока я осмелею. Может, так лучше — все сделать правильно и побыть счастливыми всего один день, чем прожить целую жизнь, утопая в ошибках.

Он прав абсолютно во всем.

Мы кладем головы на подушки. Я надеюсь, что мы умрем во сне. Кажется, это лучший способ уйти.

Я целую своего Последнего друга, потому что верю, что мир не может пойти на нас войной, если свел нас вместе.

МАТЕО

20:41

Проснувшись, я чувствую себя неуязвимым. Не проверяю, сколько времени: не хочу, чтобы что-то нарушило мой настрой победителя. В моем сознании я уже проживаю следующий день. Я победил Отдел Смерти и его предсказания, я единственный человек в истории, которому это удалось. Надев очки, я целую Руфуса в лоб и наблюдаю, как он отдыхает. Я волнуюсь, когда протягиваю руку к его сердцу, и с облегчением ощущаю, что оно все еще бьется. Он тоже неуязвим.

Я перелезаю через Руфуса; готов поспорить, он убил бы меня собственными руками, если бы застал за тем, как я покидаю наш островок безопасности, но я хочу побыть своим папой. Я выхожу из комнаты и иду в кухню, чтобы приготовить нам чай. Ставлю чайник на конфорку, проверяю, какие чаи есть у нас в шкафчике, и останавливаю свой выбор на мятном.

Когда я включаю газ, все внутри меня опускается от чувства сожаления. Даже когда знаешь, что перед тобой твоя смерть, вспышка все равно ошарашивает.

РУФУС

20:47

Я просыпаюсь от того, что задыхаюсь в густом дыму. Оглушающая пожарная сигнализация не дает сосредоточиться. Не знаю, что происходит, но уверен, что вот он, тот самый момент. Я протягиваю руку, чтобы разбудить Матео, но рука моя нащупывает в темноте только мой телефон, который я убираю в карман.

— МАТЕО!

Сигнализация заглушает мои крики, я давлюсь дымом, но продолжаю выкрикивать его имя. В окно проникает лунный свет, и только на него мне и приходится рассчитывать. Я хватаю свою флисовую куртку, оборачиваю ее вокруг лица и ползком начинаю шарить по полу в поисках Матео. Он должен быть где-то здесь, он точно не рядом с источником дыма. Я стараюсь не думать, о том, что Матео сгорел. Нет, этого произойти не могло. Это невозможно.

Я добираюсь до входной двери в квартиру и распахиваю ее, выпуская часть черного дыма на лестничную площадку. Я безостановочно кашляю, не могу дышать, и свежий воздух — это именно то, что мне сейчас необходимо, однако паника делает свое дело: я подавлен и беспомощен и готов уже начать обратный отсчет. Твою мать, как же тяжело дышать. На лестничной площадке собрались соседи, о которых Матео ничего мне не рассказывал. Он столько всего не успел мне рассказать… Но это ничего. У нас будет еще пара-тройка часов, когда я его найду.

— Мы уже вызвали пожарную бригаду, — говорит какая-то женщина.

— Принесите ему воды, — говорит какой-то мужчина, похлопывая меня по спине, пока я продолжаю задыхаться.

— Я сегодня получил от Матео записку, — говорит другой мужчина. — В ней он сообщил, что скоро его не станет, и просил не беспокоиться о плите… Когда он вернулся домой? Я стучался днем, но его не было!

Я отчаянно откашливаюсь, насколько это, конечно, возможно, после чего отталкиваю мужчину в сторону с такой силой, о которой я даже не подозревал. Я снова вбегаю в горящую квартиру и направляюсь прямо в кухню, из которой выбиваются оранжевые всполохи. В квартире жарко, мне никогда в жизни не было так жарко. В моей жизни не было жары сильнее, чем на Кубе во время каникул, когда мы с семьей проводили время на пляже Варадеро. Не понимаю, почему Матео не остался лежать в постели, мы же, мать его, договорились. Без понятия, в чем была проблема с плитой, но если я успел понять, что Матео за человек (а я, черт возьми, успел), держу пари, он хотел сделать что-нибудь приятное для нас двоих. Что-то, что совершенно не

стоило его жизни.

Я иду навстречу пламени.

Уже приготовившись вбежать в кухню, я задеваю ногой что-то твердое. Я падаю на колени, и оказывается, что это рука, которая должна была обнимать меня при пробуждении. Я хватаю Матео, и пальцы погружаются в обожженную кожу, я рыдаю в голос, нащупывая вторую руку и вытаскивая тело из огня и дыма, к тем придуркам, которые сейчас орут мне что-то из дверного проема, а сами не нашли в себе смелости зайти в квартиру и спасти пару подростков.

На Матео падает свет с лестничной площадки. Его спина сильно обгорела. Я переворачиваю его и вижу, что половина лица сгорела до кости, вторая половина темно-красного цвета. Я подкладываю руку ему под шею, прижимаю к себе и начинаю укачивать, как ребенка.

— Проснись, Матео. Просыпайся, просыпайся, — умоляю я. — Зачем же ты вылез из постели… Мы же договорились, что не будем… — Не надо было ему вставать с кровати, не надо было бросать меня в доме, полном огня и дыма.

Приезжает пожарная бригада. Соседи пытаются оттащить меня от Матео, я размахиваюсь и ударяю одного из них в надежде на то, что, если я уложу одного, остальные либо от меня отстанут, либо, наоборот, всей толпой окажутся в объятом огнем помещении. Мне так хочется отхлестать Матео по щекам, чтобы разбудить его, но бить его по лицу нельзя, его и так не пощадил огонь. Глупый Матео, он никак не хочет просыпаться, чтоб его.

Рядом со мной присаживается на колени пожарный.

— Давайте мы отнесем его в машину скорой помощи.

Я наконец сдаюсь.

— Он не получал предупреждения, — вру я. — Доставьте его в больницу как можно скорее, прошу.

Я не отхожу от Матео, когда его везут на каталке в лифт, через холл и далее к машине скорой помощи. Врач проверяет пульс Матео и смотрит на меня с сочувствием. Сраное дерьмо.

— Нам нужно доставить его в больницу, вы же ви-дите! — говорю я. — Ну же! Что вы тут топчетесь! Поехали!

— Мне очень жаль. Он умер.

— СДЕЛАЙТЕ СВОЮ РАБОТУ И НЕМЕДЛЕННО ОТВЕЗИТЕ ЕГО В ГРЕБАНУЮ БОЛЬНИЦУ!

Другой врач открывает заднюю дверь скорой, но не вкатывает каталку с Матео внутрь. А достает черный мешок с застежкой-молнией.

Только не это.

Я выхватываю мешок у него из рук и выбрасываю в кусты, потому что такие мешки предназначены для трупов, а Матео еще жив. Я снова поворачиваюсь к нему, давлюсь слезами и просто подыхаю.

— Ну же, Матео, это я, Руф. Ты же меня слышишь, да? Это Руф. Просыпайся. Прошу, очнись.

21:16

Я сижу на обочине, а медики засовывают в мешок Матео Торреса.

21:24

Меня осматривает врач, пока машина скорой помощи на полной скорости везет нас в больницу Страус Мемориал. Сидя в скорой, я снова и снова вспоминаю, как погибла моя семья. Сердце горит в груди; я ужасно злюсь на Матео за то, что он умер раньше меня. Не хочу сидеть в скорой, хочу найти велопрокат или просто убежать, несмотря на то что дышать так больно, и в то же время не могу оставить Матео тут одного.

Я рассказываю парню в мешке для трупов обо всем, что мы планировали делать вместе, но он меня не слышит.

В больнице нас разделяют: меня уводят в реанимацию, а Матео везут на каталке в морг.

Сердце горит у меня в груди.

21:37

Я лежу на больничной койке и дышу через кислородную маску, параллельно читая полные любви послания от плутонцев под моими фотками в инстаграме. Здесь нет идиотских плачущих смайликов, они знают, что я этого всего терпеть не могу. Больше всего меня пронимают их сообщения под моей последней фотографией с Матео:

@tagoeaway:Мы оторвемся тут за тебя по полной, Руф! #плутонцынавсегда #плутонцынавечно

@manthony012:Я люблю тебя, брат. Встретимся на следующем уровне. #плутонцынавсегда

@aimee_dubois:Я тебя люблю и буду искать тебя всюду каждый день своей жизни. #созвездиеплутон

Они не пишут «береги себя» или что-то в этом роде, потому что знают, что к чему, но, без сомнения, болеют за меня душой.

Они оставили комментарии подо всеми сегодняшними фото у меня в аккаунте, написали, как им жаль, что их не было с нами в «Арене путешествий», в офисе «Жизни в моменте» и на кладбище. Везде.

Я открываю наш плутонский групповой чат и отправляю им полные боли слова: Матео погиб.

Соболезнования начинают прилетать с такой скоростью, что у меня кружится голова. Они не спрашивают подробностей, хотя, могу поспорить, Тэго изо всех сил борется с желанием узнать, как это произошло. Какое облегчение, что он все же сдерживается.

Мне необходимо на секунду прикрыть глаза. Ненадолго, потому что времени у меня остается совсем чуть-чуть. Но в случае, если я не проснусь из-за каких-нибудь осложнений, я отправляю плутонцам последнее сообщение: «*Что бы ни случилось, развейте мой прах в парке Алтеа. Обнимаю каждого до хруста. Я люблю вас*».

22:02

Я просыпаюсь от кошмара. В нем Матео полыхал огнем, обвиняя меня в своей смерти, говоря, что не умер бы, если бы не познакомился со мной. Эта мысль прожигает мне мозг, но я быстро отгоняю ее, убеждая себя, что это всего лишь кошмар, ведь Матео точно не стал бы никого ни в чем винить.

Матео больше нет.

Он не должен был так умереть. Будучи столь бескорыстным человеком, Матео должен был кого-то спасти. Нет, пусть смерть его и не была геройской, умер он героем.

Матео Торрес совершенно точно спас меня.

ЛИДИЯ ВАРГАС

22:10

Лидия сидит на диване, ест конфеты, чтобы успокоить нервы, и позволяет Пенни не спать. Бабушка Лидии уже легла, утомленная часами, проведенными с внучкой, да и сама Пенни постепенно успокаивается. Она не капризничает и не ноет, как будто знает, что нужно дать маме передохнуть.

У Лидии звонит телефон. Этот тот же номер, с которого Матео звонил ему днем, номер Руфуса. Она отвечает:

— Матео!

Пенни смотрит на дверь, но Матео не обнаруживает.

Лидия ждет его голоса, но на том конце молчат.

— …Руфус? — Сердце ее бешено стучит, она закрывает глаза.

— Да.

Это случилось.

Лидия роняет телефон на диван и бьет кулаком по подушке, пугая Пенни. Лидия не хочет знать, как это случилось. Не сегодня. Ее сердце и так разбито, не стоит топтаться на осколках. Крошечные ладошки отнимают руки Лидии от лица, и, как и раньше, Пенни начинает плакать, потому что плачет ее мама.

— Мама, — лопочет Пенни. Одно-единственное слово говорит Лидии сразу все: ты рассыпалась

в прах, но надо собраться. Если не ради себя, то ради своей дочери.

Лидия целует Пенни в лобик и поднимает трубку.

— Ты еще тут, Руфус?

— Да, — снова произносит он. — Соболезную.

— А я тебе, — отвечает Лидия. — Где ты сейчас?

— В той же больнице, что и его папа.

Лидии хочется спросить, в порядке ли он, но она знает, что совсем скоро это будет неважно.

— Я его навещу, — говорит Руфус. — Матео хотел к нему еще раз заехать, но… у нас не получилось. Мне стоит сказать его папе? Странно, наверное, что это сделаю я, да? Ты лучше его знаешь.

— Ты тоже знаешь его вполне неплохо, — говорит Лидия. — Если не сможешь ты, я расскажу.

— Знаю, он меня не услышит, но я очень хочу рассказать ему, какой смелый у него был сын, — говорит Руфус.

Был. Матео теперь *был.*

— Я тебя услышу, — говорит Лидия. — Прошу, расскажи сначала мне.

Лидия держит Пенни на руках, пока Руфус рассказывает ей все то, что Матео не имел возможности рассказать ей сам. Завтра она соберет книжный шкаф, который Матео купил специально для Пенни, и развесит его фотографии по всей комнате.

Лидия будет беречь Матео от смерти единственным доступным ей способом.

ДЕЛАЙЛА ГРЕЙ

22:12

Делайла пишет некролог на основе интервью, за которое начальница все же ее не уволила. Хоуи Мальдонадо, возможно, мечтал о другой жизни, но Делайла вынесла из разговора с ним очень важную мысль: во всем необходим баланс. Жизнь — это круговая диаграмма, в которой максимальное счастье — это равные доли в каждой из сфер.

Делайла была уверена, что сегодня не встретится со смертью. Но у Смерти, похоже, на нее другие планы. До полуночи осталось чуть меньше двух часов. За это время она сможет понять, что мотало ее весь день туда-сюда, как по волнам: совпадение или злой рок.

Сейчас Делайла в кафе «Алтеа», названном в честь парка, расположенного прямо через дорогу. Здесь она впервые увидела Виктора, а теперь (не исключено, что в последние часы своей жизни) дописывает некролог человека, которого знала только издалека, вместо того чтобы встретиться лицом к лицу с любимым мужчиной и расставить все точки над i.

Topreading.ru

Она отодвигает в сторону ноутбук и освобождает место для того, чтобы раскрутить на столе обручальное кольцо. Виктор отказался забирать его вчера вечером. Делайла решает сыграть в игру: если, покрутившись, кольцо повернется к ней изумрудом, она сдастся и позвонит Виктору; если нет — то просто допишет некролог, пойдет домой, хорошенько отоспится и придумает, что делать, уже завтра.

Делайла раскручивает кольцо, и изумруд указывает прямо на нее, даже чуточку не покосившись в сторону ее плеча или других посетителей кафе.

Делайла вынимает телефон и звонит Виктору, отчаянно надеясь, что это он над ней подшутил. Может быть, один из секретов Отдела Смерти заключается в том, что они там сами решают, кто умрет, — эдакая лотерея, в которой никто не хочет выиграть. Может быть, Виктор пришел на работу, швырнул на стол генеральному директору листок с ее именем и сказал: «Возьмите ее».

А может быть, разбитое сердце убивает.

ВИКТОР ГАЛЛАХЕР

22:13

Виктору Галлахеру не позвонили из Отдела Смерти, потому что он сегодня не умрет. Процедура объявления наемным работникам о том, что настал их Последний день, такова: руководство вызывает Обреченного к себе в кабинет «на совещание». Для остальных работников остается загадкой, умрет ли этот человек сегодня или его уволят. Он просто уже никогда не возвращается на рабочее место. Но Виктора это все совсем не касается, потому что он сегодня не умрет.

Виктор сильно расстроен и подавлен, гораздо сильнее обычного. Его невеста (он все еще зовет Делайлу своей невестой, потому что обручальное кольцо его бабушки до сих пор у нее) прошлой ночью попыталась с ним порвать. И хотя она утверждает, что решилась на это, потому что они очень разные, он знает истинную причину: в последнее время он сам не свой. С тех пор как три месяца назад Виктор заступил на работу в Отдел Смерти, он, за неимением более сильного слова, в панике. Прямо сейчас он идет к корпоративному психотерапевту Отдела Смерти, потому что, помимо желания Делайлы прекратить с ним всяческие отношения, на него сильно давит груз профессиональных обязанностей. Его умоляют, а он ничего не может сделать; ему задают вопросы, а ответов у него нет, — все это давит на Виктора. Но при этом деньги здесь платят замечательные, медицинскую страховку обеспечивают замечательную, и ему хотелось бы, чтобы и с невестой у него все снова стало замечательно.

Виктор заходит в офис (его местоположение, разумеется, не разглашается) со своей коллегой Андреа Донахью, которая не прекращает восхищаться портретами улыбающихся викторианцев и бывших президентов США, развешанных по желтым стенам. Эстетика Отдела Смерти вовсе не такова, как вы могли себе ее воображать. Нет здесь мрака и духа безнадежности. Управляющие решили, что открытая планировка пространства будет менее официозной, а также что необходимо больше света и ярких цветов, как в детском саду, чтобы глашатаи не сходили с ума, обзванивая обреченных на смерть людей, сидя в тесноте за перегородками.

— Привет, Андреа, — говорит Виктор, нажимая кнопку лифта.

Андреа работает в Отделе Смерти с самого его основания, и Виктору известно, что ей очень нужна эта работа, хоть она ей и ненавистна: так Андреа оплачивает внезапно подорожавшее обучение дочери и имеет хорошую медицинскую страховку (а ведь у нее больная нога).

— Привет, — говорит она.

— Как там котенок? — Легкая болтовня до и после смены поощряется руководством Отдела Смерти. Такие вот мини-шансы наладить связь с теми, у кого еще есть завтра.

— Все еще котенок, — говорит Андреа.

— Прикольно.

Двери лифта открываются. Виктор и Андреа заходят внутрь, и Виктор сразу нажимает кнопку закрытия дверей, потому что не хочет видеть коллег, которые только и делают, что чешут языком о всякой чепухе, например сплетничают о знаменитостях или обсуждают дурацкие телешоу, а потом идут на свое рабочее место, чтобы разрушить чью-то жизнь. Виктор и Делайла называют этих коллег «переключателями», и оба злятся, что такие люди существуют на свете.

В кармане вибрирует телефон. Виктор старается не думать, что это может быть Делайла, но сердце его подпрыгивает в груди, когда он видит на экране ее имя.

— Это она, — сообщает он Андреа, поворачиваясь к ней, будто она в курсе всех его дел. Андреа же интересует его жизнь ничуть не больше, чем его — ее новый котенок. Он снимает трубку. — Делайла! Привет. — Да, в его голосе звучит отчаяние, но это и естественно, речь ведь идет о любви.

— Это ты сделал, Виктор?

— Сделал что?

— Не играй со мной.

— О чем ты?

— О звонке-предупреждении. Это ты попросил кого-то поиздеваться надо мной, потому что я тебя разозлила? Если так, я не буду на тебя жаловаться. Просто признайся сейчас, и мы забудем об этом разговоре.

Лифт доезжает до десятого этажа, и сердце Виктора едва не останавливается.

— Тебе позвонили с предупреждением?

Андреа уже собиралась выйти из лифта, но осталась внутри. Виктор не знает, из беспокойства или любопытства, да и ему все равно. Виктор уверен, что Делайла не морочит ему голову. По ее тону он всегда легко определяет, когда она лжет, и сейчас он чувствует, что невеста обвиняет его в реальной угрозе, за которую *точно* написала бы на него донос.

— Делайла.

Молчание в трубке.

Topreading.ru

— Делайла, где ты?

— В кафе «Алтеа», — говорит она.

Забегаловка, в которой они познакомились. Она все еще его любит, он так и знал.

— Никуда не уходи, ладно? Я еду. — Он вновь нажимает кнопку закрытия дверей, увозя Андреа с собой. Раз тридцать, не меньше, он нажимает кнопку фойе, хотя лифт уже и так едет вниз.

— Я потратила впустую день, — плачет Делайла. — Я думала… Какая же я идиотка, черт, какая я идиотка. Я потеряла целый день.

— Ты не идиотка. Все будет в порядке. — До сегодняшнего дня Виктор ни разу не лгал Обреченным. Вот черт, Делайла — Обреченная. Лифт останавливается на втором этаже, и Виктор выпрыгивает из него и бежит по лестнице, где полностью теряется сигнал сотовой связи. Потом бегом пересекает фойе, говорит Делайле, что сильно ее любит и скоро будет рядом. Он смотрит на часы: осталось два часа. Но он знает, что все может случиться в течение пары минут.

Виктор запрыгивает в автомобиль и мчится к кафе «Алтеа».

РУФУС

22:14

На последней фотографии, которую я загружаю в инстаграм, я со своим Последним другом. Это то самое фото, которое я сделал у него в комнате. На мне его очки, а он щурится; мы оба улыбаемся, потому что урвали мгновения счастья прежде, чем я его потерял. Я просматриваю все свои фотографии и безумно благодарен Матео за пятна цвета, которые он подарил мне в Последний день.

Медсестра просит меня не вставать с постели, но, будучи Обреченным, я вправе отказаться от медицинской помощи. Черта с два я буду тут валяться. Мне нужно увидеть отца Матео.

Мне осталось жить меньше двух часов, и я не могу придумать лучшего способа провести это время, чем исполнить последнее желание Матео и увидеться с его отцом. На этот раз по-настоящему. Мне необходимо познакомиться с человеком, который воспитал Матео таким парнем, которого я полюбил меньше чем за день.

В сопровождении настойчивой медсестры я направляюсь на восьмой этаж. Да, я понимаю, она это делает из самых добрых побуждений и пытается помочь. Просто сейчас во мне маловато терпения. Я даже не задерживаюсь у входа в палату, а вхожу прямо внутрь.

Папа Матео не совсем такой, каким я представлял повзрослевшего Матео, но довольно на него похож. Он все еще крепко спит, не догадываясь, что, когда он очнется, сын не будет ждать его дома. Я даже не знаю, осталось ли что-то от их дома. Надеюсь, пожарным удалось потушить огонь до того, как он распространился.

— Здравствуйте, мистер Торрес, — говорю я и сажусь рядом с кроватью. На этом самом месте Матео пел ему песню сегодня утром. — Меня зовут Руфус, я Последний друг Матео. Мне удалось вытащить его из дома, не знаю, успел ли он вам об этом рассказать. Он был очень

смелым парнем. — Я вынимаю телефон из кармана и с облегчением замечаю, что он еще не разрядился. — Уверен, вы им гордитесь и с самого начала знали, что смелость — это часть его природы. Я знал его всего один день и тоже горжусь им. Я наблюдал, как он превращается в человека, которым всегда хотел быть.

Я просматриваю фотографии, которые сделал за сегодняшний день, и перехожу сразу к цветным кадрам.

— Мы сегодня жили на полную катушку.

Перелистывая кадры, я отчитываюсь папе Матео о прошедшем дне: вот сделанный исподтишка кадр «Матео в Стране чудес», который я так ему и не показал; вот мы вдвоем, наряженные летчиками в «Жизни в моменте», где «прыгали с парашютом»; вот кладбище таксофонов, где мы обсуждали бренность жизни; вот Матео спит в поезде метро с домиком из «Лего» на коленях; вот Матео сидит внутри своей наполовину выкопанной могилы; вот витрина «Открытого книжного» за минуту до того, как в нем произошел взрыв, едва нас не убивший; вот тот паренек на велике, который я ему отдал, ведь Матео боялся, что именно из-за него мы погибнем, хотя после первой (и последней) нашей совместной поездки он так уже не думал; вот приключения в «Арене путешествий»; вот мы с Матео у входа в клуб «Кладбище Клинта», где пели, танцевали, целовались и откуда сломя голову убегали, спасая свои жизни; вот Матео прыгает по моей просьбе на кровати; и наше последнее фото, на котором я в очках Матео, а он щурится, но выглядит таким нереально счастливым.

Я тоже счастлив. Даже теперь, когда я полностью разбит, Матео снова помогает мне восстановиться.

Я проигрываю видео, которое мог бы бесконечно смотреть на повторе.

— Он поет мне «*Your Song*», которую вы, кажется, тоже любите. Матео изображал, что поет только потому, что хочет дать мне почувствовать себя особенным. Я, конечно, так себя и чувствовал, но знал при этом, что поет он и для себя тоже. Петь он любил, хотя делал это не очень здорово, хе-хе. Он любил петь, и вас, и Лидию, и Пенни, и меня — и всех на свете.

Кардиомонитор не реагирует ни на песню Матео, ни на мои истории. Никаких скачков. Ничего. Это разбивает мне сердце. Мистер Торрес жив, но застрял в больничной палате, и идти ему некуда. Может быть, это еще более серьезная оплеуха, чем умереть молодым. Но он ведь еще может очнуться. Спорю, что после потери сына он будет чувствовать себя единственным человеком на земле, хотя каждый день его будет окружать многотысячная толпа.

На тумбочке у койки мистера Торреса лежит фотография. На ней Матео лет семи, его папа и торт с героями из «Истории игрушек». Малыш Матео дико счастлив. Смотрю и жалею, что не был знаком с ним с детства.

Нам бы еще хоть неделю.

Лишний час.

Просто чуть больше времени.

На обратной стороне фотографии послание:

«Спасибо тебе за все, пап.

Я буду смелым, со мной все будет хорошо.

Люблю тебя от земли до неба.

Матео».

Я рассматриваю почерк Матео. Он написал эти слова сегодня и свое обещание выполнил.

Мне хочется, чтобы папа Матео знал, чем занимался его сын. Я роюсь в кармане и нахожу рисунок земного шара, который набросал, когда мы с Матео сидели сегодня утром в моей любимой закусочной. Он весь мятый и немного влажный, но сойдет. Я беру из тумбочки ручку и пишу вокруг Земли:

«Мистер Торрес,

Меня зовут Руфус Эметерио. Я был Последним другом Матео. В свой Последний день он вел себя реально смело.

Я весь день фотографировал и выкладывал фотки в инстаграм. Обязательно посмотрите, как он провел время. В инстаграме я @RufusonPluto. Я очень счастлив, что ваш сын написал мне в день, который мог бы стать худшим в моей жизни.

Соболезную вашей утрате,

Руфус (05.09.2017)».

Я сворачиваю записку и оставляю ее рядом с фотографией.

Дрожа, я выхожу из палаты. Решаю не смотреть на тело Матео. Он вряд ли захотел бы, чтобы я это делал в свои последние минуты на земле.

Я ухожу из больницы.

22:36

Песок в моих песочных часах почти иссяк. Мне становится страшно. Воображение рисует, как Смерть преследует меня, прячется за машинами и кустами, готовая взмахнуть своей проклятой косой.

Я жутко устал, не только физически. Я истощен эмоционально. Точно так же я чувствовал себя после того, как потерял родных. Горе, с которым невозможно справиться. Помочь может только время, которого, как мы знаем, у меня нет.

Я снова иду в парк Алтеа, чтобы переждать эту ночь. Я проделывал этот путь тысячу раз, но сейчас не могу унять дрожь, потому что, как бы насторожен я ни был, моя собранность не изменит того, что вскоре произойдет. Еще я скучаю по моей семье и по Матео. И, блин,

надеюсь, загробная жизнь существует и Матео можно будет без труда там найти, как он и обещал. Интересно, нашел ли он свою маму. Рассказал ли обо мне. Если я найду своих родителей и сестру, мы сначала обнимемся, а потом я подключу их к поискам Матео. И потом… Кто знает, что будет потом.

Я вставляю наушники и просматриваю видео, на котором Матео поет мне песню.

Вдалеке я вижу парк Алтеа — место, где со мной всегда происходят перемены.

Потом перевожу внимание на видео. Голос Матео звучит прямо у меня в ушах.

Я перехожу дорогу, и больше некому меня предостеречь.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я написал еще одну книгу и выжил! И, разумеется, сделал это далеко не один.

Как всегда, огромная благодарность моему агенту Бруксу Шерману за то, что он дает зеленый свет всем моим эмоциональным порывам и находит идеальный дом созданным мной предметам в форме книжек. Никогда не забуду, как он обрадовался, когда узнал, что я пишу книгу под названием «В конце они оба умрут», и как написал мне сообщение в шесть утра после того, как я отправил ему первый черновик. Мой редактор Эндрю Харвелл заслуживает десяти тысяч прибавок к зарплате за то, что помог мне превратить этот предмет в форме книги в «мрачную игру Дженга»[20]. Это его гениальное описание, не мое. Переписывать книгу сто раз оказалось, конечно, непросто, и эта работа была бы просто невозможна без внимательного взгляда Эндрю и его чуткого сердца/ума.

Огромная благодарность всей команде издательства *HarperCollins* за то, что оценили меня по достоинству. Розмари Броснан — человеку, дарящему всем живущим во вселенной острое чувство радости. Эрин Фитцсиммонс вместе с художником Саймоном Прейдзом, которые создали бесспорно потрясающую и умную обложку. Это реально была любовь с первого взгляда. Марго Вуд, работа с которой всегда означает волшебство и магию. Спасибо Лоре Каплан за пиар книги, Одри Дистелькамп — за маркетинг, Пэтти Росати — за программу «Школы и библиотеки». Спасибо Джанет Флетчер и Бетани Райс, они помогли мне казаться умнее. Кейт Джексон — за то, что болела за эту книгу еще до того, как познакомилась со мной. А также спасибо всем остальным сотрудникам, чьи отпечатки пальцев остались на моей книжке, — я с нетерпением жду того дня, когда мы познакомимся, и я узнаю ваши имена.

Спасибо агентству *The Bent Agency* и особенно Дженни Бент — за поддержку моих книг.

Моему помощнику Майклу Д’Анжело за то, что постоянно отдает мне команды. А еще за слезливые селфи.

У меня стало больше друзей благодаря словам, которые мы написали, и это потрясающе. Моя сестра/жена по литературному труду, Бекки Алберталли, и мой брат/ фиктивный муж, Дэвид Арнольд-Сильвера, спасибо вам за групповые чаты и групповые объятья. Спасибо Кори Уэйли, первому человеку, к кому я обратился, когда в декабре 2012 года мне в голову пришла идея этой книги. Среди моих прочих дорогих и невероятных друзей я с гордостью могу назвать

следующих: Жасмин Варга, Саба Тахир, Никола Юн, Энджи Томас, Виктория Авеярд, Дониэлль Клейтон, Сона Чараипотра, Джефф Зентнер, Арвин Ахмади, Ланс Рубин, Кэтрин Холмс и Амери. А также я благодарен тем из моих друзей, кто был со мной задолго до того, как я написал свой первый роман, а именно Аманде Диас и Майклу Диасу, которые терпят меня с самого раннего детства, и Луису Ривере, который в буквальном смысле спас мне жизнь. Спасибо вам всем за то, что вы всегда знаете, когда оттащить меня от ноутбука, но в конечном счете вдохновляете на возвращение к каждой моей истории.

Спасибо Лорен Оливер, Лексе Хиллйер и всей компании *Glasstown*. Я никогда еще не имел чести писать книгу в сотрудничестве с целой организацией, но я узнал много нового об искусстве рассказывать истории, работая с этими нереально талантливыми женщинами.

Я благодарен за каждый отзыв Ханне Фергесен, Далии Адлер, Тристине Райт и многим другим.

Спасибо моей маме, Перси Розе, и моей сестренке-Близнецу по знаку зодиака, Сесилии Ренн: вы мой пример для подражания и моя группа поддержки; вы всегда подбадривали меня в погоне за каждой мечтой (и за каждым парнем).

Спасибо Кигану Страусу, который доказал, что можно изменить свое отношение к кому-то всего за двадцать четыре часа.

Спасибо каждому читателю, книготорговцу, библиотекарю, учителю и герою из издательского бизнеса, которые кладут свою жизнь на то, чтобы книги продолжали жить. Благодаря вам эта вселенная не такое уж и паршивое местечко.

И, наконец, спасибо всем незнакомцам, которые не вызвали полицию, когда я задавал им вопрос: «Что бы вы сделали, если бы узнали, что вот-вот умрете?» В этой книжке ровным счетом ничего не вдохновлено вашими ответами, но разве не прикольно, когда незнакомец заставляет вас задуматься о вашей смертности?

*****

THEY BOTH DIE AT THE END

by Adam Silvera

Книга издана с согласия автора и при содействии литературного агентства *Prava i Perevodi.*

First published in the United States by Harper Teen an imprint of HarperCollins*Publishers,* Inc.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Сильвера, Адам.

Copyright © 2017 by Adam Silvera

Cover art © 2017 by Simon Prades

© Д. Раскова, перевод на русский язык, 2020

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2021

Литературно-художественное издание

Серия REBEL

Адам Сильвера

В конце они оба умрут

18+

Перевод с английского: Дарья Раскова

Издатели: Андрей Баев, Алексей Докучаев

Исполнительный директор: Николай Ерюшев

Главный редактор: Сатеник Анастасян

Арт-директор: Максим Балабин

Принт-менеджер: Денис Семенов

Директор по продажам: Павел Иванов

Директор по маркетингу: Ксения Мостовая

PR-менеджер: Наталья Носова

СММ: Марина Полякова

Над книгой работали:

Ответственный и литературный редактор: Сатеник Анастасян

Верстальщик: Анна Тарасова

Корректоры: Наталья Витько, Надежда Власенко

Подписано в печать 20.02.2021.

Издательство Popcorn Books

www.popcornbooks.me

notes

Примечания

1

Topreading.ru

Перевод с англ. Оксаны Кириченко. — Здесь и далее примеч. пер.

2

Латиноамериканские пирожки.

3

Мужская стрижка, при которой создается нечеткий переход от коротких волос на затылке до любой желаемой длины на макушке.

4

Национальный праздник в США, который отмечается в первый понедельник сентября, начиная с 1882 года.

5

Песня американской соул-группы Kool and the Gang, ставшая универсальным саундтреком для вечеринок, свадеб и спортивных состязаний.

6

Песня американской рок-группы Starship.

7

«Я буду любить тебя до скончания времен» (англ.).

8

«Одна песня на прощание…» (англ.)

9

Angel — ангел (англ.).

10

Topreading.ru

Трубки на оси колеса, которые помогают делать всевозможные трюки.

11

Глен Томас Джейкобс, американский рестлер, бизнесмен, политик и актер, избранный мэр округа Нокс, штат Теннесси. Выступает под именем Кейн.

12

От англ. peck — клевать.

13

Рок-баллада американской рок-группы REO Speedwagon.

14

Песня Дона Маклина с одноименного альбома 1971 года.

15

Песня знаменитого соул-исполнителя Отиса Реддинга с альбома Complete & Unbelievable: The Otis Redding Dictionary of Soul 1966 года выпуска.

16

«Прошло много-много лет, а я все еще помню…» (англ.)

17

«Как когда-то эта музыка заставляла меня улыбаться» (англ.).

18

«Таким будет день, когда я умру… Таким будет день, когда я умру…» (англ.)

19

Topreading.ru

«Надеюсь, ты не будешь против, если я скажу тебе вслух, как прекрасна сейчас моя жизнь, когда в ней есть ты…» (англ.)

20

Настольная игра, в которой игроки по очереди достают деревянные блоки из основания башни и перекладывают их наверх.

Topreading.ru